18+
НАШЕ
РАДИО
ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ
ЛЕГЕНДЫ
НАШЕГО РОКА
ЛЕГЕНДЫ РУССКОГО РОКА

Аннотация

В книге собраны веселые, удивительные и, беззаботные еще, байки из жизни наших рок-музыкантов. Свидетелем некоторых событий автор был лично, о других ему рассказали культовые рокеры во время (а также до и после) телевизионных бесед.

Евгений Додолев

Легенды нашего рока

Автор благодарит своих коллег, помогавших ему работать над этой вещью: ветеранов газеты «Новый Взгляд» Андрея Ванденко и Марину Леско; редакторов «Музыкальной правды» Александра Ф. Алейникова и Наталию Максимову; сотрудников ТВ-канала «Москва 24» Дмитрия Жмелькова и Татьяну Луговых и особо – главного редактора телеканала «Россия 24» Евгения Бекасова, стоявшего у истоков проекта «Правда 24», беседы в рамках которого и легли в основу настоящего издания.

Фото, использованные в данном издании, любезно предоставлены из личного архива Е.Ю. Додолева.

От автора

Здесь собраны истории, свидетелем которых либо был я сам, либо слышал от непосредственных участников. Если выстроить персонажей в алфавитном порядке, то можно узреть пеструю галерею наших рок-кумиров: от «отца советского рок-н-ролла» Александра Градского до «последнего героя» Виктора Цоя.

Байками эти случаи можно назвать лишь в том смысле, что многие из персонажей по-разному помнят (или уж тем более трактуют) обстоятельства. Таково устройство человеческой памяти. Например, Андрей «Макар» Макаревич категорически отрицает эпизод с лысой пингвинихой, но зато вполне охотно рассказывает об удаве Брунгильде и козочке Ребекке. Александр Буйнов за постэфирным чаем в гостевой канала «Москва 24» делится со мной забавным случаем (джинсы Kansas City), а неделю спустя его тезка Градский дезавуирует версию товарища и настаивает на своей собственной. И так далее.

Именно поэтому я иногда не просто пересказываю услышанное своими словами, а привожу беседы полностью, чтобы был очевиден контекст. И при всякой возможности воспроизвожу прямую речь героев. Тем более что иногда истории могут быть своего рода иллюстрациями к очеркам о тех или иных статьях Уголовного кодекса. Некоторые из происшествий ведомы знатокам нравов рок-богемы, другие неизвестны даже близким коллегам фигурантов.

Ну и многие случаи, вполне для настоящей книги, условно говоря, форматные, я тем не менее не стал упоминать в силу их известности широкой публике. Допустим, про то, как Андрей Макаревич после смерти своего отца сделал ремень для гитары из кожаного пояса, которым крепился протез родителя (помню Вадима Григорьевича, замечательного и открытого, но не знал в пору нашего с ним общения, что на фронте он потерял ногу): об этом сам музыкант рассказывал так искренне и живописно, что наивно было бы воспроизводить эту историю еще раз в этом повествовании.

В принципе, рокеры в качестве «вспоминальщиков» плохи тем, что многое подзабыли, поскольку часто бывали в «состоянии измененного сознания». Однако, с другой стороны, хороши тем, что если в этом самом состоянии что-либо расскажут – никогда не будут потом дезавуировать и от своих слов отказываться.

Увы, исполнители других жанров порой бывают в этом смысле менее комфортными информаторами. Например, Денис Мацуев = виртуозный (все знают) пианист и – от себя добавлю – обаятельный собеседник. Интервью с ним – всегда подарок. И для зрителя, и для журналиста. Тем не менее, когда меня спрашивают о «закадровых впечатлениях», я всегда привожу печальный пример своего общения с этим выдающимся музыкантом. Я беседовал с Мацуевым накануне Сочинской Олимпиады. И, полагаю, именно этот аспект привел к своего рода мини-скандалу. Во время нашей ТВ-беседы гость заявил, что скептически расценивает кроссовер как жанр, а лицо такого направления, как «скрипичный техноакустический фьюжн» – Ванессу Мэй, – упрекнул в профанации. Я не особенно пытался возражать, учитывая непререкаемый авторитет своего визави. Однако после эфира герой программы позвонил моему продюсеру Айсель Магомедовой и попросил ее удалить запись нашей беседы в программе «Правда 24» со всех ресурсов, включая сайт канала «Москва 24». Смею предположить, что, поскольку Ванесса была почетным участником Олимпиады, Денису Леонидовичу указали на его «прокол» и он поспешил дезавуировать «идеологически неверный» пассаж. Да, Мацуев – гениальный музыкант, но не дипломат ни разу.

Что еще необходимо отметить: вещь рассчитана на тех, кто помнит – условно говоря – «материал». Многие молодые просто могут не понять, о чем речь. Для иллюстрации тезиса воспроизведу здесь историю своего ТВ-коллеги:

«В метро подслушал диалог парня с девушкой лет пятнадцати, по всей видимости, студенты музыкального училища, которые обсуждали предстоящее выступление, где они намеревались спеть дуэтом пугачевский хит “Не отрекаются любя”. Ребята разбирают текст и решают, как им двигаться по сцене на той или иной фразе. И вот дело доходит до строчки: “И так захочешь теплоты, не полюбившейся когда-то, что переждать не сможешь ты трех человек у автомата”. Она задумчиво: “Интересно, что это за автомат? Игровой, что ли?” Он: “Ну, игровой тут вроде бы по смыслу не подходит… Может, он в армии служит?”. На том и порешили».

Да, так что помянутый выше контекст значение имеет, и мне надо это держать в голове. Не все помнят, что в советскую эпоху будки-автоматы были единственными городскими точками телефонной коммуникации. Кстати, в ночное время они же служили для «стритовой публики» любовными оазисами, если, конечно, под любовью можно понимать пьяный секс, когда металлический шнур продевался под левой коленкой еле стоящей на ногах подружки, после чего трубка вешалась обратно на рычаг и девушка стабилизировалась в достаточно пикантной и, бесспорно, физиологически годной позиции для «продолжения разговора». Ну да ладно.

Еще существенный момент: что называть рок-музыкой и кого числить рокерами? Даже наши рок-иконы не всегда и не во всем верны были самому драйвовому музыкальному жанру.

Сайд-проекты Макаревича (в отличие от «Нюанса» Кутикова и/или «Шанхая» Маргулиса) к року отношение вряд ли имеют. Юрий Шевчук всегда балансировал на грани если не «шансона», то «кабака» (оттого и люб не только почитателям рока, но и служивым людям да братве). Градский, будучи обладателем титула «отца советского rock’n’roll’a», тем не менее всесоюзную славу обрел на эстраде и ей же посвятил значительную часть своей сценической карьеры. А его соратник и тезка Буйнов, например, для нынешних зрителей ассоциируется, конечно же, с попсой, но начинал-то он в «Скоморохах» и «Араксе», первых советских рок-группах. Юрий Антонов тоже сотрудничал с рок-командами (опять же «Аракс»). Валерий Сюткин зажигал со своим «Телефоном». Бари Алибасов так вообще утверждает, что его «Интеграл» (в котором начинал и Юрий Лоза) на каком-то этапе был единственным настоящим рок-коллективом в СССР.

Да и по образу жизни все персоны этой книги рок-н-ролл исполняли не только на сцене, но и в быту – зажигали, словом.

Раздел немного хулиганский, про розыгрыши и типа того

Как Макс капитановский вел программу «Время» и ронял девиц в койку

Первые видеомагнитофоны в СССР стали привозить из загранкомандировок и гастролей где-то на излете 70-х. Хотя уже в 1983 году мы стали выпускать «Электронику ВМ-12» для VHS-кассет, правда в продажу они попали лишь в следующем году. В апреле 1986 года вышло постановление Совмина РСФСР об открытии видеозалов, где эти «Электроники» эксплуатировались, но подпольные салоны при этом функционировали в каждом квартале, в основном в квартирах счастливых обладателей импортной техники. 1 августа 1986 года указом Президиума ВС РСФСР в Уголовный кодекс РСФСР в дополнение к статье 228 о порнографии был внесен дополнительный пункт «Об уголовной ответственности за изготовление и распространение произведений, пропагандирующих культ жестокости». Кассеты изымались таможней в Шереметьево, но «процесс пошел», и пиратский видеопрокат стал массовым. Менты перед облавой, как правило, вырубали электричество в квартире: кассета застревала в аппарате и злоумышленников брали с поличным (многих арестовали за семейный просмотр «Греческой смоковницы», которую сейчас демонстрируют по федеральным каналам).

Однако на рубеже 70-х и 80-х видеотехника была чрезвычайной экзотикой и многие даже не подозревали о существовании диковинных шайтан-машин. Одна из первых в тусовке появилась у моего приятеля студенческой поры Жени Федорова, который после МГИМО служил в Алжире и привез из-за рубежа японский аппарат (а может, купил в «Березке» на привезенные «чеки», не помню деталей). На почве обмена кассетами он сошелся с Александром Абдуловым, Александром Стефановичем и Леонидом Ярмольником (даже у Макаревича тогда не было «видака»). Позднее собутыльник дней моих веселых Федоров стал ведущим «Звуковой дорожки» легендарного «Московского комсомольца» и летом 1986 года познакомил того же Андрея Макаревича с матерью его единственного наследника, нашей старинной

знакомой Аллой Голубкиной. Но об этом не здесь.

А смешную штуку с федоровским «видаком» придумал Макс Капитановский, который в ту пору работал в «Добрых молодцах» и ВИА «Лейся, песня» (он ушел из «Машины Времени» в 1973 году и вернулся лишь десять лет спустя, но уже не в качестве барабанщика, а лишь как концертно-гастрольный звукорежиссер). Так вот, Максим с помощью друзей-телевизионщиков из Главной редакции информации ЦТ записал на VHS некий сюжет в интерьерах программы «Время»: как бы он лично ведет вечерний выпуск державных новостей, начиная с «протокола» и кончая сакраментальными «закромами Родины», все дела. Такой весь из себя солидный, хаер аккуратно зачесан назад, светлая сорочка со строгим галстуком, пиджак цвета navy.

А ведь диктор во «Времени» тогда (и вплоть до «революции» 1991 года) был всего один – Игорь Кириллов. В компании прекрасных дам, среди коих Нонна Бодрова, Аза Лихитченко, Анна Шатилова и Вера Шебеко.

Поэтому, когда мы тем летним днем познакомились с девчонками, что сидели за соседним столиком в «Арбате», никто их трех минских красавиц не поверил, что дядька (Макс, будучи почти ровесником Градского, был старше остальных на дюжину лет) не просто работает в «Останкино», но и ведет главную программу страны. Тем не менее, троица юных студенток охотно согласилась поехать в гости к Федорову в Матвеевское, хотя, конечно же, они снисходительно улыбались, выслушивая реплики Капитановского, что-то вроде:

«Успеем как раз к началу “Времени”, хочу посмотреть, как у меня получается, все-таки работа новая и ответственная».

А кассета с фейковым выпуском «новостей» (общим хронометражем, как помню, минуты на три) уже была, подобно пехотной мине, заложена в экзотический японский мультисистемник, что примостился под большим телеком в гостиной. И взрыв таки прозвучал.

Короче, ровно в 21:00 хозяин территории Женя включил аппарат. Надо было видеть лица симпатичных товарок, когда после стандартной заставки в студии возник суровый Макс, официально поприветствовавший зрителей и начавший гнать дежурную пургу про удои, прокаты да награждения. Девчонки попросту окаменели, челюсти на полу лежали… Как жаль, что не было гаджетов в наше время: тайком снять бы эти прелестные изумленные мордашки и выложить на YouTube – миллион просмотров гарантирован; и даже не в контексте происходящего, просто такую гамму эмоций не сыграть Николь Кидман в комплекте с Кристиной Асмус и Моникой Беллучи. Нам стало очевидно: дадут, да, нас ждет ночь чудес и эротических приключений.

Однако, как говорится в «магазинах на диване»: но это не все!

На второй минуте в речи диктора вдруг промелькнуло сленговое «клево»! А еще через 30 секунд с экрана государственного ТВ профессионально поставленным голосом лжеведущего упало небрежное словосочетание «полная хуйня». Зрительницы в федоровской гостиной были за гранью истерики; у миниатюрной брюнетки, которую я некоторым образом обхаживал, «забив для себя», начались схватки астматического характера.

А в финале записи «диктор» вообще вскочил на стол со зловещей усмешкой Люцифера и пронзительным воплем: «Ну, как я вас наебал?!» Ко всему прочему, новоявленная ТВ-звезда оказалась хоть и в пиджаке, но… без брюк, – в тщательно и любовно подобранных «для премьеры» труселях. Надо ли описывать реагаж прелестных жертв розыгрыша? Славно, что помимо этого ТВ-сюрприза в Женькиной квартире заготовлен был и ординарный портвейн «777» в ассортименте.

Как Крис Кельми отказался от модного автоответчика

К вопросу о технике и казусах. Первый автоответчик в тусовке появился у Криса Кельми, которого злые языки дразнят Толей Калинкиным. Я-то его помню еще со школьной поры и свидетельствую, что Кельми, как и полагается, – папина фамилия: Ария Кельми я помню хорошо. Но это к слову. Ну и да, по паспорту он таки Анатолий Ариевич. Затем Арий Михайлович женился на Сулиной, и его единокровный брат Женя долгое время был директором условного коллектива «Крис Кельми».

Однако по интернетам нашим давно по сию пору гуляет легенда, что настоящая фамилия рокера на самом деле Калинкин. Вся эта история началась с шутки на моих буквально глазах: дело было в круизе, где проходил конкурс «Мисс Пресса». Мы с ним вспоминали эту историю.

* * *

– Крисуль, вот очень любит тебя потроллить Градский, который, как известно, вообще маститый тролль. Насчет фамилии. Давай мы сразу снимем этот вопрос, развеем миф, который ходит по Сети, что якобы ты не Кельми. Потому что я-то знал твоего папу, Ария Михайловича Кельми. И вот то, что ты Кельми, я знаю. Откуда вообще вот эта взялась идея, что ты Калинкин?

– Да. Я думаю, что в одном из круизов конкурса «Мисс Пресса» это придумал Градский. Я долго терпел. Я говорю, Саш, вот представляешь, ты приедешь на могилу к моим родителям. И увидишь, значит, памятник, там написано: Кельми. Ну, все родители. Бабушка, все. Я ему сказал, тебе стыдно не будет? После этого он перестал это повторять.

– Ну, Калинкина – это фамилия мамы, да?

– Это вообще ниоткуда. Вообще ниоткуда. Фамилия мамы Якимовец. Арий Михайлович Кельми – это мой отец. Известный всей стране, кстати, гидростроитель. Про Калинкина это какой-то блеф.

– Но очень устойчивый. Люди очень вот почему-то ведутся на это.

– Жень, ну что, ну, давай поплачем.

– Нет, я хотел, чтобы это вот прозвучало из твоих уст, чтобы снять вообще эти вопросы.

– В свое время даже Дмитрий Шавырин опубликовал мой паспорт.

– Да, я, кстати, помню, да, эту историю. Не помогло.

– Не помогло абсолютно. Это напечатать можно все, что угодно. Но я думаю, дело не в составе букв и количестве. Дело в сути. Потому что Кельми – это древняя испанская фамилия известная. У меня там корни определенные. С чем сражаться, с ветряными мельницами?

* * *

Но не об этом речь. Крис Кельми работал в «Ленкоме» Марка Захарова и с подачи Пьера Кардена поехал с «Юноной и Авось» на гастроли во Францию. Там Кельми и его «Рок-ателье» выступали с раскрученной в ту пору французской рок-группой (кстати, под названием Téléphone), и его песня «Мона Лиза» заняла топовую позицию в хит-параде Франции.

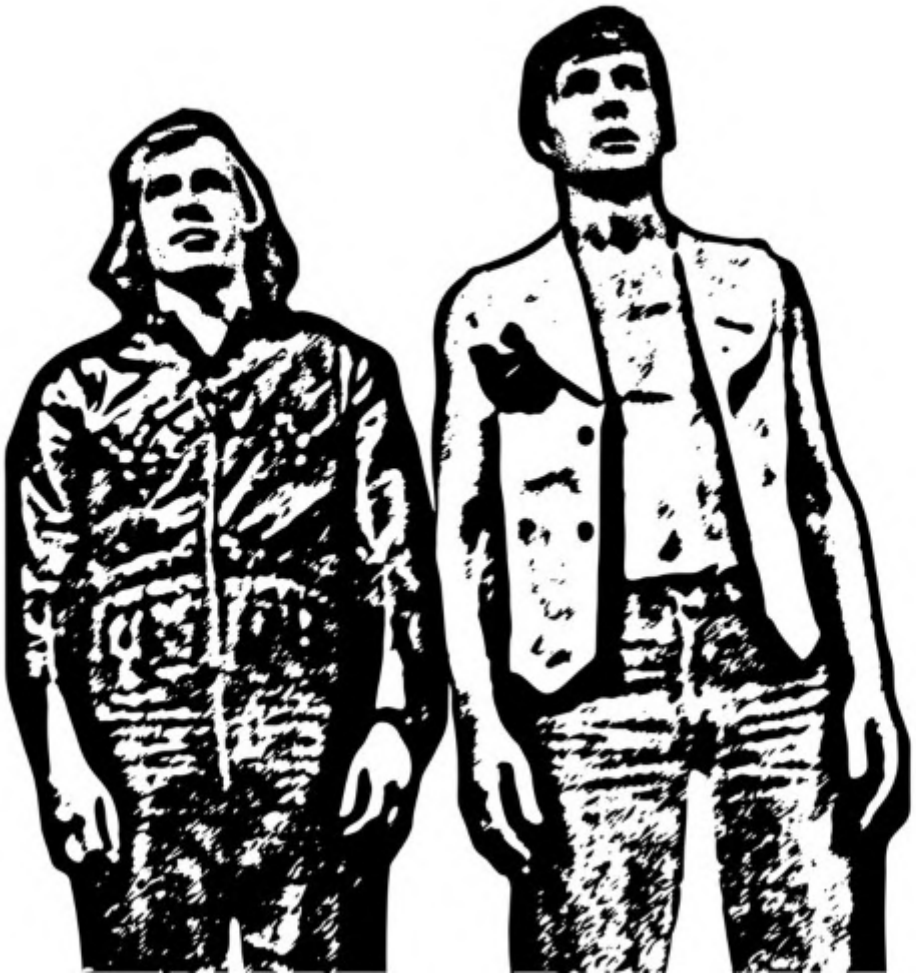
СПРАВКА

Так вот, когда по Москве прошел слух, что у Криса дома есть такое чудо и можно, набрав его домашний номер, безнаказанно проговорить что угодно, зная, что хозяин вынужден будет все это слушать, развлечение стало хитом сезона. «Ну что, пидарас, ноги-то побрил перед сегодняшним концертом?», «Толя, ты деньги когда отдашь, бездарный ты мудила?», «Трипак лечится, не ссы, Крисуля».

Особым шиком считалось приехать к нему домой на Делегатскую, 14 вместе с ним и попросить прослушать сообщения. КВН просто отдыхал. Очень смешно. Короче, через месяц от роскошной новинки Крис отказался. И достал ее с антресолей, только когда автоответчики у нас стали делом обыденным.

Ну, и «чтобы два раза не вставать» и закрыть тему домашней техники. Опять же одна из первых микроволновок в Москве появилась именно у Криса, привезена была из тех же французских гастролей. Кто-то из музыкантов «Машины» сказал Крису, что этот кухонный прибамбас вреден для здоровья и вызывает импотенцию. Кельми, помню, запарился не на шутку и пытался выяснить подробности (Интернета ведь не было, и что-либо нагуглить было, увы, невозможно). Переживал до тех пор, пока однажды во время пьянки на Делегатской Макс Капитановский с абсолютно невозмутимым видом на вопрос коллеги («Ну а вдруг хуй и вправду стоять не будет?») ответил:

«Да ты не суй его в эту свою микроволновку, блядь, и все у тебя будет в порядке».



Как рокеры на Родосе гуляли

Весенняя фотография 1991 года, на которой я по воле фоторепортера «Комсомолки» оказался на первом плане, в феврале 2016 года – когда автор ее обнародовал – обсуждалась в Facebook'е. Заслуженный репортер Михаил Дегтярь тогда вспомнил:

«Неожиданно увидел эту фотографию, сделанную замечательным мастером Владимиром Веленгуриным. Апрель 1991 года. Конкурс "Мисс Пресса СССР". Тогда мы плыли в круизе на теплоходе "Грузия" по Средиземному морю. Одна из остановок была на острове Родос. Это была первая стоянка советского лайнера на этом замечательном острове.

Вечером мы пошли на берег с музыкантами: Олег Газманов, Андрей Макаревич, Крис Кельми, Александр Кутиков, Евгений Маргулис, Галина Романова, а также Евгений Додолев и Иван Демидов. Мы нашли живописное местечко, и ребята устроили сейшн. Это было прекрасно!

А потом мне понадобилось вернуться за чем-то на корабль. Я поймал такси. Водитель, узнав, что я из СССР, тут же поставил мне "Путану" Олега Газманова и заявил, что это его любимая песня. Тогда я попросил его вернуться на место сейшена. Там подвел таксиста к Газманову и сказал, что это и есть автор "Путаны". Грек не поверил. Олег взял гитару и спел. Грек начал плакать.

Тут же выяснилось, что такси – это его хобби, а на самом деле он хозяин ресторана. Грек сгонял в свой кабак и привез литров пятнадцать вина. Надо ли говорить, что вечер удался?».

В круизе случилась еще одна милейшая история, участником коей я не был, но слышал ее в разных вариантах. Здесь изложу в исполнении Андрея Вадимовича Макаревича:

«Круизы были в основном по Средиземному морю, недели на две. Для привлечения туристов на пароход приглашали трех-четырех артистов – для заманухи. Артисты ехали бесплатно, давали за это концерт на борту, и все были довольны. Схема эта умерла так же быстро, как и родилась. Средиземное море оказалось не таким уж большим, маршруты повторялись и быстро приелись, туристы иссякли, а известные артисты стали капризничать и требовать денег, и все кончилось.

Но тогда круизная лихорадка была в разгаре, и вследствие этого я с Ксюшей Стриж, Олегом Митяевым, Костей Тарасовым и кем-то еще оказался на борту огромного белоснежного теплохода, отправлявшегося по греческим островам Средиземного моря. На греческих островах мы не бывали, поездка обещала быть замечательной и таковой, надо сказать, и оказалась.

Утром мы причаливали к очередному острову, весь день гуляли по древним городкам и осматривали красоты, а вечером садились на наш теплоход, весело выпивали и за ночь перемещались на другой остров.

Городок располагался на плоской вершине острова и напоминал семейство грибов, выросших на пне. Мы поднялись довольно высоко в гору и вдруг оказались в совершенной сказке: крохотные белоснежные домики с кривыми стенами, ярко-синие ставни, узкие мощеные, а то и просто выдолбленные в скале улочки, ни с того ни с сего выходящие к обрыву, за которым синело море…

Стояло раннее утро, и мы были единственными прохожими (так и хочется сказать зрителями), и это усиливало сходство с театральной декорацией. Редкие коты грелись на солнце, развалившись на подоконниках, и – никого. Над островом плыл невероятный запах жарящейся баранины, тут и там стояли мангалы с медленно вращающимся целым барашком на вертеле. С одной стороны мангал был закрыт щитом с фольгой – для отражения тепла, вертел крутился автоматически, барашек пах, хозяев не было видно. Мы уже знали, что все это будет готово не раньше середины дня, и тогда их начнут продавать с молодым местным вином, но в ближайшие два часа рассчитывать не на что, и беспомощно глотали слюнки.

Где-то через час такого брожения по абсолютно пустым закоулочкам (вообще жизнь на этих островках, видимо, начинается позже) мы наткнулись на маленькое уютное кафе: четыре белых пластиковых столика на открытой террасе, выходящей прямо к обрыву, за которым виднелось невероятно синее море.

Смотришь иногда на какую-нибудь открытку или фотографию в журнале и думаешь, что не бывает на самом деле такого синего-синего цвета. Оказывается, бывает! Вдали внизу – наш пароход. Справа терраска ограничивалась белой мазаной стенкой, в дверях стоял хозяин, облокотившись о косяк, и благожелательно на нас поглядывал.

Я высказался в том смысле, что не случайно единственное открытое заведение расположено таким красивым образом и что будет очень правильным решением присесть тут и выпить легкого греческого вина, любуясь на панораму. Мы зашли, поздоровались с хозяином, присели за столик и попросили домашнего вина, воды и каких-нибудь орешков.

Хозяин (это был дядька лет пятидесяти) выслушал нас, кивнул, скрылся в темном проеме двери и вернулся с подносом – две бутылки вина, вода, большие стаканы, плошечка с орехами. Выгрузил все это на наш столик и занял прежнюю позицию – в дверях. Мы чокнулись за сказочный островок, синее море, белый пароход и наше путешествие, выпили, закурили.

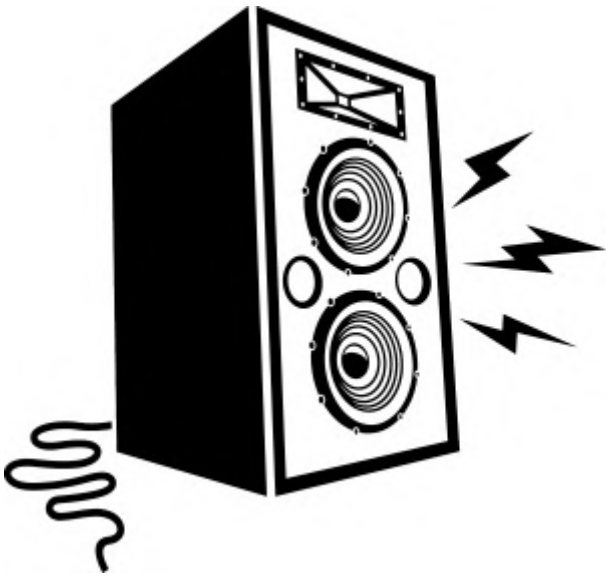
Вообще, я не сторонник выпивания с утра и никогда этого не делаю, но в тех редчайших случаях, когда сами обстоятельства диктуют тебе ход событий и сопротивляться не только глупо, но и бессмысленно, эффект бывает поразительным и не имеет ничего общего с постылым вечерним выпиванием. Как будто на сцене включают дополнительные софиты: краски становятся ярче, музыка прекрасней, а люди – еще лучше, и кажется в эти минуты, что смысл твоей жизни (да что там твоей – тайна Божьего замысла!) где-то совсем рядом, и надо только протянуть руку. Наслаждаясь этой иллюзией, мы посидели минут тридцать, а потом я попросил кофе и счет.

Думаете, он специально не выдавал себя, чтобы насладиться нашей неловкостью? Да ничего подобного. Просто он стоял в дверях своего домика на своей терраске, смотрел, щурясь, на восход. Зашли люди (гости!), попросили вина, все нормально! Ну, а уж что кофе не оказалось – пардон.

Боже, как мы извинялись, как пытались всучить ему деньги. При всей своей воспитанности человек все равно в кафе заходит не так, как в чужой дом, и сидит чуть иначе, и говорит с другими интонациями, и

было страшно неудобно. Никаких денег хозяин с нас, конечно, не взял, велел передать привет России и долго махал нам рукой и смеялся, как ребенок».

Как соль использовали вместо кокаина



Когда мы с Кельми принимали здесь наших американских друзей из Атланты (про наш вояж в штат Джорджия ниже), случилась забавность. То есть их было много, но расскажу про одну. Короче, заокеанский телевиртуоз Джим Рокко прилетел в Москву, и мы, естественно, стали водить его по самым модным столичным заведениям. И, само собой, начали с прославленного «Сохо» (этот клуб Антона Табакова + Андрея Деллоса на Красной Пресне, соединявшийся с «Пилотом» лаконичным коридором, позднее сгинул в огне пожара).

Там работали юные официантки, которые в коротеньких клетчатых юбчонках рассекали по крохотному залу на роликах. Такие, все из себя sexy, они напоминали нашему заокеанскому приятелю девчонок из родной Атланты: именно там базируется знаменитая ресторанная сеть Hooters (вообще-то переводится как «Совы», но на сленге – сиськи), известная демонстративной сексапильностью персонала.

Двух девушек – Машу и Таню – я знал очень неплохо (нас познакомил дамский угодник Влад Листьев, тогдашний завсегдатай «Сохо»). Внешне очень разные: смешливая рыжая малышка и якобы серьезная брюнетка модельного роста. И я с ними вступил в сговор. Когда девушки принесли аперитив Джиму, та из них (не вспомню, которая именно), что владела английским, буднично сказала US-гостю: если у него, мол, будет желание расслабиться, то минет входит в стоимость напитка. Джим поперхнулся и недоверчиво покосился на нас с Крисом.

Я пожал плечами: типа, что здесь такого, у нас здесь так принято. И заодно поинтересовался: не желает ли мистер Рокко отведать жареного утконоса или рагу из тасманского дьявола. Американец просто взвился: они же в «Красной книге»?! Подружки подыграли мне: ну, живем один лишь раз, что же не отведать запрещенного? Гость был в замешательстве, но решился на утконоса, «раз его уже убили и зажарили». Ему подали кролика, и он, отведав «табуированного» мяса, сказал, что ничего подобного не пробовал в жизни.

У Джима настолько съехала крыша, что, когда к заказанной текиле девчонки подали маленькое блюдце с мелкой, как пудра, солью, он без всяких сомнений стал скручивать банкноту, чтобы втянуть белоснежную субстанцию в ноздри. Решил, что эти сумасшедшие русские совсем страх потеряли: кокаин подают не таясь. Ну, а как же: интим предлагают прямо в зале, деликатесы жарят из живности исчезающих видов. Крис остановил Джима в последний момент: тот едва не повредил себе слизистую носа тем, что положено слизывать вместе с соком лайма при употреблении национального мексиканского напитка из сока голубой агавы.

Между прочим, с Джимом и Крисом связана вещь, которую я для себя обозначил как «эффект марихуаны». Когда мы с Кельми приехали в Штаты по приглашению MTV (летом 1991 года), мистер Рокко опекал нас, начиная с первого дня нашего визита. И где-то на третий день вечером угостил нас марихуаной. Ни Крис, ни я не были любителями «травы», но отказаться не решились. Ну, US-богема, у них так положено, невежливо не присоединиться – решили мы для себя.

И так продолжалось неделю, пока как-то в кулуарах CNN я не разговорился с вице-президентом ТВ-монстра NBC News Барбарой Пайл (она в Атланте тогда что-то с Тедом Тернером затевала) и она не поведала мне, что ежевечерние угощения каннабисом – тяжкое испытание для Джима, поскольку он, будучи американцем итальянского происхождения, предпочел бы… старый добрый алкоголь! То есть и он, и мы исходили из ложных представлений об ожиданиях противной стороны и в результате насиловали себя, не желая обидеть партнера.

Вот так. Вывод: нельзя себе изменять и не надо переступать через свои представления о прекрасном в желании угодить другим.

Как важно снимать штаны + юбки в Майами

Майами-бич. Майские праздники нашей богемы в «ихней Флориде». Мы возвращаемся в отель после ланча. Почему-то не по Оушн-Драйв, что вытянулась вдоль океана, а по параллельной Коллинз-Авеню. Мы – это два телевизионных Дмитрия: Дибров и Крылов, башкирский бизнесмен (назовем его Нефтяник), экс-журналист «Комсомолки» Алексей Романов (который занимался организацией конкурсов «Мисс Пресса»), знаменитый музыкант, коего разумно (в контексте скабрезности настоящей истории) окрестить Гитаристом, и его товарищ (пусть будет Басист, поскольку при оглашении его имени легко вычислить и Гитариста – героя скандального происшествия), ну и, как положено представляться согласно лекалам жанра, – ваш покорный слуга.

Кстати, несколько отвлекаясь от флоридского приключения, замечу, что и Басиста светить неуместно. Он, будучи одним из немногих рокеров, кто формально остался верен жене «первого состава», все время влипал в разные передряги со своими молоденькими поклонницами. Одна из них в середине нулевых (много позже описываемой истории) из категории групи сумела подняться до статуса официальной помощницы и сопровождала команду на германских гастролях.

Напомню: групи (англ. Groupie) – «поклонница, сопровождающая своих кумиров во время гастролей; термин имеет и более широкий (как правило, иронический) смысл, однако, начиная с середины 1960-х годов употребляется почти исключительно в отношении молодых женщин, активно стремящихся оказывать своим кумирам сексуальные услуги. Роберт Плант, вокалист британской рок-группы Led Zeppelin, разделял групи на две категории: тех, кто удовлетворяется разовой, краткой связью с любимыми музыкантами, и “суррогатных матерей”, которые, постоянно находясь рядом с ними, стремясь выполнять разнообразные полезные функции, заботятся о своих “питомцах”, следят за гардеробом, диетой, возможно – доставкой наркотических средств. Известность приобрела Памела Де Барр, попытавшаяся придать понятию “групи” интеллектуально-философскую обоснованность, вывести его на концептуальный уровень. Если верить книге Де Барр, известен по меньшей мере один групи-мужчина, который сопровождал на гастролях Кортни Лав, The Bangles и других знаменитых исполнительниц рок-музыки».

Так вот, Марина поехала с командой в европейский тур и все достаточно жестко прессинговали басиста, совестили его. И он объявил, что после возвращения в Белокаменную расстанется со своей спутницей, а в качестве отступного купит ей машину. Спустя неделю после возвращения на банкете, где мне довелось присутствовать, друзья поинтересовались, сдержал ли он обещание. Да, лаконично, ответил Басист.

«Ну и, какую тачку купил?»

«Аж три».

За столом воцарилось хмельное недоумение, потом кто-то не выдержал:

«Но нафига же три, ты не охуел ли, старина?!»

Через минуту перебранок-непоняток выяснилось-таки, что дело просто в фонетической неразберихе: музыкант подарил подружке Н3 («Аш-три», девичья модификация легендарного Hummer'а, которую в то время только что стали собирать на заводе «Автотор» в Калининградской области, где команда выступала буквально на днях).

Однако возвращаемся к смешному скандалу в Майами. Итак. Было не по-весеннему жарко, держимся мы теневой стороны, заходя в каждый второй из бутиков, чтобы глотнуть кондиционированной прохлады. Выйдя из очередного, решаем зайти в кафешку, чтобы полакомиться тем, что здесь называют мороженым. И зайдя, сталкиваемся с ней, красавицей-кубинкой. А звать ее Хуани. Это выяснилось через пару минут: по-моему, кто-то из Дмитриев продемонстрировал владение испанским.

Была она воистину обворожительна. Ресниц такой длины и бархатистости я, кажется, не видел никогда. Невзирая на тропическую погоду, длинные ноги эффектной брюнетки были упакованы в замшевые черные ботфорты по колено. Зато алая юбка была настолько коротка, что казалось, что на девушке лишь широкий трикотажный пояс. Между ним и блузкой красного атласа мелькал смуглый животик, достаточно плоский для обладательницы столь соблазнительно откляченной латиноамериканской попы. Короткая стрижка обнажала нежную шею и скрывала милые девичьи ушки. Я не очень привечаю рослых женщин, но у нашей новой знакомой была такая трогательная манера, наклонив головку, застенчиво заглядывать в глаза собеседнику, что даже при росте около метр-восьмидесяти прелестница вызывала ассоциации с очаровательной песенкой Насти Полевой о маленьких «девочках на цыпочках» и казалась просто стеснительной дюймовочкой.

Кубинской дюймовочкой.

От которой снос башни случился у Нефтяника.

Полный.

Впрочем, очарованы были почти все. Только Диброву, помнится, она не особенно приглянулась: он в ту пору однозначно предпочитал грудастых малолеток, а у нашей кубинской красотки бюст был идеального размера с точки зрения Майка Науменко – то есть целиком умещалась в мужскую ладонь. Зато декольте проходило по линии сосков, и шелковистая кожа оттенка молочного шоколада гипнотизировала не слабее модного тогда ТВ-мага Кашпировского.

Слово за слово, Нефтяник через добровольца-переводчика договорился с чаровницей о совместной трапезе. И, конечно же, в нашем Hilton Fontainebleau Miami Beach, самом престижном отеле флоридского курорта (во всяком случае, тогда, в середине 90-х; сейчас, кстати, эта пафосная гостиница уже не входит в сеть Hilton).

«Продолжение банкета» подразумевалось.

Поскольку, напомню, мы возвращались с обильного совместного обеда, все дружно сыпали прибаутками относительно «десерта», но, тем не менее, сияющая парочка покинула нас: желтые таксоморы покорно ждали клиентов почти на каждом углу изнывающей от тропической духоты улицы Коллинз.

Наш Гитарист весь иззавидовался, переживал: как же так, он и стройнее Нефтяника, и харизматичнее, да и эротического опыта, мол, побольше, а вот досталась девчонка напористому смуглому башкиру. С этими шутками-прибаутками мы и расстались с обоими ТВ-Дмитриями и Романовым – эта троица двинула

по 43-й в сторону деревянной тропы, что вела в нашу гостиницу (в нее можно попасть со стороны белоснежных шатров-кабан), а сами пошли по проезжей части Коллинз, она сливается там с трассой A1A и идет вдоль артерии Интеркостала, этакой своеобразной речки, параллельной океанскому побережью.

И вот когда мы поднимались по рампе отеля к главному входу, навстречу нам вылетела зареванная Хуани. Вид у девушки был потрепанный, дешевая тушь размазана по красивым скулам, на скуле рдеет свежая ссадина, алая блузка чуть надорвана. Ну, смекалистый наш Гитарист понял: это его шанс. Он бросился утешать рыдающую девицу, победно взирая на нас. Говорил, что купит ей новую блузку и, конечно же, прямо сейчас, в отельном бутике, откуда, дело ясное, путь лежал «в номера».

Мы с Басистом, порадовавшись за товарища, направились в лобби, где узрели знакомых из нашего круиза – продюсера «Акул пера» (незабвенного ТВ-6) Лену Демидову и ее боевую подругу Иру, которая в ту пору была спутницей Игоря Крутого.

Утром, во время похмельного завтрака Гитарист делился подробностями своей победы, говорил, что Хуани подарила ему незабываемое сексуальное наслаждение, и сетовал, что красавица испарилась, не оставив никаких координат (хотя мобильные тогда уже не были экзотикой ни у нас, ни тем более в Штатах).

Когда появился хмурый Нефтяник, музыкант с торжествующей интонацией пробросил ему что-то вроде того, что «Ты не знаешь, что потерял, старик!». Тот, помешивая мощной дланью сахар в утреннем американо, мрачно полюбопытствовал:

«А хуя ты у нее разве не заметил? Немаленький ведь…»

Гитарист поперхнулся. Улыбка с лица сходила медленно. Не все сидящие за столом сразу въехали в тему, но этим приключением с шимейлом из Майами музыканта троллили несколько недель после нашего возвращения в Москву.

Надо признать, что помимо маммопластики и того, что в Америке называют комплексом HRT (гормональной терапии), этому Хуану (мы почему-то решили, что в оригинале «красотку» звали как-то так), очевидно, провели виртуозную хондроларингопластику (коррекцию кадыка), хотя и вспомнил кто-то из нас про массивное и тесное ожерелье из черного жемчуга на атласной смуглой шее.

Впрочем, Гитарист и по сию пору категорически отказывается признать себя пострадавшим и стоит на своем: это был лучший в его жизни минет.

А уж ему есть с чем (и с кем) сравнивать, прошу поверить на слово.

Как Алексей «профессор» Лебединский опоздал на день рождения к Сергею Кальварскому

С Майами, который с конца 90-х стал негласной столицей российской богемы (тогда же славный город Лондонск превратился в столицу нашей бизнес-элиты), связана, вообще говоря, масса историй. Воспроизведу здесь одну. Не расскажу своими словами, а именно воспроизведу, скопировав сюда пост Алексея «Профессора» Лебединского:

«Вот жеж бляха… вчера, после недельного укачивания на яхте, преодолев 12-часовой перелет Майорка – Мадрид – Майами и изуверски сморкающуюся соседку, после паспортного контроля я был вежливо выхвачен американской пограничной (или какой-то еще там) службой из общей очереди и посажен в странную душную комнату без окон и без возможности выйти оттуда. Вместе со мной там находились человек 20: явно не высшего сословия мексикосы разного возраста в несвежих одеждах, пару латиносов до 30 лет, наглухо обвешанных голдой и ролексами, в модных висящих штанах типа “обильно насрано” и взглядом “я в рот вас всех ебал”, а также человек 5 прилично одетых европеоидов, которые так же растерянно рассматривали кутузку и пасущих нас копов, как и я. Копы, кстати, очень напоминают персонажей из “Полицейской академии” – многие очень смешно давят “крутышей”…

Паспорта у всех отобрали и вызывали к окошкам внутри кутузки, где сидели еще какие-то копы. Через часок меня, уже почти озверевшего от духоты и непонятки, вызвали в кабинку, где за столиком сидел чел без опознавательных знаков. В ответ на мой явно неспокойный вопрос, что я тут делаю, человек начал допрос: “вам не кажется Ваше поведение странным?” – “и чем оно странное?” – “у вас нет обратного билета” – “и что?” – “билет в один конец?? почему нет обратного билета?” – “потому что я не знаю, когда полечу обратно” – “как это вы не знаете??” – “а вот так это, не знаю!”. И при каждом вопросе и после моего ответа он пытался пронизывающе смотреть на меня, что-то изучая. Но, когда он понял, что такие взгляды

мне ровно пох, он перестал применять этот детский метод. “Что вы будете делать в Америке?” – “Проедусь по городам, красивым местам, увижу друзей и знакомых. Я путешествую” – “А почему у вас не распланировано путешествие??” – “потому что я не планирую путешествия и не знаю, сколько дней или недель я буду в Майами, Сан-Франциско или Лос-Анджелесе” – “Странно… А почему у вас нет обратного билета??” – “Потому что я не знаю, когда и откуда я полечу, и куда – тоже не знаю еще” – “ах, вы еще и не знаете, куда???!!” – “да, не знаю!” – “а например??” – “домой. Или в Париж. Или в Австралию! Куда захочу, туда и полечу” – “так не бывает!! Вы не можете так делать!!” И тут меня, блиааать, прорвало! “Фак, фак, фак!!!” – я приподнялся со стула, перегнулся через стол и наклонился к дяденьке: “ – Я думал, что я свободный человек! Нет?? У меня есть время и деньги, я хочу путешествовать и получать удовольствие, что не понятно!!??” Мне кажется, я орал…

Он охуел и притих, сбежались несколько полицаев. Один из них сказал “успокойтесь! А кем вы работаете? Кто ваши родители? Когда вы собираетесь покинуть Америку??”. Я положил под язык капотенчику и откинулся на спинку стула: “Если это продлится еще полчаса, то прямо сейчас. Вы меня три часа уже учите ненавидеть Америку, через полчаса я научусь"… Я был уже готов взять вещи и улететь. И вдруг первый допросчик, постоянно рывшийся глазами в мониторе и щелкающий мышкой, вдруг резко сменил тон разговора и спросил “У вас есть женщина?” Я задумался… “В каком смысле? Я не женат” – “А тут у вас красивая девушка” – и улыбается… “Где тут??” – “Я нашел вас в Гугле, а потом в Фейсбуке” – “Смотрите мой Фейсбук?” – “Да! У вас так много читателей, я смотрю… Вы что, известный человек? А кто эта девушка, ваша герлфренд?” – “Которая?” Я перегнулся через стол и заглянул в его монитор. “Нет, это

просто фотомодель из Киева, я брал ее во Францию и Испанию” – “Ага… А что Путин хочет делать в Киеве и на Украине?? Какие у него планы?” – “А вы у него спросите, он нам не докладывает! Я не знаю” – “А кто знает?”. Я опять задумался… “К сожалению, никто не знает…”. И мы задумались оба… “У вас очень красивые фотографии. Но вы ведь артист, вы приезжали в Америку с концертами, я вижу” (откуда он знает?) – “Да, фотография – моя третья профессия, я еще рекламой всю жизнь занимаюсь”. “Кофе хотите?” – “Нет, спасибо, я гипертоник и уже почти схватил криз у вас тут” – “Я тоже гипертоник, я вас понимаю… Вы нас извините, что мы вас задержали. У нас такая работа, поймите. Время сложное, очень много людей стремятся в Америку с разными целями. А у вас такой грустный вид со взглядом в пустоту, и билета обратного нет, вот и задержали. Вы б сразу сказали, что творческий человек. Вы такие странные бываете, творческие люди. Извините еще раз. Добро пожаловать в Америку! Отдыхайте, сколько хотите!”.

Это длилось 4 часа. После я еще час простоял в очереди за машиной. Так что на днюху к Кальварскому я приехал в виде унылого чесночного желе.

Чудесная Италия, тихий домик у озера, помидоры с моцареллой и брезаола, игра в сороковку по вечерам – это мне ближе во сто крат, чем эти небоскребы, громкий рэп из понтовых тачек, толпы девок-латинос и танцующие на улицах негритосики».

Как Юрий Лоза решил в Штатах не жить

Ну и чтобы поставить точку в трилогии-про-Майами – рассказ Юрия Лозы (в фамилии коего телевизионщики почему-то упорно делают ударение на последнем слоге):

«Лет пятнадцать назад (то есть на рубеже веков. – *Е.Д.*) мы прилетели в Майами на открытие русского ресторана. Мое выступление должно было придать событию подобающий шарм и стать первым в череде последующих визитов звезд российской эстрады. Хозяин заведения встретил нас в аэропорту и повез в свой дом. Мы попросили его сделать обзорную экскурсию по Майами, но он ответил, что смотреть особо и нечего, так как туристам и отдыхающим отведена узкая полоска вдоль моря, самым ярким участком которой является знаменитая улица Оушен Драйв, и мы за предстоящие пять дней исходим ее вдоль и поперек. Когда я поинтересовался – а почему мы не можем посмотреть весь город, он ответил, что в “черный” район ездить по определению не сто́ит, к “латиносам” тоже чревато приключениями, в деловом центре нечего делать и негде встать, а престижный частный сектор, в котором живут всякие знаменитости, перекрыт шлагбаумом, и нас туда не пустят.

Это было первое разочарование, а второе – за пять дней мы не смогли найти ничего с наклейкой “made in USA”, так как вся сувенирная продукция, а также все, чем пользуются американцы в личной жизни, было сделано в Китае.

Вскоре мы отбыли на родину, но спеть мне так и не довелось – из-за всевозможных накладок открытие перенеслось на неопределенный срок. На мой вопрос о причинах, будущий “счастливый” ресторатор ответил буквально следующее: “Проверяющих – как грязи, каждый мнит себя Наполеоном и считает меня говном вне зависимости от того, как я выгляжу и что из себя представляю. Здесь даже грязный обсосанный бомж из-под своей скамейки смотрит свысока на иммигрантов любой национальности и достатка, потому что, по американским законам, он теоретически может стать президентом, а они – нет. Но когда им говоришь, что все жители Америки когда-то сюда приехали, кто раньше, а кто позже, надувают щеки и предлагают валить обратно в Россию”.

С тех пор я решил для себя, что не хочу жить в Америке.

Когда доморощенные критиканы ставят России в вину низкий уровень жизни и мизерные пенсии, чаще всего приводят в пример американскую социалку. Когда говорят об экономическом могуществе, снова кивают в сторону заокеанской модели управления государством, называя его чуть ли не эталонным. А ведь тут есть один нюанс, который сто́ит прояснить.

В 1971 году президент Никсон “отвязал” доллар от золота, тем самым запустив печатный станок. В результате Федеральная резервная система США набабахала неимоверное количество ничем не обеспеченных денег, к тому же накопила астрономический долг. Вот что говорит по этому поводу авторитетнейший Михаил Хазин: “Основной проблемой американской экономики является наличие “избыточной” части, которая “наросла” за последние 30 лет за счет постоянного и все время увеличивающегося эмиссионного стимулирования потребительского спроса”.

А это значит, что, выходя на пенсию, российский рабочий, который сделал за свою жизнь столько же, сколько и американский, получает в десять раз меньше, – российское правительство просто не имеет права напечатать гору ничем не обеспеченных рублей, чтобы обеспечить ему достойную старость.

И еще:

Покупая американские айфоны или самолеты, Россия платит долларами, которые получает от продажи, скажем, урана.

Америка с удовольствием приобретает российский уран, но для этого ей не надо ничего продавать, а достаточно каждый раз включать станок и печатать нужное количество долларов. То есть ей все достается практически даром, и она к этому привыкла. Причем настолько, что без этой халявы обойтись уже не может (что показали последние прения по бюджету США). Если заставить ее жить по средствам, она тут же рухнет как карточный домик».

Как Евгений Маргулис Ивану Демидову очки подбирал

Выше уже упомянул о Леше Романове, организаторе конкурсов-круизов «Мисс Пресса». Первый из коих стал апрельский 1991 года вояж «Мисс Пресса СССР». Из всех хэдлайнеров той поры, поехавших тогда с нами (я был в оргкомитете и жюри конкурса), только «Машина Времени» осталась на слуху. Переехавший за пару лет до этого в Москву кабаре-дуэт «Академия» распался до конца века. Улыбчивый Олег Газманов, который в том круизе был с продюсером Александром Толмацким, сменил помимо директора позиционирование, место в рейтингах и спутницу жизни: развелся с Ириной Павловной, женился на экс-супруге Вячеслава Мавроди Марине, родили они дочь Марианну (Родиону Газманову на момент круиза было всего-то девять лет); и даже старший сын Толмацкого, известный как ДеЦл, успел за это время блеснуть и тихонечко перейти в категорию «сбитых летчиков». Не говоря уже об Азизе, которая, кстати, задержала отправление нашего корабля «Шота Руставели» из Стамбула: мы терпеливо наблюдали, как звезда тащила на своих плечах гигантский черный мешок, набитый турецким шмотьем, игнорируя призывные гудки лайнера, которому грозил штраф за задержку отправления.

У Саши Толмацкого по сию пору хранится сделанное им фото: почти все в коричневых турецких кожобновках на ступеньках родосского архитектурного излишества – клавишница Газманова, Макаревич, Кутиков, Кельми, я и Иван Иваныч Демидов, который за несколько недель до круиза запустил свой знаменитый «МузОБОЗ».

Именно на знаменитом стамбульском рынке, где мощно отоваривалась Азиза и мы все обкупились куртками из овечьей кожи. А Рулевой Обоза Иван приобрел и стильные очки Ray-Ban, в которых вел самую известную музыкальную передачу постсоветского ТВ. Выбрать эту модель Иванычу посоветовал Женя Маргулис. Макаревич тут же одобрил. Музыканты грамотно сбили цену у растерянного влегкую торговца, понимавшего, по всей видимости, что в его ароматной лавке происходит нечто более значительное, чем дежурный обмен долларовой купюры на модную «оптику», – формирование имиджа воистину культового ТВ-продукта.

Режиссер нашей документальной ленты «Мисс Пресса СССР» Демидов снял заодно (в предпоследний день путешествия) клип на песню Криса Кельми «Серебряный коктейль»… с участием двух сочинских танцоров, один из которых после эфира в престижное «взглядовское» время (пятница, вечер) был приглашен в Москву: так Андрей Григорьев-Аполлонов стал Рыжим из трио «Иванушки International» (о нем позже несколько слов скажу, по случаю).

Как пробка шампанского травмировала самое дорогое

Нелепый и почти трагический случай произошел с маститой рок-звездой в следующем круизе, который уже не назывался «Мисс Пресса СССР» (поскольку Советский Союз приказал долго жить), но проходил под эгидой того же оргкомитета, санкционированного «Комсомолкой» (ее возглавлял тогда Владислав Фронин).

Имя пострадавшей я здесь разглашать не намерен, потому что история эта унизительна не столько сама по себе, сколько общим контекстом. Дело в том, что наши звезды (как, впрочем, и все остальные сограждане, выезжающие за рубежи сакраментальной Империи Зла) часто приторговывали советскими сувенирами и продуктами, чтобы получить несколько долларов для приобретения сувениров + продуктов импортных. Тогда ходил такой анекдот:

«Дирижер собирает оркестр перед зарубежными гастролями:

– Летим в Шотландию, продаем всю водку и икру, покупаем шерсть. Потом в Японию, продаем шерсть – покупаем “видаки” и двухкассетники. Назад в Союз – продаем всю аппаратуру.

Вопрос одного из молодых оркестрантов:

– А инструменты надо брать с собой?»

Напомню: в СССР почти все категории ширпотреба фигурировали в разряде дефицита. Купить лучшее из того, что производилось в стране, могли лишь иностранцы и счастливые обладатели сакраментальных «чеков», валютой владеть не разрешали, а за ее куплю-продажу попросту расстреливали (такая доля постигла в начале 60-х «королей» валютной фарцы Яна «Косого» Рокотова, Владислава «Червончика» Файбишенко и Дмитрия «Дим-Димыча» Яковлева, а Юрий «Юрик» Айзеншпис, который, будучи еще студентом Московского экономико-статистического института, с 1965 года ведал делами первой советской бит-группы «Сокол», после обнаружения 7 января 1970 года в его квартире $7675 был осужден по пресловутой 88-й статье и в результате провел в заключении более 15 лет).

Из письма заместителя министра торговли РСФСР Королева первому заместителю председателя

Совета Министров СССР Микояну:

«Во исполнение постановления СМ СССР от 23.03.1961 года Министерством торговли РСФСР организована в системе Росювелирторга торговля на свободную иностранную валюту. Магазинам и киоскам, производящим продажу товаров за инвалюту, присвоено название “Березка”. Магазины “Березка” открыты в аэропортах Внуково и Шереметьево в апреле месяце и два киоска “Березка” в гостиницах “Украина” и “Ленинградская” в середине мая. В ближайшее время торговля на инвалюту будет организована в Ленинграде, Сочи и Архангельске. Спросом пользуются икра зернистая и лососевая, водка “Столичная” и “Особая”, консервированные крабы, хохломские изделия, деревянные матрешки, куклы в национальных костюмах, изделия богородских резчиков, дымковская игрушка, шкатулки из папье-маше, серебряные изделия с эмалью, сувениры и др. Иностранцы, посещающие магазины, высказывают замечания о высоком уровне розничных цен».

С 1 января 1964 года для поездок в соцстраны разрешалось обменять на валюту 30 рублей по официальному курсу и еще взять с собой за границу еще 30 рублей (из них 10 разрешалось обменять во время поездки, а оставшиеся 20 требовалось при возвращении предъявить советской таможне).

Для того чтобы у туристов не возникало соблазнов обменять советские деньги на валюту, банки соцстран были обязаны брать у туристов только 10-рублевые купюры. Случались нелепые происшествия.

Например, руководитель группы туристов из Перми купюры для обмена собрал еще дома, а затем обменял их для удобства транспортировки на 50-рублевые билеты, однако Банк Румынии отказался менять эти купюры на свою валюту.

Впрочем, с середины 80-х в социалистические страны разрешили менять до 330 рублей.

Согласно таможенным правилам, советский турист имел право вывезти: один радиоприемник, один фотоаппарат, один проигрыватель, два музыкальных инструмента, двое часов, сувениры, 10 метров ткани, 3 штуки шерстяных изделий, одно золотое кольцо, одну брошку золотую, один браслет золотой, одни очки в золотой оправе и не свыше 400 граммов изделий из серебра.

Что было самых ходовым товаром для загранвояжей? Фотоаппарат «Зенит» с объективом «Гелиос», знаменитый транзисторный радиоприемник «Спидола», наручные мужские часы «Командирские» (в этой книге упомянут провокационный вброс Саши Минкина в отношении премьера СССР Павлова, якобы… приторговавшего этими часами в Швеции), армейские бинокли и приборы ночного видения, пыжиковые да норковые мужские шапки. Ну и, само собой: водка и икра.

Так вот, когда лайнер «Шота Руставели» пришвартовался в итальянском порту Чивитавеккья, наша рок-дива решила вынести кое-что на продажу. А на выходе экипаж бдительно следил, чтобы всякие продукты и матрешки не покидали борт (с фотоаппаратами-то было проще, само собой – туристический атрибут). Вот девушка и подвязала каким-то образом продуктовый набор из бутылки шампанского да двух банок черной икры себе под юбку, как раз между ног. И от тряски и термического воздействия пробка вылетела, когда звезда находилась на трапе. Сцена была кинематографичная, однако описывать позорные детали я здесь не возьмусь: пусть читатель доверится своему воображению.

Как в Коста-Рике экзотических проституток снимали

Помянутые выше Басист и Гитарист после Флориды в компании знакомого журналиста ездили на рыбалку в Коста-Рику. По прилету взяли в рентальне минивэн Chrysler Grand Voyager в военном исполнении (ни в Штатах, ни в Европе таких нет). Для начала остановились в городке Хако, что в сотне километров от аэропорта. Заранее забронировали только что открытый Oceano Hotel.

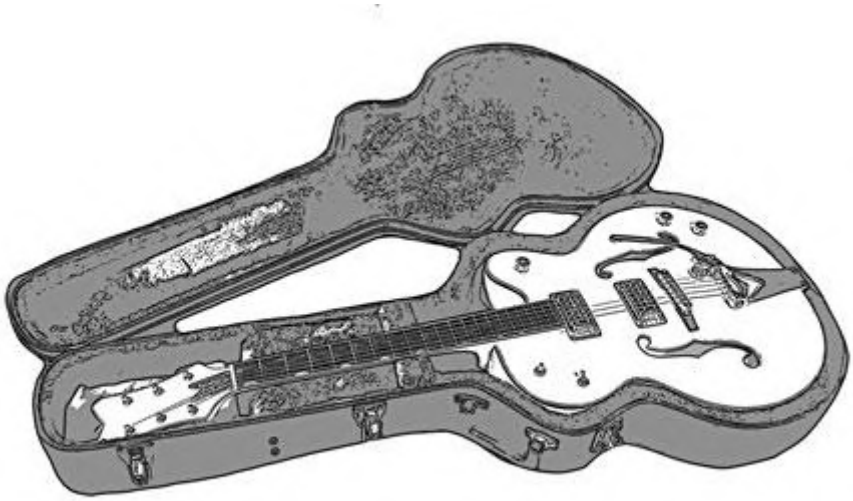
И в первый же вечер решили купить местных проституток. Позвонили в службу эскорта и сказали, что хотели бы пару-тройку самых экзотических экземпляров. Ну, Латинская Америка как-никак. Лямамба! В ответ услышали: «О! Для истинных ценителей у нас сегодня тройка самых что ни на есть редких и необычных девушек».

Через час в номер постучали. И вошли в пентхаус-люкс три дивных чаровницы… Оксана, Света да Маргарита. Гарные дивчины, слов нет.

Ну, да: в Центральной Америке украинские феи были как раз в категории «экзотика».

Посмеялись, угостили девушек, поболтали о том о сем; после «допроса» оплатили девичье время и поехали в соседний квартал (смешно, что называется он «Библиотечным») снимать банальных веселых «латинок» полутораметрового роста.

Как Градского в Чехословакии обстреляли



Летом 1968 года гитарист «Электрона» запил в очередной раз, и руководитель ансамбля Юрий Юров, понимая, что в предстоящих гастролях по Чехословакии им нужен кто-то понадежней, пригласил Градского, которого встретил во Владимирской области (АБГ чесал там в составе группы «Электро»… да, да, почти «Электрон»). И вот Борисыч под предводительством Юрова и в компании басиста Зенона Янушко, барабанщика Владимира Морозова и вокалиста Лева Пильщика попал в город Баньска-Быстрица. А через неделю в Чехословакию вошли наши войска и все концерты отменили.

Юров вспоминал:

«Нам никто ничего не говорит, мы не в курсе дела. И тогда Володька Морозов и Саша Градский решили: “А давайте вечером пойдем в кабак!” В кабаке Володька попросил у местных музыкантов разрешения поиграть. И после нашего возвращения домой директору филармонии приказали: “Этих двух убираем!” Прежний коллектив рассыпался, а нам навязали новых музыкантов, сделав из группы “большой квартет”, как в фильме “Карнавальная ночь” говаривал герой Игоря Ильинского”.

По моей просьбе это дело прокомментировал сам Александр Борисович:

“Да, у нас была гастрольная пауза, и я съездил с “Электроном” в ЧССР и еле жив остался, так как по нашему автобусу (с советским флажком) пару раз пальнули».

Как Олег Скрипка сало в Париже покупал

Разговор с лидером группы «Вопли Видоплясова» состоялся три года назад. До того как между Россией и Украиной начались трения, которые «небратья» величают «войной», а заслуженный артист Украины Олег СКРИПКА стал советником городского головы Киева Виталия Кличко. Наверно, сейчас бы такая беседа не случилась. Всю ТВ-беседу воспроизводить смысла нет, но финал – с дегустацией сала – вышел забавный. Воспроизвожу расшифровку.

– Знаете, Олег, поскольку мы уже завели разговор о российско-украинских отношениях, я сейчас попрошу, чтобы нам устроили дегустацию. Смотрите, здесь два вида сала. И я-то знаю про это сало все. Мне вот хотелось бы, чтобы вы со мной вместе дегустировали и…

– И определил, где русское, где украинское? Ну, давайте тогда, Женя, вопрос. Украинское – оно из Украины приехало? Или оно где-то в «Шинке» («Шинок» – московский ресторан Андрея Деллоса. – Е.Д.) куплено?

– Оно было приобретено сегодня…

– На рынке?

– …Два часа назад, да, на рынке. И прямо у меня продюсерская группа проверила, что это точно с Украины. Да, вот только вчера еще было на Украине.

– А российское сало откуда?

– А российское сало из Тамбова.

– Вот это из Тамбова, это из Украины.

– Вы по виду определяете?

– Да. Потому что, ну, это же не сало, это мясо. То есть у нас столько мяса не бывает в сале.

– Пробовать даже не будете?

– Нет, я могу попробовать. Но я сразу скажу, что вот это – это не украинское. Еще копченое.

– Это неправильно, да?

– Не жуется.

– А это?

– Это с чесноком, но жуется. Вот это украинское. Но пересоленное.

– Это свежее, а это не жуется. Потому что вот эти прожилки, они не жуются, как правило.

– Я вот вписался в эту историю, и сейчас пытаюсь прожевать. Вы все же не угадали, полагаю. На самом деле меня уверили, что вот это сало из Тамбова, а это с Украины.

– Ну, нет. И в Украине может быть нехорошее сало, а в Тамбове может быть хорошее.

– То есть вы считаете, что оно нехорошее? А мне понравилось.

– Оно неправильное. Ну, это не сало. Как же это называется? Это ветчина. А вот это, вот это сало. В сале могут быть прожилки. И основная особенность сала – оно должно жеваться. Вот это жуется прекрасно.

– А с этим? Ну, мы его не можем разжевать. Мы его просто можем засунуть между зубов.

– Я его просто проглотил сейчас для того, чтобы продолжать с вами разговор. Это накладка вообще наша с салом, я считаю. Потому что вы такую экспертную оценку дали.

– У меня были два дедушки. Один дедушка – украинец, а другой дедушка – русский. Вот, один из Полтавщины…

– Это, я понимаю, по материнской линии – русский?

– По материнской линии, да. И вот дедушка из Полтавщины, он производил вот такое сало. Дедушка из Курщины, из Курской области, производил вот такое сало.

– А родились вы при этом вообще в Таджикистане?

– Родился я в Таджикистане.

– Советобад, да, город назывался? Видимо, сейчас он по-другому называется?

– Ходжент.

– Вы там были когда-нибудь после того, как уехали оттуда?

– Нет.

– Ни разу?

– Очень хочется съездить, очень.

– Но вы в принципе только на гастроли выезжаете? Вы так не можете взять и просто поехать?

– Ну, так, сложно поехать в Таджикистан отдыхать. Но хотя, я думаю, там есть что посмотреть.

– А есть ли потребители украинского рока в Таджикистане, я сейчас задумался?

– Есть. Очень любят в Таджикистане одну нашу песню, которая как таджикская народная музыка написана. Потому что это та музыка, которую я там услышал. Поэтому она нравится точно. Она в Таджикистане и Узбекистане очень популярна.

– Ну, что же. Только вот если поедете, вы же помните, да, что сало вообще в Таджикистане никоим образом нельзя употреблять.

– Я в Париж приехал. А там они вообще мало свинины едят – французы. А была рядом лавка арабская. А я просто не знал, что мусульманский магазинчик. У меня лавка возле дома, я иду, говорю: «Свинина есть?» А они так толерантно: «Сегодня нет». Я спрашиваю: «Что такое?» И так каждый день: «Ну, а есть сегодня?» – «Нету. Не завезли». Думаю, ну, что же такое?

– Вы затроллили просто их.

– Ну, что же. Я знаю, что вы, так же как и я, бросили курить. Это здорово. И мы здесь не пьем. Но чокнемся все равно. Под сало-то.

– Конечно.

– За российско-украинскую дружбу. Скажите какой-нибудь тост на украинском, на прощанье.

– Тост очень простой: будьмо!

– Будьмо? Это я смогу даже выучить.

– Будьмо – это, ну, перевод на английский язык Let It Be.

Как товарищ рок-продюсера подставил

Известный в 80-х рок-продюсер, ставший впоследствии не менее известным ТВ-деятелем, разрешил мне воспроизвести здесь несколько прелестных (на мой взгляд) историй. От его лица как бы. Итак.

* * *

В 1989 году жрать было нечего. Ну не так, как в 1992-м, но почти совсем пиздец. При этом я зарабатывал сумасшедшие по тем временам деньги, но купить на них было нечего.

Бывшая жена с подругой (подруга тут во френдах, так что отметится если захочет) смотались на дачу. А я, после трех дней загула, явился домой на Делегатскую. В холодильнике стояла банка консервов болгарских, типа салат овощной, и банка сардин. Все.

Открывая банку сардин, я услышал странный звук. Кот. Мяфа, сцуко. Огромный черный кот по кличке Мяфа. Я забыл про своего кота. Некоторые тут на ФБ его помнят. Мяфа, которому и так доставалось в жизни мало еды и радостей, Мяфа, не жравший три дня. Мяфа шел на меня, как Матросов на амбразуру.

Если вы никогда не дрались с котом на равных из-за банки сардин – вы мудак и ступайте слушать своего Титомира ©. На равных? Кому я вру, кот отделал меня как черепаху. На мне не осталось живого места. А в холодильнике не осталось ничего, ибо салат на поверку стух еще в родной Болгарии, чтоб им век Южного Потока не видать.

Так вот, когда вы начнете с котом драться за последнюю порцию еды – тогда и поговорим за голод. А пока не морочьте мне бейцы с вашим кризисом. Не люблю я этого.

* * *

В 1989 году у меня была жена и не было совести. В том далеком году я влюбился. В девушку с глазами трепетного Бэмби (правда, злобная Пищикова, не разделявшая моих восторгов, называла мою избранницу «пекинесом после кастрации»). Дело неумолимо шло к неизбежному, но где? О вопль всех московских гуляк «где, но где?». Отели на час тогда не зазывали на каждом углу жителей СССР предаться плотским утехам. А в квартире моей безвылазно сидела жена, увы, моя же, и вместе с толпой единомышленников пела под гитару.

Что делает в таких безвыходных случаях джентльмен? Правильно! Говорит жене, что вернется из командировки на день позже, а сам уговаривает ближайшего друга пустить переночевать. Ибо любовь, страсть и нереализованные желания уже тогда делали из меня монстра и отказать мне в этой малости было нельзя.

Как выяснилось немного спустя, друг был безнадежно влюблен в мою жену, поэтому этот шанс он не

упустил. Оставив меня с барышней у себя дома, друг прихватил мои ботинки, убив сразу двух зайцев, ибо я не мог теперь покинуть квартиру, я ж не Карбышев зимой босиком по снегу, а заодно и продемонстрировал мою обувь моей же законной супруге, как доказательство моей неверности.

Морали у этой истории нет, разве что «когда идете изменять – берите с собой сменную обувь и не имейте близких друзей».

Бывший друг умер от сердечного приступа во Франции, барышня ушла в монастырь, хотя позже и не из-за этой истории, бывшая жена пропала без вести, а я сижу на ограде второго еврейского кладбища, на носу у меня очки, а в душе осень.

Ах да, отсутствие еды в 1989 году не мешало нам прелюбодействовать. И любить. И это главная мораль этой истории.

* * *

Ну и чтобы закончить тему с бывшей женой, концом 80-х, алкоголем и голодом. Последняя история, правда, кажется, уже здесь звучавшая.

Конец 80-х. Разгар антиалкогольной кампании. ДР все той же жены.

– Дорогой, – сурово говорит мне жена, – у меня ДР, а выпить нечего, вечером гости могут начать высказывать недовольство, поэтому иди и купи где-нибудь бутылок 10 чего-нибудь.

Понимаете, ага? 10 бутылок чего-нибудь, когда за бутылку могли убить.

Ну хрен с ней, женщин надо ублажать. Троллейбус Б, Садовое кольцо, вино-водочный напротив Смоленского гастронома и чудо! Очередь! Дают!

Давали портвейн «Агдам», тот что «завтрашнее похмелье уже сегодня» ©.

Отстояв двухчасовую очередь, я взял 4 бутылки. Не знаю почему, но в кармане у меня было денег ровно на 4 бутылки, хотя денег дома было завались.

И вот тут случилось страшное. Поскольку модные мальчики не ходят с авоськами, я прихватил из дома полиэтиленовый пакет. Который, как многим известно, хуй выдержит 4 бутылки. Но так это многим известно, а не мне. На глазах у всей очереди днище пакета предательски разорвалось и 4 бутылки «Агдама», под дружный стон, разбились о кафельный пол.

На негнущихся ногах я вышел из магазина, подошел к телефону-автомату, нашарил в кармане последнюю двушку и набрал номер жены.

– Дорогая, – сказал я, и голос мой предательски дрогнул, – я только что купил и разбил четыре бутылки портвейна.

Последовавший ответ в одну секунду определил мою дальнейшую судьбу и отношение к женщинам.

– Мудак, – ласково сказала благоверная, – я же сказала тебе купить десять!!!!

Нет, морали не будет.

Как Леонид Бергер уходил из «Веселых ребят»

Леонид Бергер вознамерился эмигрировать в Израиль и, чтобы не подставить товарищей из своей команды «Веселых Ребят», решил перевестись в ресторанный коллектив Клейнота (комплекс «Измайлово»), которому не грозили репрессии в случае подлого «предательства» одного из музыкантов. Бергеру на замену взяли Александра Лермана (по рекомендации Владимира Полонского и/или Александра Градского). И, кстати, Лерман потом и сам уехал, жестко подставив-таки своих соратников по «ВР» (и прежде всего руководителя ансамбля Слободкина).

А вот документы Бергера в ОВИРе почему-то тормознули. И он в результате еще несколько лет лабал в ресторане, а по гастролям вместо него ездил с «Ребятами»… Буйнов (коего подтянул Лерман).

Как Градский с Полонским Буйнова без Kansas City пытались оставить

Александр Буйнов рассказал мне историю, которую я не мог не перепроверить у ее героя – Александра Градского. Но разговор с рок-ветераном АБГ начал я издалека.

– Я помню, когда у нас была с тобой презентация книги в «Библио-Глобусе», ты там сказал, что у тебя каждый день теперь концерты.

– Вот в этом промежутке из десяти дней семь сольных концертов, из них шесть с выездами.

– Далеко?

– Ростов, Архангельск. И три тоже как бы не очень близко, километров так 180 от Москвы. И два еще поближе. Это был в Королеве концерт и в Зеленограде.

– Ну, туда-то просто, наверное, сам за рулем?

– Ну не я за рулем, меня возят. Но просто еще была Тула, и Калуга, и Тверь. Но там побольше…

– Ты считаешь, что вот этот вот твой «чес»…

– Назовем так.

– Ну да, ну такой термин есть в музиндустрии. Он, этот «чес», когда закончится, ну потому что невозможно же в ежедневном режиме давать живые концерты…

– Да я уже, честно говоря, жалею, что пошел на это дело. Но так получалось, что так или иначе у нас есть в России определенное количество городов, где, в принципе, можно давать концерты.

– Так-так. Поподробней здесь. Я-то наивно думал, что во всех городах «можно давать концерты».

– Ну нет, это ограниченное количество городов, потому что не везде есть залы, способные окупить приезд, например, назовем это так. Не везде есть зрители, скажем, с достаточным достатком, чтобы позволить себе на концерты ходить. И это все равно, может быть, 35–40 городов на всю страну. Можно их проехать за год, а можно проехать за три – четыре месяца. Обычно у меня это все за год происходило. А тут на меня накинулись администраторы, решив, что после телепроекта это все будет можно организовать, и в результате я согласился потратить эти 2–3 месяца.

– То есть, если бы можно было, ты и не пел бы вовсе?

– Ну конечно.

– Я правильно понял? Почему «конечно»? Нет, нет, это вовсе не «конечно».

– Если б можно было, я бы не пел, только если б зарплату приносили с утра и говорили, вот, Александр Борисович, вам деньги, а петь не надо, мы знаем, что вы, в общем, в хорошей форме. Ну, шутки шутками, но люди хотят услышать, я хочу работать.

– Ну а как же, а вот этот кайф – выйти на сцену, вот эта энергетика, про которую все певцы как один говорят, этот сакраментальный обмен флюидов с залом?

– Это уже происходит автоматически, когда ты выходишь.

– Ну разве нет в этом животной потребности у артиста? Это не наркотик для тебя?

– Потребности нет давно, лет так 25.

– Ну, мне кажется, ты наговариваешь на себя.

– Ну, это твое мнение. Я не наговариваю, это правда. Хочешь, я тебе совру: «Каждый раз, когда я еду выступать, во мне просыпается…».

– Нет, нет, верю, верю… Но… Не понимаю. Это усталость чего: это усталость души или это усталость организма, раскормленного твоими фирменными котлетами?

– Нет, это профессиональное отношение к делу. То есть ты переживаешь, по-настоящему работаешь, вкалываешь, но включаешься буквально за десять секунд до начала выступления. Через десять секунд после окончания выступления ты перестаешь это делать по одной простой причине: если вот то время, которое у тебя есть для отдыха, тратить еще на какое-то там осмысление этого всего, то просто можно спятить. Поэтому я включаю эту «кнопку». Знаешь, ну вот ты заходишь в комнату, там темно. Тебе надо включить свет. Ты включаешь свет, и в тот момент, пока ты в комнате находишься и этот свет тебе нужен, лампочка работает. Когда ты выходишь из комнаты, если ты не раздолбай, ты выключаешь за собой свет. Вот и все. То же самое и у меня. Вот за десять секунд до начала выступления я включаю рубильник и иду. Десять секунд после я выключаю рубильник.

– Ну я могу тебе сказать, что тебе концертный марафон после «Голоса» на пользу хотя бы идет в том

смысле, что ты похудел основательно, здорово похудел, ты сбросил…

– Ну, еще не здорово.

– Ну, килограммов 20 ты, по-моему, сбросил все же из своих 120.

– Да, ну еще 20 предстоит. Еще 20 предстоит.

– А вот с курением как?

– Если бросаешь курить, 2–3 месяца мокрота в горле и ты не можешь конфигурировать звук. Поэтому между периодом, когда ты куришь и когда ты бросил курить или там и там надо петь, петь совершенно невозможно.

– Ну, ты знаешь, что все твои подельники уже все бросили курить. Я здесь беседовал с Сашей Буйновым.

– А он курил разве?

– Ну он «бамбук курил», если ты знаешь…

– Это я не курю.

– Буйнов рассказал мне одну историю, которую я хочу, чтобы ты прокомментировал сейчас. Цитирую

Буйнова:

«У меня все, что связано с Александром Градским, самое позитивное в моей жизни. Он собирал деньги, чтобы меня освободить от армии. Много у меня связано с ним, очень много хороших моментов. Один гениальный просто – из далекой юности. В одном из Домов колхозника вот так я утром просыпаюсь, пробивается солнышко так, клево так, весна там, какое-то такое настроение. У меня были джинсы, предмет зависти, ну, если не всей Москвы, но, по крайней мере, половины. Я так думаю, что и предмет зависти и Полонского Володьки, и Градского тоже. Отчасти так, а отчасти, может, им надоело, что я их таскаю, они все время заштопанные, тогда не было модно носить рваные, как раз они на коленках рвались. И я их там подштопаю, там, ну, как это, на живую вот так вот, раз, как подворотничок солдатский. И снова ношу опять, там все осторожно. Потом я перестал их стирать. Я стал их носить так, без стирки. Потом, как говорится, поставил их вот так вот, так полюбовался и лег спать. Однажды утром встаю, и мои джинсы Kansas City настоящие валяются на полу на грязном в этом Доме колхозника. И эти падлы, Полонский с Градским, значит, смотрят и хихикают злорадно. Я ничего не заподозрил. Они тут валяются и все. Ну как будто, по ним там походили, не знаю. Я беру их так, кых, и тут понимаю, что они были прибиты гвоздями к полу. И они сразу расползлись, сразу же: просто дырки везде, и на заднице. Они, сволочи, их где шурупами привинтили, где гвоздями заколотили. Они так и догадались, что я их с пола рвану. Потому что ну как нормально, ты же понимаешь. Ну, сволочь, раз, берешь так, да, со злости. Порвал все на фиг. Это эпопея была с этими штанами. Ну, тогда они от меня убегали, в общем. Но я плакал. Были слезы у меня искренние просто. Kansas City, “блю джинс”. Вот такая история».

– Ну что, Александр-Борисыч, ты ведь всегда любишь говорить, что все, мол, помнят неправильно, все все вечно путают.

– Не, ну конечно, он фантазирует здесь, Сашка.

– Как, не было разве всего этого?

– Нет. Мы под кровать джинсы положили.

– «Положили» или прибили все-таки?

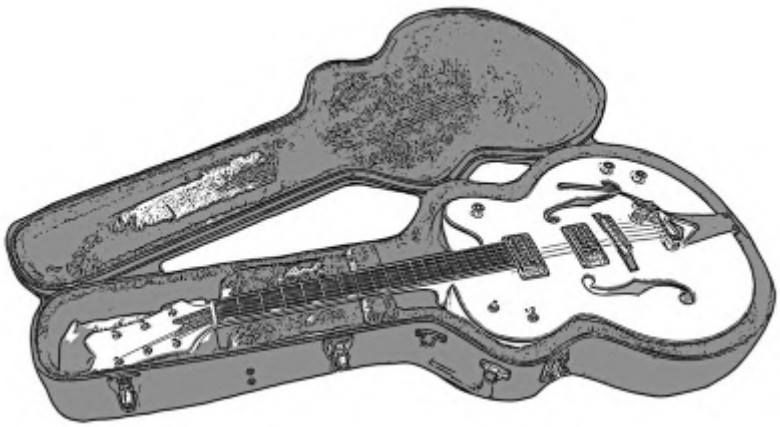
– Прибили, конечно. Нет, просто Саня был из нас самый романтичный. Он такой романтик был. И мы работали в филармонии, были артистами филармонии. Понятно, что мы играли какую-то там, в общем, не свою музыку. Но дело в том, что мало того что нам на концертах позволялось очень многое, а Саня был очень внешне свободный человек, очень активно себя вел, так еще и в этих джинсах расхаживал. И штаны его имели где-то триста дырок примерно. И в то время действительно это совсем не было модно. Знаешь, потом появились всякие джинсы, специально порванные и дырявые якобы. А Саня «придумал», что джинсы должны быть дырявые задолго до этой моды.

– То есть он как бы дизайнер?

– Ну конечно. И он ходил в этих драных штанах, и все время какие-то проблемы были. То с милиционерами, то с руководством филармоний. В конце концов, ну, какая-то зависть еще была, потому что ни у меня таких штанов, ни у Полонского не было этой фирмы, правда. Но мы, конечно, мерзавцы, мы ему приколотили штаны. Но Буйнов когда их отодрал, он их снова зашил и ходил в них еще долгое время, пока они совсем уже не превратились ни во что.

Еще Александр Буйнов рассказывал, что во время скомороховского чеса по Северному Кавказу они как-то оказались в поле зрения иранских пограничников. И они с Юрой Фокиным решили потроллить Градского: «признались» ему, что завербованы иранской разведкой. «А что было делать? Нас бы расстреляли…» И стали товарища как бы «вербовать»…

Но АБГ уперся: «Я сам вас в КГБ сдам!» И по приезде в Грозный действительно пошел искать местное чекисткое управление. Буйнов с Фокиным за ним следовали тайком. Тут на Градского наехала пара местных в национальных одеждах: стали на него пальцем показывать и что-то грозно говорить на своем языке. Вайнахам прическа и джинсы «скомороха» не понравились, модные брюки… Тут коллеги и решили «устроить встречу с вербовщиками»: договорились с грозненскими студентами, два юноши + местная красавица согласились превратиться в сотрудников спецслужб Ирана. Тот, что в черной шляпе, грозно вопрошал Александра: «Ну, продашь Родину?» И Градский сурово ответил: «Никогда!» Буйнов: «И тут же мы Градскому все и выложили. Он гонялся за нами по всей гостинице – еле ноги унесли».



Как Буйнов свои корни искал

Из нашей с Буйновым беседы.

– Слушай, узнал интересную вещь: первоначальное ударение в фамилии было на первый слог, то есть Бу2йнов? То есть ты в школе Бу2йнов был?

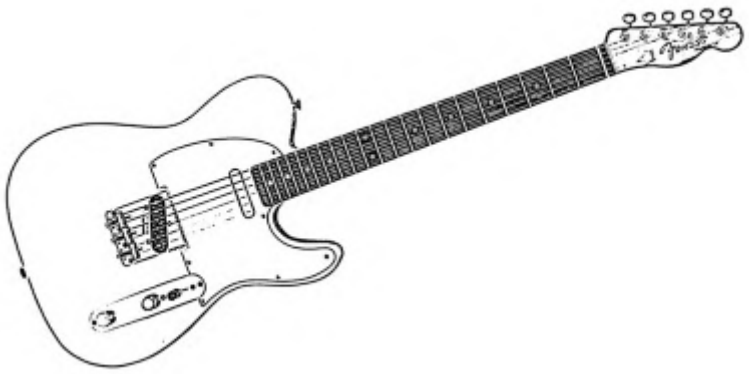
– Нет, у нас все равно называли не Ива2нов, а Ивано2в, правильно. Поэтому и Буйнов получился не Бу2йнов, а Буйно2 в. Мне, когда только появился Интернет, было письмо из Болгарии.

– Не от Киркорова?

– Нет. «Меня зовут Афанасий Бýйнов – с ударением на первый слог – я, наверное, с вами, это у нас редкая македонская фамилия». То есть он расписал, как чего. Ей, фамилии, больше 500 лет. То есть парень интересовался происхождением фамилии. Поэтому мы могли потеряться в истории, как бы откуда что-то. Может быть, что-то идет. Потому что она явно какого-то славянского происхождения. Я знаю, что есть еще одна версия. Нет, не по фамилии. Отец мне говорил, что вообще Бýйнов, потому что все были кузнецы.

Мой прадед с Кавказской войны 1860 года, если не ошибаюсь, Ермоловской кампании привез черкешенку в город Ефремов. И улица стала называться Черкесской. Тоже это такая небольшая легенда, непроверенная, это мне было сказано бабушкой там как-то чего-то. А я не интересовался – правда ли, как, что это все. Надо будет попробовать подключить к этому ФСБ и узнать свои корни, в конце концов.

Как Градского не взяли в музучилище



В год, когда «битлы» последний раз записывались вместе, Градский решил поступать в музыкальное училище при Московской консерватории. Однако 19-летнего рокера остановили на первом же туре. Взбешенный гений, покинув здание, узрел на троллейбусной остановке завкафедрой вокала Гуго Тица. Саша подошел к преподу и спросил: есть ли смысл ему в принципе петь. Ответ был категоричный: «Вы играйте на скрипке или на гитаре, а про вокал забудьте». И уехал. А Градский прямо оттуда отнес документы в «Гнесинку».

На экзамене АБГ взял си-бемоль, и ректор пожелал взглянуть на юное волосатое дарование. Юрий Муромцев поставил диагноз: способный, однако «сырой». И предложил Саше отшлифовать талант на подготовительном отделении пару лет. Градский отказался («мне нужно было зарабатывать»). Но предложил сделку: «Приходите через год на наш показ, и если я не буду соответствовать, вы меня сразу отчислите».

А на третьем курсе он спел оперу Римского-Корсакова «Моцарт и Сальери». Полностью, на пару с Владимиром Маториным.

После этого его педагог Нина Александровна Вербова решила продемонстрировать ученика своему коллеге… Гуго Ионатановичу Тицу. Выслушав восторженные комплименты, АБГ не отказал себе в удовольствии напомнить маэстро трехлетней давности блицдиалог на троллейбусной остановке. В ответ услышал: «Я что, так и сказал? Правда? Но вы ведь меня все равно не послушали. И правильно сделали».

Впрочем, если совсем «по чесноку», то надо раскрыть мини-секрет. Перед походом в «Гнесинку» Сашин родитель Борис Абрамович Фрадкин вышел на одного из преподавателей. Через общего знакомого. С законной, впрочем, просьбой – всего лишь «обратить внимание на молодого человека». Сработало.

Раздел отчасти криминальный

Как Ольга Кормухина бандитов Крису Кельми присылала

Поскольку история давняя и к Ольге Кормухиной я отношусь с пиететом и симпатией, то воспроизведу эту странную и непонятную историю в трактовке Криса Кельми без каких-либо комментов со своей стороны.

– Ты совершенно поразил меня, когда мы обсуждали «Усталое такси», которое для меня ассоциируется с Кормухиной. Ты начал рассказывать историю, что Кормухина из-за этой песни присылала к тебе бандитов. Для меня это открытие на самом деле, хотя, казалось бы, все знаю про тебя.

– Да, это удивительная история. Ольга пела в группе «Рок-Ателье»…

– В твоей группе.

– Да. Соответственно, мне удалось в те нелегкие для рок-музыки годы выпустить на «Мелодии» миньон, где было «Усталое такси» в ее исполнении (на чем, в общем-то, она поднялась и раскрутилась). Но через неделю мне позвонили «люберецкие» и сказали: «А что это ты поешь Олину песню по первому каналу, по второму?» Я говорю: «Почему Олину? Это моя песня на самом деле. Я ее сочинил. Я дал спеть, выпустил альбом, подарил ей песню. Почему я не могу петь свою?» Они: «Мы сейчас с тобой поговорим по-своему. Подходи к Театру кукол, мы как раз только что отжались». Это было забавно. Я подошел к Театру кукол.

– Прямо на улице?

– Да, на улице. Их было человек пять, такие «качки», в общем, конкретные такие ребята. Я говорю: «Молодые люди» – увидел, что они значительно моложе меня: «Так в чем, собственно, заключается вопрос? Вот свидетельство из РАО, что я автор песни и ее первый исполнитель». Они говорят: «Правда, что ли?» Я отвечаю: «Да, а Ольге я сделал просто подарок, выпустил песню на “Мелодии”, она ее поет на своих концертах».

– Так объясни мне, это была их собственная инициатива или Кормухина надоумила (не похоже на нее)?

– Мне сложно сказать. Собственная? Нет. Я думаю, конечно, что она сказала.

– Однако! Ты с ней не выяснял расклад?

– Я не стал выяснять, потому что в этот момент она перешла в другой коллектив. Это, кстати, было хорошее время для «Рок-Ателье». Даже наш общий друг Женя Федоров (он ходил на концерт) говорит: «Мне очень понравилась и вся их программа, и как Ольга поет».

– А как часто рок-музыканты в своей среде (мне казалось, что это история про поп-музыку – все эти бандиты, все эти стрелки) выясняли отношения друг с другом таким образом? Я говорю «выясняли», потому что я понимаю, что все это в прошедшем времени, этот формат взаимоотношений больше не практикуется…

– Это в прошедшем. У меня был только один раз. Один раз такой был звонок, но когда я объяснился, по полочкам разложил, они так спокойно: «Ну, тогда все понятно». И просто уехали.

Как Макаревича хоронили

В застойные годы сонной брежневской эпохи все было легко и просто. Советская богема плюс сочувствующие жизнь вели, конечно же, ночную. Недаром именно в начале 80-х БГ разразился ироничной сентенцией: «Я где-то читал о людях, что спят по ночам! Ты можешь смеяться, клянусь: я читал это сам». При этом собственно ночных клубов или каких-либо аналогичных заведений из разряда «злачных» в СССР не было, и даже дискотеки работали всего лишь часов до одиннадцати вечера; единственный ночной ресторан столицы функционировал во внуковском аэропорту. Ночами веселыми приобретали спиртное (водку, реже коньяк) у таксистов по двойному-тройному тарифу (то есть рублей по 10–15 за пол-литра). Музыканты, как правило, зависали на кухнях, где и генерировали новое, «лелеяли свои фотоснимки» и «торчали на чужих номерах».

Котировались отменно кухни Макаревичей: уже тогда легендарного Андрей-Вадимыча и его младшей сестры Натальи. Лидер «Машины Времени» жил тогда в самом начале Ленинского проспекта (дом 37), фактически на площади Гагарина, прямо над аркой (сейчас арка перекрыта железными воротами, там теперь на первом этаже китайский ресторан). Ну а в уютной однокомнатной квартире на параллельном Комсомольском проспекте (дом 25) обитали Наталья Вадимовна Макаревич со своим благоверным – Валерием Ворониным (на первом этаже: окна выходили в мини-сквер).

Как-то в сентябре 84-го мы вместе с Мишей Королевым, который тогда даже не подозревал, что лет через двадцать станет знаменитым фотографом, маэстро российского глянца (оба мы были студентами), приехали, прихватив портвейн и фрукты, к Валере с Наташей, как и было договорено, а дома – ни души. Мы, конечно, обиделись на «семейку». Однако через пару дней выяснилось (Королев дружил с бывшей одноклассницей Ольгой Ворониной, которая была старшей сестрой Валеры), что причина-то весьма уважительная: просто тем вечером Макаревич… погиб. В ДТП. На трассе Ленинград – Москва. Они втроем («Макар», его сестренка и ее супруг) возвращались из северной столицы. Столкновение произошло на скорости под 150 км/ч. «Встречка». Водитель погиб мгновенно. Именно так наш боевой товарищ Валера подумал про своего шурина. Мысленно похоронил.

Андрей водил тогда «Жигули» пятой модели: никаких, конечно же, подушек безопасности. Андрей на руле повис, словно коллекционная бабочка на иголке. Рулевая колонка торчала прямо из спины подобно смертоносному копью: Валера даже не стал проверять пульс и лишь вытащил из раскромсанной машины бездыханную жену. Андрей подал признаки жизни сам, спустя четверть часа.

А страна даже и не узнала о происшествии: настоящих папарацци в СССР не было, а семья эту историю, само собой, тиражировать не стала. Макаревич был госпитализирован в валдайскую больницу с переломами ребер. Там музыканта навещали друзья-товарищи; знакомый привез ему из Ташкента мумие, которое в ту пору считалось панацеей от всех несчастий.

Валера же отделался травмой челюсти, Наталья – сотрясением мозга. Водитель со встречки (морской офицер) погиб.

Это не было первым и/или последним (сейчас принято говорить «крайним») ДТП Макаревича. Про свое первое авто Андрей рассказывал: «В 80-м году появилась бэушная “шестерка” – по тем временам это было страшно круто… Что с ней стало? Раздолбал, конечно». Он разбил даже джип «Чероки», который в 1995 году ему подарил миллиардер Леонид Лебедев, тот самый, который в 1989 году числился звукорежиссером группы «Автограф», а позднее женился на американке Линде и сумел организовать настоящий нефтяной бизнес (из шоу-бизнеса, впрочем, совсем не ушел: не без его участия на экраны страны вышли такие небезызвестные ленты, как «Стиляги» Валерия Тодоровского и «Географ глобус пропил» Александра Велединского).

В нулевых Андрей раскромсал еще один внедорожник – BMW X-5 (год выпуска 2000-й). До этого он, кстати, ездил на «бэхах» (745—2001 и 2004 годов выпуска, Z3—2002 г.в., Z4—2003 г.в., Z3—1997 г.в.) и на Land Rover Defender (2003 г.в.).

Как погиб второй муж первой жены Макаревича

Таинственной была гибель Мартина – возлюбленного Елены Фесуненко, первой супруги Макаревича. Лена запомнилась мне харизматичной красавицей несколько азиатского типа: скуластой, с восточным разрезом очей красоткой, умной и самоуверенной. Единственная дочь брежневского политобозревателя Игоря Фесуненко, входившего в обойму телевизионных гуру, коих на старте проекта года приглашали в легендарный «Взгляд» (за глаза мы их величали «политобогревателями»).

За Леной, которая училась с Андреем в МАрхИ, ухаживали многие. Да и у лидера единственной настоящей рок-группы конца 70-х слоган Sex, Drugs & Rock’n’Roll был куда более очевидным, чем, допустим, «Народ и партия едины». А возможности, как известно, порождают намерения. Короче, возможно, именно из-за того, что Андрей с Еленой были востребованы, разбежались они, прожив в браке всего тридцать месяцев. Как пел БГ «Но, в самом деле – зачем мы нам? Нам и так не хватает дня, чтобы успеть по всем рукам, что хотят тебя и меня».

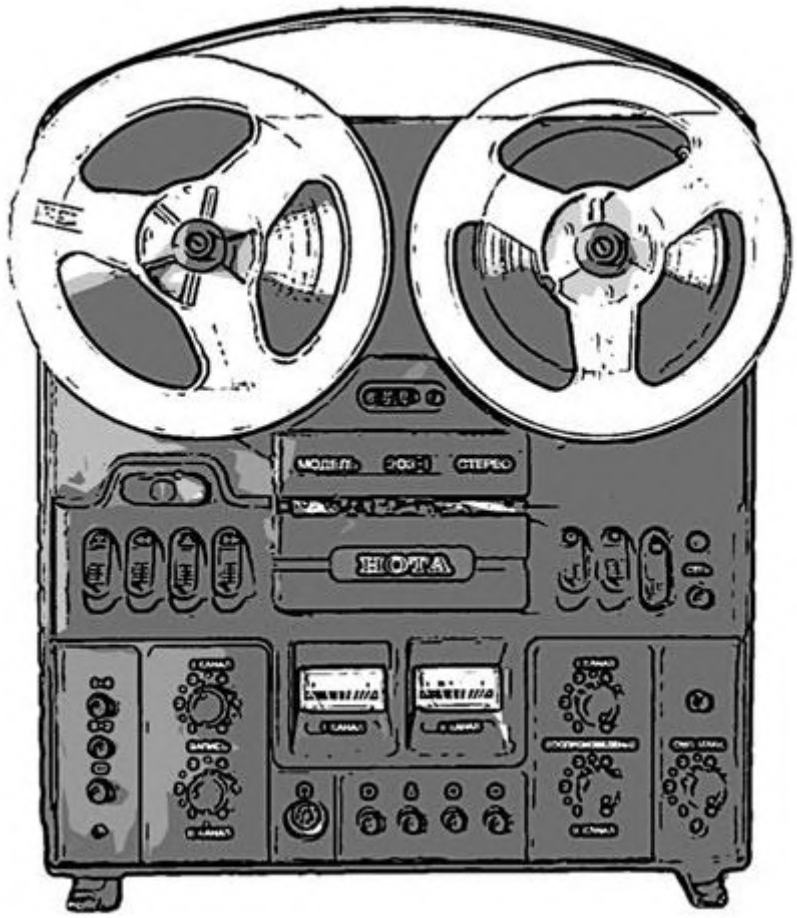
Андрей сошелся с мимом Натальей Золотухиной. А Елена вышла за поляка Мартина, который снимал ранее документальный фильм о «Машине Времени» для польского ТВ. Уже будучи мужем Елены Игоревны, варшавский диссидент стал встречаться с Екатериной Уфимцевой, дочерью мультипликатора Ивана Уфимцева (известного по сериалу «38 попугаев») и одноклассницей Андрея Деллоса. Когда я употребляю глагол «встречаться», я вовсе не имею в виду романтический контекст, свечки не держал, однако время они с друг другом проводили много и, по-моему, Фесуненко ревновала.

Сохранилось групповое фото, на котором все вместе. «Иных уж нет…». Мартин разбился в странном ДТП. Шептали, что это убийство организовала польская служба безопасности (Służba Bezpieczeństwa Ministerstwa Spraw Wewnętrznych): в Москве его убрать было проще, чем в Варшаве, где сразу бы пошли ненужные разговоры. Впрочем, Олег Вакуловский говорил мне, что операцию ту, скорее всего, провели чекисты. Потому что единственная дочь одного из главных пропагандистов Советского Союза жила с каким-то сомнительным типом, персонифицировавшим в Москве польскую богему, настроенную крайне антисоветски.

Разбился он на Метромосту: тачка вошла ровно в среднюю опору. Набережная Тараса Шевченко, дом 1. Мартин как раз ехал от Фесуненко, после семейного скандала. Он отвез ее домой, на проспект Вернадского, и на следующее утро они втроем (с Марьяной Ефремовой, женой барабанщика «Машины» Валерия) собирались ехать в Сергиев Посад. Марьяша, кстати, единственная из них не прекратила общения с Еленой Игоревной после развода с Макаревичем. И Марьяна Ефремова, и Елена Фесуненко работали на ТВ.

Позднее Фесуненко в третий раз вышла замуж и родила дочь, ни с кем из тусовки отношений не поддерживает.

Как Иванна Андерс стала Жанной Агузаровой… Или наоборот



У Миши Королева кухня была такая тесная, что мы никогда там не сидели: все происходило в единственной комнате. Произошло там и открытие певицы Агузаровой.

То, что на постсоветском новоязе называется политической «движухой», значительно больше влияет на социальные нормы и нравы, нежели принято считать в среде профессиональных культурологов. Петровское «окно в Европу» открыло заодно и несколько пресловутых «Окон Овертона»; бравые «окна РОСТА» были не только формой массового агитационного искусства, но и могучим тараном, разрушающим патриархальные установки дореволюционного общества; а озорные «ТВ-окна Перестройки» лишь на старте, в 1985 году, по-форточному сквозили воспетым командой Scorpions «ветром перемен», но уже к моменту выхода славной композиции Wind of Change на альбоме Crazy World (1990) превратились в широко распахнутые ворота, через которые страна с этим самым «сумасшедшим миром» вступила в коммуникацию: от железного занавеса не осталось и камня стены Берлинской.

Еще на излете 70-х стало очевидно, что хватка сакраментальной АКС (Административно-командной системы) существенно ослабевает. После смерти «пятизвездного» генсека Леонида Брежнева в 1982 году была, впрочем, отмечена некоторая конвульсия в виде пресловутых андроповских «репрессий», когда в ГУМе и ЦУМе «муровские» оперативники взялись проверять документы у покупателей, пытаясь выяснить, не прогуливают ли лентяи служебные часы, и отловливать тунеядцев, а лидера рок-команды

«Воскресение» Алексея Романова и его звукооператора Александра Арутюнова поместили в легендарную «Бутырку», где чуть позже оказалась и солистка «Браво» Жанна Агузарова (все за «левые» концерты).

Удивительно, что тогда никого из богемы не сажали «за наркотики». Хотя употребляли обильно. Впрочем, не Агузарова, конечно, чтобы там не сочиняли по этому поводу наблюдатели.

Талант свой певческий, повторю, она открыла в «однушке» Миши Королева, ставшего в 90-х известным гламурным фотомастером. Но тогда мы были студентами, и у Михаила собирался разный веселый люд. И однажды я привел туда бомжиху. Ее знали как Иванну Андерс. Не знаю, где Жанна добыла паспорт некоего Ивана Андерса, однако она аккуратно приписала к имени две буквы, вклеила фото и… стала «местной». Помимо этого документа Агузарова хвасталась полароидной карточкой: она позировала в обнимку с Дэвидом Боуи. Или с человеком, похожим на легенду рок-музыки. А может, это был аутентичный полароид, просто девушка Боуи была похожа на Агузарову. По-любому ясно, что Дэвида она в глаза не видела (ну, во всяком случае, на тот момент, зимой 1982 года, когда мы с ней познакомились на ступеньках Большого театра).

Ну так вот, пришла она со мной в пристанище Королева на одной из Парковых улиц. А Миша, выпив, развлекал компанию песнями из подходящего репертуара. И Агузарова подхватила. И в наступившей тишине хозяин территории промолвил: «Кое-кому имеет смысл начать заниматься вокалом».

Ну а как Жанна стала солисткой «Браво», не помню, потому что пути наши разошлись. Артем Троицкий увидел ее в как бы наркотическом притоне. Точнее, в просторной квартире, где в отсутствие номенклатурных родителей, работавших в Германии, хозяйничал Володя Подключников, по кличке Ключ, приятель Сережи Воронова, позднее игравшего в группе Стаса Намина. Там из эфедрина варили модный тогда наркотик «фен». Конечно, не каждый, кто там бывал, интересовался именно этим. Троицкий, думаю, вряд ли. Агузарова – точно нет.

Как бы то ни было, именно там видный музыкальный журналист познакомился с экстравагантной певицей, которая настолько его впечатлила, что он решил ее продвигать на вершину певческого Олимпа. Не без успеха.

Вскоре ее, увы, «приняли».

Однако после прихода к власти Михаила Горбачева и оглашения новым лидером державы вольнодумных «апрельских тезисов» 1985 года стало ясно, что советская империя «умирает как древний ящер с новым вирусом в клетках» (© «Наутилус Помпилиус»).

В выпуске программы «Взгляд», снятом с эфира руководством Гостелерадио СССР пять лет спустя (в 1990 году), «Год Горбачева» в «подводке» предполагалось описать следующим образом:

«24 февраля Черненко голосует на выборах в Верховный Совет РСФСР и местные Советы. Его уставшее от жизни тело с трудом вносят в фокус телекамеры. После многочисленных похорон за два предыдущих года классическая музыка вместо радиопрограммы “Опять 25” раньше, чем западные радиостанции, доносит весть об очередной смерти в Кремле. Стремительная смена в высшем эшелоне пробудила во всех нас дух настоящего оптимизма. И даже первый перестроечный указ “О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения” ложится на радостную атмосферу ожиданий. На фоне политических рокировок народ стоит в очередях за спиртным, на фильм Абуладзе “Покаяние”. Никто не кается и не будет, но созерцание приносит не меньшее удовлетворение и веру в нового лидера, которого уважают Запад и Восток. Год великих ожиданий».

Следующий год, 1986-й, стал показательным в отрисовке нового вектора внешней и внутренней политики СССР, последнее было особенно заметно в сфере околобогемной.

Уже в мае того года, после триумфа на «Рок-панораме», «откинувшаяся» Жанна Агузарова была представлена Аллой Пугачевой в программе Ленинградского ТВ «Музыкальный ринг», а тот же Романов влился в спродюсированный экс-менеджером «Машины Времени» Ованесом Мелик-Пашаевым проект «В едином ритме» (где играл и Владимир «Джеймс» Кузьмин).

Как Вадика Степанцова из армии выгнали

О «чекистском» прошлом скандального пиита и основателя «Бахыт-Компота» я узнал во время нашей ТВ-беседы всего несколько лет назад.

– Скажи, пожалуйста, по нынешнему позиционированию Степанцов – это по-прежнему Великий Магистр Ордена куртуазных маньеристов или это поэт/певец?

– Или на дуде игрец. Да всего, всего понемногу. Как было, так и осталось.

– А я не соглашусь. Не осталось ведь Ордена куртуазных маньеристов фактически.

– Ну Ордена куртуазных маньеристов не осталось, конечно. Но, опять-таки, титул великого магистра, он никуда не девается. Как не бывает бывших чекистов. Кстати говоря, я по роду армейской службы чекист.

– А ты срочную служил?

– Да, служил. Но, правда, меня выгнали.

– Из армии?

– Ну, вот такая была история. Я такой тульский паренек. Я уже закончил три курса мясо-молочного института, бросил его, потому что там не было военной кафедры. А мне уже хотелось стать филологом и так далее. Вот. Поработал чуть-чуть у себя в городке. И меня призвали в армию. Ну, я взял и пошел.

– У себя в городке?

– Узловая. Тульская область. Вот. И попал я по распределению в войска связи комитета госбезопасности. Я – чекист, да. Я не скрываю: кровавая гэбня. Ну как бы, это самое, хотел даже подавать документы в Высшую школу КГБ, ну, чтобы там поменьше солдатскую лямку тянуть. Но божий промысел по-иному распорядился. У меня в солдатской тумбочке нашли две книжки, которые я с собой прихватил читать, ну, все в порядке, политиздат, библиотечка атеиста. Одна называлась «Истинные пути ее познания». А вторая «Христианский коммунизм. Вчера, сегодня». В общем, определили из-за книжки в дурку в результате.

– В дурку, в настоящую?

– В кэгэбэшную дурку, да.

– А последствий не было, типа исключения из рядов ВЛКСМ?

– Нет, ну, как? За что? Я же просто чуть-чуть с приветом. Я же никакие там бунты не поднимал.

– То есть ты не откосил?

– Нет, я не откосил. Просто так получилось, да. Но я пошел в самоход, там повздорил со старослужащими, не хотел пряжку чистить.

– А что же ты так вообще?

– Ну, … попутал. Простите, мои дорогие сослуживцы.

– Вот ты бунтарь-то был.

– Был юн и не понимал, так сказать, специфики солдатской службы. Пошел в самоход, а тут у меня книжечки нашли во время шмона. Ну и отправили в дурку. На фиг такой солдат нужен. Ну, в общем там мне дали легкую статью, отпустили с миром на волю, после чего я еще чуть-чуть поработал и поступил в Литинститут.

Раздел как бы гастрольно-концертный

Как «Секрет» «Машину Времени» от «Аквариума» отделял

С музыкантами «Секрета» я беседовал вскоре после того, как исполнилось 60 лет двум легендам отечественной рок-музыки: Борису Борисовичу Гребенщикову и Андрею Вадимировичу Макаревичу. Этим и постулирован был вопрос.

Евгений Додолев: «Машина Времени» или «Аквариум». Вот если надо выбирать?

Андрей Заблудовский: Ну, я бы не выбирал, потому что «Машина Времени» – это первое, что в нашей отечественной рок-музыке меня каким-то образом поразило. В 75-м году я был на концерте в Ленинграде. И на фоне всего того, что я слышал до этого – пускай не обижаются россияне, аргонавты и так далее, – это был некий такой свежий глоток. И «Машина Времени» навсегда уже у меня осталась в памяти и под коркой. И любовь к ней не остыла до сих пор. Что касается «Аквариума», то «Аквариум», наверное, это та отвязанная музыка, тот прикол, который был необходим уже в более зрелом возрасте. Скажем, я «Аквариум» полюбил, уже в институте учась. И могу сказать, что любовь к «Аквариуму» осталась так же, как и любовь к «Машине Времени». Так что я считаю их абсолютно равнозначными.

Алексей Мурашов: «Машина Времени» в школе, да, вот эта знаменитая запись концертная полуподпольная в Ленинграде тогда ходила.

Евгений Додолев: Нет, она была сделана не в Ленинграде, насколько я понимаю?

Алексей Мурашов: В Ленинграде, в Ленинграде. Да, да, да, просто была не одна запись. А «Аквариум» уже позже, естественно. Поэтому для меня так же: как и Андрей скажу.

Максим Леонидов: Невозможно выбрать. Потому что «Машина Времени» – это первая любовь такая, знаете. Это вот то, что, правильно Андрей употребил слово, поразило. Я был значительно позже, наверное, году в 80-м, во Дворце спорта «Юбилейный». То есть я видел уже стадионный концерт. И я был совершенно поражен вообще всем: построением шоу, этим вдохновенным Макаревичем, «Не меркнет свет, горит свеча», стихи, в «Юбилейном». Да, стихи, которые читались, Тарковского. Это было настолько как-то духовно, по-хорошему, что это навсегда именно на юношескую вот такую душу подействовало, не могло не оставить такого неизгладимого следа.

Алексей Мурашов: И очень качественно звучали, кстати, что немаловажно.

Максим Леонидов: А отношения мои как бы с группой «Аквариум», они сложились позже гораздо тоже, как и у ребят. И это уже гораздо более зрелое чувство.

Евгений Додолев: Но это не профессиональные отношения, я понимаю, просто приятельские, да?

Максим Леонидов: Нет, это абсолютно не профессиональные. Это отношения сначала были слушателя – исполнителя. Потом уже они стали какими-то другими, менее формальными. Но я должен сказать, что я «Аквариум» полюбил во взрослом возрасте уже.

Евгений Додолев: Это текстовая история или по музыке тоже?

Андрей Заблудовский: Это настроенческая тема, которая, ну, как можно там, скажем, серьезно относиться «2. 12. 85. 06 – это твой номер, номер, номер, номер…» Ну, вот оно в тот период времени…

Евгений Додолев: Но в этой песне есть совершенно гениальные строчки, что «есть люди типа жив и…».

Максим Леонидов: «… Люди типа помер». «Но нет никого, кто знал бы твой номер». Мне кажется, что нельзя Борю разделять на музыку, текст, его самого, энергетику. Это все некий светящийся какой-то шар.

Евгений Додолев: Смотрите, вот двое из оставшихся в живых битлов, с которых, собственно, вы и снимали месседж. Они – Пол Маккартни и Ринго Старр – это люди типа помер сейчас?

Максим Леонидов: Ринго Старр – типа помер, а Маккартни – типа жив абсолютно.

Евгений Додолев: Мы же не про музыку да, сейчас говорим?

Максим Леонидов: Да.

Андрей Заблудовский: Вот я не согласился бы с этим. И я не буду говорить о творчестве Маккартни, не буду говорить о творчестве Ринго Старра. Потому что и тот, и другой выпускают новые альбомы свои. И я слышал и тот, и другой новый альбом. Маккартни, он больше несет все равно себя и The Beatles. У Ринго Старра – это компания, которая вокруг него мигрирует. Огромное количество очень хороших музыкантов выступает вместе с ним на концертах, имея возможность показать в том числе и свой материал. Скажем, Стив Люкатер играет на гитаре. И масса очень известных музыкантов выступает вместе с Ринго Старром, исполняя свои песни.

СПРАВКА

Евгений Додолев: Вот его первые альбомы, там всегда кто-нибудь из битлов принимал участие. Вы вот, когда сейчас пишете сольные работы, вы друг к другу обращаетесь за советом или?

Андрей Заблудовский: За советом мы давно уже друг к другу не обращаемся.

Евгений Додолев: Но ведь играете друг у друга, да, при записи сольников?

Андрей Заблудовский: Нет, ну, вот в Лешиной пластинке мы с Колей принимали участие.

Максим Леонидов: Нет, ну, есть песни, которые мы с Алексеем записали вдвоем.

Евгений Додолев: Записали. Не написали, а записали, да?

Максим Леонидов: Есть песни, которые мы вдвоем поем, скажем. Но я уже 18 лет работаю с одной и той же группой, которая называется Hippoband, и все мои пластинки записаны в основном с ними, за исключением альбомов «Давай закурим», где я пою военные песни просто под шелабушки всякие, гитарки. И там несколько музыкантов из группы «Аквариум» принимали участие. И пластинка «Папины песни», где пою старые просто песни 40-х, 50-х, 60-х годов. Там были собраны музыканты все-таки скорее джазовые. Так что. А все остальное – это Hippoband.

СПРАВКА

Алексей Мурашов: Вот вернемся, прошу прощения, к вопросу, да, он очень хороший. Маккартни или Ринго Старр. Вот я был и на одном концерте, и на втором. И на многих еще. И вот если отключить мозг, да, довериться только вот наитию, только на концерте Маккартни, на единственном концерте у меня возникло ощущение, что передо мной легенда и звезда.

Евгений Додолев: То есть про драйв мы сейчас говорим или про технику?

Алексей Мурашов: Про все, вообще про все.

Максим Леонидов: Хочу уточнить. Когда я сказал, что Ринго Старр – типа помер, а Маккартни – типа

жив, я имел в виду то, что называется – опять употреблю иностранное слово – виталити, что переводится как «любовь к жизни», «жажда жизни» и так далее. Маккартни неугомонный абсолютно.

Андрей Заблудовский: Это драйв постоянный.

Максим Леонидов: Да, драйв, у этого человека по жизни драйв, грубо говоря. Понимаешь, вот эта его выходка последняя с «Тайм-сквер», она совершенно замечательная.

Евгений Додолев: А какое топливо вообще нужно для?

Максим Леонидов: Это талант, это талант.

Евгений Додолев: Да? То есть это изнутри идет?

Алексей Мурашов: Есть талантливые люди, которые из-за своего таланта стреляются, понимаешь. А есть талантливые люди, которые весь этот талант тратят, они вот, ну, вот жить каждую секунду хотят.

Андрей Заблудовский: Дело в том, что ты правильно сказал, топливо. Потому что человек может, там, композитор не писать какое-то достаточно долгое время никаких песен, ни музыку, вообще ничего, ни симфоний. Находиться просто в какой-то полной прострации. Прочитал какую-то книгу – и вот у тебя уже изменился мир. Услышал что-то новое – и у тебя изменился мир. Ты начал в этом каким-то образом вариться – и твое нутро просит, чтобы ты выразил что-то свое на эту тему вполне возможно. Аналогичным образом у литератора, там может музыка навеять, картина какая-то. Это непредсказуемо.

Алексей Мурашов: У маляра это может тоже чего-то навеять?

Андрей Заблудовский: У маляра – это к Максу, спроси у него.

Евгений Додолев: Вы когда были, студенческую пору вспомним, вы одну и ту же музыку любили? Я имею в виду, не свою музыку и не музыку своих друзей. А вот слушали вы одну и ту же музыку?

Максим Леонидов: Отчасти наши совпадали мнения, отчасти – нет.

Алексей Мурашов: Я пришел в коллектив к «квиноманам». Поэтому ты задавал вопрос, да, относительно The Beatles, я, конечно, хотел бы быть Роджером Тэйлором, честно говоря. Меня заставляли петь и на концертах пиарили. И Макс со мной еще репетировал, чтобы я таким утробным, утробным, антивокалом это исполнял. Так что это было.

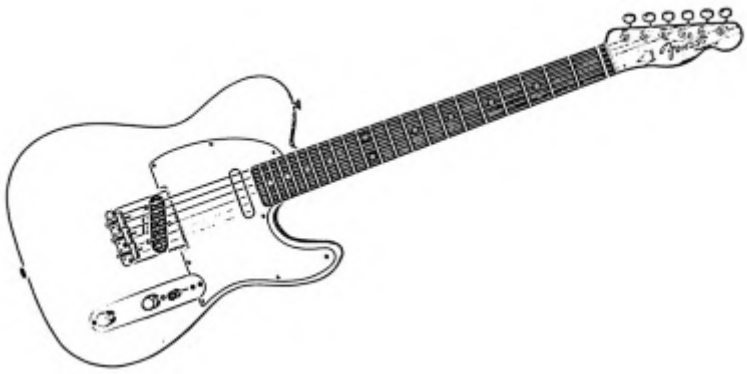
Евгений Додолев: Кстати, не могу не вспомнить насчет Дмитрия Рубина, который стоял у истоков коллектива. Общаетесь вы сейчас с Дмитрием?

Максим Леонидов: Ну, время от времени видимся, поскольку мы живем в одном городе и вращаемся как бы в одних и тех же кругах.

Евгений Додолев: Но вы же не все в одном городе.

Максим Леонидов: Да, специально, конечно, мы не встречаемся. Поскольку Дима просто совсем в другой сфере деятельности находится. Ну, как бы в смежной, поскольку он занимается сценариями для телевидения в основном. Но все-таки в другой.

Как Светлана Сурганова инструменты получала



Во время одной из бесед со Светланой обратил внимание на ее инструмент. Не удержался от вопроса.

– Откуда она, что это за инструмент? Как давно вы на ней…

– Я вот сейчас первый раз на ней вам сыграла. Я в первый раз ее держу в руках.

– Да вы что?!

– Это мой знакомый художник предоставил, Константин. Это его личный инструмент. Немножечко травмированный, но очень красивый. Тут гриф с инкрустацией. И, если я правильно поняла из его рассказа, Александр Барыкин на ней еще играл.

– Я просто понял, что не видел вас с этим инструментом. Поэтому решил поинтересоваться. У вас есть любимая гитара?

– Да, у меня сейчас маленькая, уютная гитара, называется Fender Acoustic. Шестиструнная. С датчиком. Я сейчас даю концерты, играю на ней. Вот есть очень уютные инструменты. Прямо по рукам. У меня руки маленькие. Я сама миниатюрная. И вот этот инструмент для меня даже великоват сейчас. Мне приходилось бороться с ним немножко.

– Это не было заметно. А вам дарили когда-нибудь инструменты или вы покупаете?

– У меня была чудесная история. Мне подарили скрипку. Я давно мечтала о чешской скрипке, чешского мастера. До этого я играла всю жизнь на подростковом инструменте. Там вот есть восьмушечки, три четверти, половинки и целые скрипочки. У меня был такой недоросточек. Недоцелая скрипка. И хороший заводской инструмент конца XIX века. «Немец». Но я немножко ее переросла и эмоционально, и по рукам. И много лет мечтала о мастеровом чешском инструменте. Поклонники мне подарили.

– А гитара появилась у вас…?

– Ну, как у всех, там, в 13–14 лет. Сосед за стеной, там, или однокашники, начинают мальчишки, бренчать что-то. Я чисто из зависти. Думала, как же так, вот Лешка Анисифуров играет, а я нет. Взяла и научилась. А поскольку моя природная лень не дала мне изучать наших классиков, бардов и разучивать песни Окуджавы, Высоцкого, мне было проще самой написать песню. Вот так началось мое сочинительство.

– Вы знаете, я несколько раз в этой студии беседовал с Женей Маргулисом. И он никогда не произносит название «Машина Времени». Он всегда, когда надо сказать про «Машину», говорит «мой предыдущий оркестр». В вашем случае это «Ночные снайперы».

– Угу.

– Это тот коллектив, в котором вы приобрели звездный статус. Но при этом до этого вы ведь играли в нескольких командах, да. Там была и «Лига», и «Нечто иное».

– Это совсем юное такое, совсем.

– Ну, это было, как минимум, по-моему, 3–4 коллектива, да?

– Ну, двумя ограничимся. «Нечто иное», да, и «Лига». «Лига» это еще даже школьная история. Потом, в медучилище знакомство с Петром Малаховским вылилось в создание группы «Нечто иное». С Петром мы до сих пор сотрудничаем. Он очень талантливый, на мой взгляд, музыкант. И я многие песни, ну, по крайней мере, в его музыкальной идее, многие использую.

– Я ведь к чему этот вопрос задал: хотел спросить, с кем вы поддерживаете отношения из музыкантов, с которыми начинали?

– Ну, вот Петр Малаховский в первую очередь.

– Только с Петром? А остальные, просто вы даже не следите за ними, где и что они?

– Ну, я еще хочу назвать одно имя. Человек не занимается, так скажем, профессионально музыкой, но чудесно исполняет свои авторские песни. Это Евгения Вендек, питерская наша – композитор, поэт. И у нее чудесные есть музыкальные трактовки стихов Гиппиус, Цветаевой, Маяковского. Вот мы с ней тоже очень много лет дружны.

– Читал в одном из интервью, что вы возите с собой какой-то медицинский саквояж. Я просто помню, что Маргулис в свои времена, он рассказывал мне об этом, постоянно возил саквояж. Но он-то лечил от кожно-венерологических заболеваний своих товарищей. Потому что такое время было, 70-е.

– Активное, да.

– Вы-то его не застали. Зачем вы возите саквояж медицинский? Кого вы и от чего лечите?

– Ну, всякие простудные, может быть, царапины. Мелочь. Но вот иногда просто в аптеку некогда

сходить. Концерт, переезд, переезд, концерт. И иногда очень-очень поздно все заканчивается. Приезжаешь, аптеки еще закрыты. Поэтому у меня всегда с собой такой дежурный набор. Что-нибудь обезболивающее, сердечное, и противовоспалительное, и противогриппозное. Все.

– А вы по специализации были педиатром, если я правильно понял?

– Да, врач-педиатр. Ну, так, это меня не коснулось.

– В смысле?

– Эта специализация в прямом смысле. Ну, я закончила институт и стала сама пациенткой. Профессиональный пациент.

– Да, вы стали пациенткой. И вы очень тепло всегда говорите и про маму. И сегодня упомянули ее. И, в общем, вы детский врач по специализации. Вы все время говорите про опыт, как будто вы в процессе набора этого опыта…

– Познания, да.

– При этом вы ведь, в общем-то, музыкант с авторитетом, человек, как вы, для многих гуру. То есть человек, на которого равняются.

– Ну, я сама вечный ученик.

– Это обычная история, кстати. Да, Борис Гребенщиков тоже любит повторять, что он вечный ученик. Нет желания вам создать, ну, условно, условно очень говоря, свою школу? То есть чтобы у вас были подражатели, ученики?

– Ну, желания такого нет. Но мне кажется, кому надо, он и так берет. У меня были свои тоже учителя. И есть учителя. И они не создают своих школ. Я просто подсматриваю, подглядываю, я рефлексирую, я воспринимаю, анализирую.

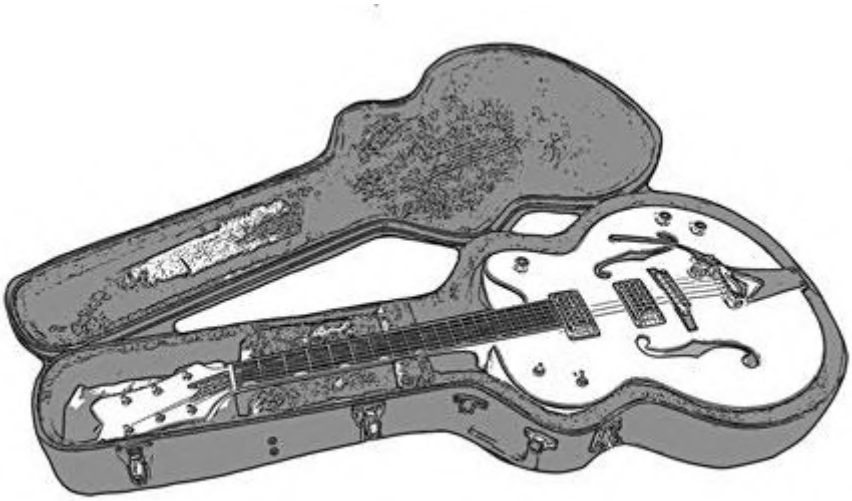
– Кто ваши учителя?

– Вам эти имена вряд ли что-то скажут.

– Может, они скажут зрителям что-то.

– Я тоже это оставлю при себе.

Как Виктор Зинчук палец сломал



Свой концерт, приуроченный к 55-летию, грандиозный гитарист Виктор Зинчук пришел пиарить в студию «Правды 24» вместе со своим товарищем – легендарным футболистом Евгением Ловчевым. Несколько баек забавных я услышал.

Евгений Ловчев: Я тренировал команду артистическую и команду Госдумы. И все правители у меня тренировались, начиная еще с Бурбулиса. Ну и Жуков, и Харитонов.

Я видел такие вещи, которые другие никогда не видели. Я видел…

Евгений Додолев: Это например?

Евгений Ловчев: Первое – искренних людей. Я видел, как Зинчук благодарит футболиста за то, что тот забил гол. Мы играли в Воронеже. А я их настропалил перед вторым таймом, потому что 1:0 проигрывали. Тут забили гол. И там все, куча мала такая. Сашка Иванов там лежит внизу-то, Витя ходит вокруг этой кучи малы, не знает, что делать. И вдруг нога высовывается Сашина. Он схватил эту ногу и начал благодарить ее.

Виктор Зинчук: От эмоций, мол, гол забили. Нет, там все по-настоящему. И первый раз, конечно, я, когда пришел в сборную, меня Серафимыч попросил ударить по воротам, я не попал. Ну, не по воротам, а по мячу.

Евгений Ловчев: А, когда-нибудь было, чтобы ты попал (смеется)?

Виктор Зинчук: Ну, теперь-то мы в порядке. Мы же чемпионы мира среди артистов и так далее. Дело в том, что действительно на футбольном поле мы не всегда в своей тарелке. И для этого нужно было родиться с мячом. И мне говорят: да уже ничего не надо, можно играть мимо ноты, можно ходить просто по сцене туда-сюда, рассказывая, вспоминая что-нибудь из своей жизни. Но это, конечно, не так.

Евгений Ловчев: В данном случае я скажу, ну, к футболу применительно. Однажды мы выехали командой в Англию. И не на «Уэмбли», играли с командой какого-то телевидения. И выиграли 8:1, кстати. Притом счет первого тайма 1:1. Но потом завелись, забили голы. И после матча давали концерт вечером в клубе. Мы приехали чуть раньше, как всегда, там, настраиваться, вот все это. Знаете, как они это делают, да? И все дают звукорежиссеру эти свои фанеры, певцы. То, другое, третье. Я их люблю всех. Я люблю Лозу, Малежика, Боярского, Газманова. Всех, всех, всех, кого можно, люблю. И вдруг подходит Зинчук и начинает играть. Без фонограммы. И у этого человека разглаживаются морщины, открываются вот такие глаза. И он начинает улыбаться. И я понимаю, что мастерство не пропьешь и не купишь в магазине. Я сидел как завороженный, честно вам скажу. Сидел и кайфовал оттого, что есть такое искусство великое. Не важно, это скрипка или гитара. Великое искусство, потому что это великий музыкант на самом деле для меня. Я ему как заслуженный мастер спорта могу это сказать.

Виктор Зинчук: Действительно, я знаю, что именно футболисты могут оценить. Эти люди знают, что такое настоящий труд, что такое пахать и что такое жертвовать ради достижения результата. Ведь творчество настоящее и достижения в творчестве, они схожи с достижениями в спорте.

Евгений Додолев: Почему вы подопечного не уберегли? Он, я знаю, палец сломал, что для гитариста существенно. Ведь для гитариста пальцы – это ведь 10 инструментов.

Виктор Зинчук: Да. Ну, слава богу, их у меня еще осталось 9.

Евгений Додолев: То есть нерабочий действительно палец?

Виктор Зинчук: Ну, да. Но я могу как-то играть им. Ничего, ничего.

Евгений Додолев: На тренировке это случилось?

Виктор Зинчук: На матче. Играли какой-то турнир отборочный. И как раз Бубнов ко мне подошел, посмотрел, сказал: не срастется. И точно. Накаркал.

Евгений Додолев: Имя Лозы прозвучало. Я где-то читал, что «Плот» – это ваша любимая песня, прямо гимн такой. Нет?

Евгений Ловчев: На самом деле гимн. Когда раньше вот команда была, где Лоза играл, да, мы заканчивали этим. Ну, поэтому хорошая фишка есть.

Можно, я чуть-чуть отвлекусь буквально? Это было в Новом Уренгое, когда Малежик первым начинал концерт, а заканчивали мы «Плотом». И Малежик вышел в коридор такого маленького зала. Подходит один мужчина там местный и говорит: Слава, ты так здорово «Плот» поешь. А тот говорит, это не я пою. И в этот момент «Плот» начинает Лоза петь. Тот так стоял, стоял, думал, думал и говорит: «Не, но все-таки ты ее поешь лучше».

Евгений Додолев: А чья вообще это идея в свое время со «Старко» была? Кто все это придумал?

Виктор Зинчук: Первый и основной Миша Муромов. Он был в Америке. И встретился с Тони Ренисом, итальянским импресарио. А в Италии вот это – Пупо, Рикардо Фольи, Джанни Моранди…

Евгений Додолев: А, то есть это не наша оригинальная идея? Итальянская?

Виктор Зинчук: Да. Первый матч с итальянцами был здесь, в Лужниках. 3:1, 30 тысяч зрителей. Наши выиграли. Я сидел на стадионе и не думал, что я буду играть в этой команде. Восхищенно болел, орал.

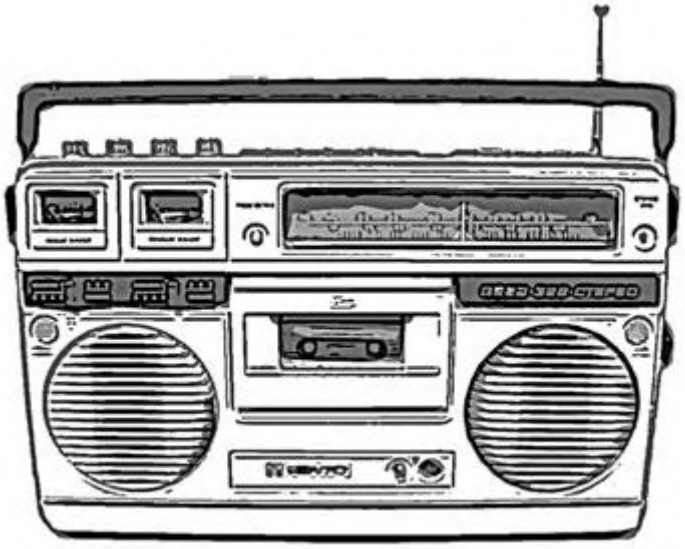
Евгений Додолев: Я о чем подумал, глядя на вас обоих. Вот у нас в футболе уже, допустим, то, что называется компенсацией и вознаграждением на мировом уровне. Правильно? То есть у нас футболисты сейчас получают столько же, сколько во всем мире. А в шоу-бизнесе, мне кажется, еще не так, да? Заработки нельзя сравнить наших музыкантов с западными.

Виктор Зинчук: Они уже превосходят заработки западных музыкантов. Я в Ирландии записывал кельтский свой альбом, там люди работают, ну, максимум 50 евро 3 часа. И это напряженный труд. В среднем вот клубные музыканты получают такие деньги. И вот так работают очень многие: во Франции, в Италии. Множество музыкантов. Да, многие занимаются там музыкой. Но лишь единицы получают большие деньги, если они собирают большие стадионы. Но больше там зарабатывают именно на продаже дисков, произведений…

Евгений Додолев: Что у нас совершенно не работает.

Виктор Зинчук: То, что у нас не работает. То, что у нас называется просто грабежом. Никуда не денешься, да. А у нас на концертах, ну, даже в клубах сейчас зарабатывают немало. И сейчас уже удивить кого-то большими гонорарами очень тяжело. То есть запросы наших музыкантов, они серьезненькие.

Как Юрий Лоза + Игорь Сандлер разыграли коллег по «Интегралу»



Поскольку Лоза был выше упомянут, вспомнил такую вещь. В день, когда Игорю Сандлеру исполнилось 60 лет, его товарищ Юрий Лоза, которому обстоятельства не позволили побывать на этом торжестве, написал у себя в дневнике пост, который я воспроизвожу – по договоренности с автором – не изменив ни запятой:

«Мы проработали вместе четыре года в саратовской филармонии, объехали всю страну и съели пуд соли. Сейчас он успешный бизнесмен, хозяин престижной студии, продюсер, меценат и т. д., а тогда, в восьмидесятых, был безбашенным лысым клавишником из “Интеграла”. Так как наши дни рождения рядом – у меня 1-го, а у него 7-го февраля, мы в те веселые времена объединяли их, чтобы дважды не тратиться. Однажды мы с ним договорились – разыграть наш коллектив, и вот как это выглядело.

После концерта мы с Игорем накрыли поляну в номере, который побольше, и пригласили всю группу. В самый разгар торжества он встал, попросил слова и молвил: “Юрбан, поздравляю тебя с днюхой, ты классный чувак и я хочу подарить тебе сто баксов!” Достает стоху одной бумажкой, вручает ее мне и садится на место. За столом мертвая тишина, потому что таких подарков никто и никогда в команде не делал, ведь все мы на самом деле были нищими, а за сто долларов надо было отработать бешеное количество концертов. К тому же было непонятно – а как теперь поступать остальным, привыкшим дарить юбилярам исключительно тосты и добрые пожелания.

Я поблагодарил, расчувствовался, попросил сло́ва, поздравил Сандлера с днем рождения, рассказал о его достоинствах, а в конце добавил: “В знак особого к тебе расположения, я хочу подарить тебе два зеленых полтинника!” Достаю из кармана две бумажки по 50 долларов, вручаю их Игорю и получаю свою долю реплик типа “ну вы и гады!”, остальные тычки достаются Сандлеру».

Как Алибасов коллегу отчитал

Юрий Лоза стал интернет-мемом весной 2016 года, когда в программе Захара Прилепина высказал свое мнение о культовых рок-командах 70-х.

Фотожабы, на которых был изображен Мик Джаггер (коего Юрий обозвал «Питером», хорошо, хоть не «пидором» – шутили в Сети), разошлись по нашей блогосфере стремительно.

Алибасов у себя в дневнике опубликовал фото, на котором группа «На-на» запечатлена с лидером группы The Rolling Stones, которую Юрий Лоза назвал непрофессиональной, так как гитарист «Роллингов» Кит Ричардз уже 53 года не может настроить гитару. Эту проблему, написал Бари Каримович, «Роллинги» смогли бы решить только в одном случае, если бы взяли в группу Ю. Лозу.

И добавил:

«Знаю Юрия Лозу, наверное, лучше, чем его жена, с 1977 по 1982 год. плодотворно трудился с ним в группе “Интеграл” сутками. Талантливый музыкант, но мозг Юры уже тогда зашкаливал. Сегодня он попытается напомнить о себе, ведь “Плот” давно потоп, а молодежь фамилию Юры ассоциирует с виноградом. Идеальный способ всплыть – насрать в историю человечества. Говно ведь не тонет. Особенно восхищают перлы Юры по истории цивилизаций.

Юра, ты назвал Led Zeppelin и The Rolling Stones непрофессиональными музыкантами!

Вот я и думаю, что это – инфантилизм или идиотизм?

В свое время я, как мудо, вытаскивал Юрку из ташкентской тюрьмы, куда он попал из-за этого идиотизма.

Когда Лоза пришел в “Интеграл”, его музыкальное мышление не простиралось дальше блатного ресторанного репертуара. Но кое-что я из него все-таки выжимал, музыкант он неплохой. Однако примитивное мышление создавало Юре немало проблем.

Жаль, что история мировой музыки зацепила Юру только тогда, когда он занимался фарцовкой, чем очень гордился. Поэтому Юра закоченел на “Хорошо темперированном клавире” Баха. Но музыка, Юра, развивалась и позже, достигув 4 33 Джона Кейджа, для вольного состава инструментов (время полного молчания оркестра в трех частях). Если твой клавишник с абсолютным слухом страдает от ненастроенного музыкального инструмента, пусть обратится к Шонбергу, Кейджу, Айвзу, Шостаковичу, Шнитке, Щедрину и моему любимому Пендерецкому, они ему мозг прочистят, и твой “абсолютник” сделает себе харакири.

Музыка, Юра, это ПРОСТРАНСТВО и ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, а не песнюшки.

Все, что ты несешь, Юра, уже было в газете “Правда” в 1936 году в статье “Сумбур вместо музыки” по опере Д. Шостаковича “Леди Макбет Мценского уезда”. Юр, не позорь нас, твоих коллег и друзей, тихо греби на своем плоту и не делай россиян кретинами. Ты считаешь музыкой свой “Примус”, где банальные блюзы и рок-н-роллы под самоиграйку перетекают в “два прихлопа три притопа”. Юр, ты в очередной раз лоханулся, перестань уже пыжиться своим “Плотом”».

Как Александр Вулых «Шнура» комментил

В принципе, здесь надо было бы сделать пометку «Содержит нецензурную лексику». Но… из песни слова не выкинешь.

В начале 2016 года главным событием в нашей рок-музыке стал феноменальный успех группировки «Ленинград»: клип «Экспонат» за январь просмотрело в Сети несколько миллионов потребителей. Сергей Шнуров еще раз доказал, что не зря о нем снята документальная лента с говорящим названием «Он ругается матом».

Одесский писатель Всеволод Непогодин тогда записал у себя в Facebook’е:

«Каждый раз, когда пошляцкий шлягер про лабутены, штаны и Серегу с выставкой Ван Гога звучит на Украине, в стране становится на десяток русофобов больше. Именно “Ленинград” сегодня вызывает массовый рвотный рефлекс к русскому миру как к таковому. Украинские студенты привыкли худо-бедно собрать деньги на Шенген, доехать автобусом до Польши и там летом, живя в палатке, послушать на фестивалях качественную европейскую музыку. Закономерно, что им противен гнусный Шнур с чудовищно коммерциализированными песнями. “Ленинград” был неплох в 1999–2001 годах, когда у них был бедняцкий задор, а потом они превратились в группу, играющую частушки для пятничных попоек свинорылых менеджеров. Не Киселев сегодня плодит ненависть к русскому миру, а лабух Шнуров со своим матерщинным позерством, бестолковыми текстами и примитивными мелодиями!».

Тему подхватил мой товарищ, столичный пиит Александр Вулых, написавший реплику для моей «Музыкальной правды»:

«Еще раз о “лабутенах, нах, и охуительных штанах”. Мат со сцены – вещь весьма специфическая, с непредсказуемой реакцией зрительного зала.

Происшествие с певицей Наргиз Закировой в ресторане “BackStage” реальное тому подтверждение. Желая быть в модном тренде, артистка общалась с залом (в котором находились, кстати, родители с маленькими детьми) языком сценического героя Сергея Шнурова. Далеко не всем зрителям этого концерта пришлась по душе подобная манера общения. В результате концерт был омрачен конфликтом, во время которого гостья, недовольная матерными репликами Наргиз, бросила на сцену бокал с вином. Певица

порезала ногу и поспешила обвинить в происшедшем администрацию ресторана, которая была в данной ситуации абсолютно ни при чем.

А надо было, как говорят в таких случаях, “следить за базаром”. В связи с этим вспомнился случай, свидетелем и участником которого мне довелось стать лет пятнадцать назад, когда еще был жив популярный в Москве клуб “Цепеллин”.

В тот вечер 1 апреля администрация клуба пригласила “Шнура” и его музыкантов развлечь публику, но в поезде из Питера в Москву “Шнуру” сломали нос в драке, и музыкантам пришлось выступать без него.

Ребята изрядно приняли на грудь, и со сцены в зал неслась нецензурная брань и оскорбительные реплики в адрес сидящих в зале людей. Праздничное настроение было испорчено. Арт-директор клуба, известный в прошлом гитарист группы “Браво”, Дима Ашман подошел ко мне и попросил что-нибудь срочно придумать, чтобы сгладить этот неприятный осадок.

После того как нетрезвые музыканты покинули сцену, я вышел на нее и, осмотревшись внимательно, произнес:

“Во-первых, я хотел бы поблагодарить музыкантов за то, что они не насрали прямо на сцене! Ну, а во□вторых, я хочу сказать, что в моем репертуаре тоже есть стихи о ебле… Но сегодня для вас я буду читать только о любви!”

Публика встретила мои слова аплодисментами. Наверное, просто людям не хотелось грязи в этот первый апрельский вечер».

Как Александр Васильев публику строил

Про ненормативную лексику на сцене вспомнил, когда в начале 2016 года обсуждалась фотография, которую опубликовал вождь «Эха Москвы» Алексей Венедиктов: в престижном лондонском ресторане счастливо улыбаются в объектив, казалось бы, непримиримые идеологические противники: сам «Веник», Ходорковский и тандем Валерия + Пригожин. Возмущению как «охранителей», так и «либералов» не было предела.

Хотя, что бурлить-то? Во-первых, МБХ тоже открытый «крымнашист», во-вторых, свою любимую Валерию слушал даже в лагере и, в-третьих – и это самое главное! – ворон ворону глаз не выклюет.

Элита может конфликтовать сколько угодно, но друг другу они ближе, чем сакраментальный электорат, «хомячки» (© Немцов).

Не надо, ко всему прочему, демонизировать так называемый раскол в «тусовке». Осенью 2015 года я оказался в зрительном зале (на открытии театра “Gradsky Hall”) рядом с Андреем Макаревичем; он восседал справа от меня. Ну а в трех местах слева сидел Иосиф Кобзон. И я не удержался: спросил у соседа: «Не здороваетесь, Андрей?», на что Вадимыч несколько изумленно парировал: «Да не, все нормально, полчаса с ним трындели».

Таков расклад.

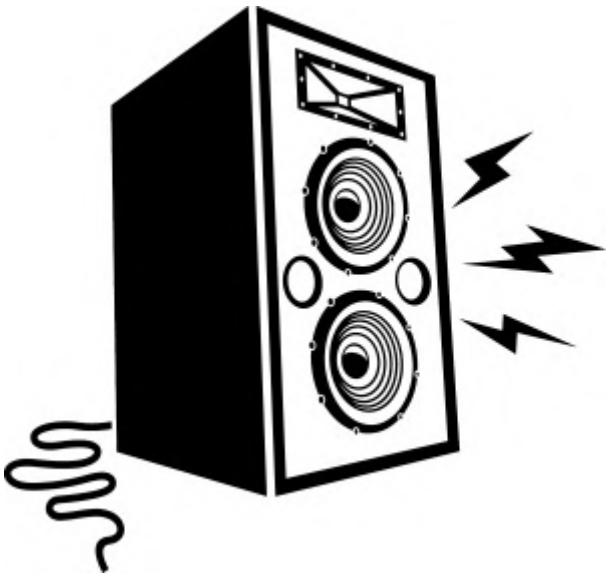
Не будем забывать, что мы – культура конфронтации, а не компромисса. У нас публично менять точку зрения плохо. Вот взяли вы, выслушали оппонента и изменили позицию. Встает вопрос – а чем же вы раньше думали? Ваши поклонники будут разочарованы – они же верили в вас как в носителя истины, а вы передумали… И никто не задумывается о том, что любая позиция вытекает из информации; добавилась информация, позиция может и измениться.

И наконец. «Паны дерутся, а у хлопов чубы трещат» – вот эту присказку забывать не надо. Кому-то кровь лить в донецком аэропорту, кому-то – вино в лондонском кабаке.

Но, впрочем, речь не об этом. На волне полемики вокруг скандального фото в Сети вспоминали разные истории про Валерию. И Роман Волобуев написал у себя в Facebook’е:

«Году в 1997-м мы с пацанами пошли на концерт – не помню куда, чуть ли не в Лужники, а смысл концерта был в том, что там какие-то люди что-то пели, а в конце должна была выйти интеллектуальная петербургская группа “Сплин”, только тогда появившаяся, а в самом конце – Кинчев. Мы пришли на “Сплин”, весь остальной зал, понятно, на Кинчева. И тут выходит юная 30-летняя певица Валерия в белом платьишке и начинает петь свой тогда главный хит “Моя Москва”. Весь зал, естественно, орет ей “уебывай, шлюха!”, она мужественно поет, улыбается и танцует. “Мою Москву” алисоманы еще как-то стерпели, но на второй песне в человека реально полетели бутылки. Валерия уже готова сбежать, и тут на сцену выходит солист “Сплина” Васильев, подбирает пару бутылок, хуячит их со всей дури обратно в зал и говорит в микрофон: “Мудаки! А ну слушайте нормально девушку, а то хрен вам концерт, хрен вам “Любовь идет по проводам”, и вообще хрен вам, мудакам”. И все такие: эээ, о,кей, чувак, сорри. И Валерия еще минут двадцать пела, и все ее слушали».

Как Гарик Сукачев в выборах участвовал



Просто оставлю здесь фрагмент из своей беседы с продюсером и тезкой Фридляндом.

– Жень, поговорить хочу на тему, «с кем вы, мастера культуры», по поводу того, что многие коллеги твои вступают в ряды тех или иных партий. Как вы вообще к этому относитесь?

– Я понял вопрос. У меня нет привязанности к какому-то определенному политику.

– Нет, нет, я не про политика. А вообще отношение твое к тому, что артисты становятся партийными?

– Это нормально. Это абсолютно нормально. И если бы сегодня была партия, которая бы удовлетворяла моим интересам, и я был бы уверен в том, что руководители искренние и честные, я бы тут же вступил в партию.

– Такой нет сейчас партии?

– Сейчас нету, правда, нету. Я как-то прочитал интервью Владимира Меньшова. И он не говорил о политиках, он просто говорил о том, что в стране происходит. И я вспомнил, что я на выборах голосовал за КПРФ и за Зюганова. Это было протестное голосование. То есть потому что за все годы я успевал голосовать и за Явлинского, и за Жириновского, и за Путина голосовал, и за Медведева голосовал. И в этот раз я из протестных соображений пошел и проголосовал за КПРФ. И я поймал себя на мысли о том, что мне все больше и больше нравится Зюганов. На фоне абсолютного отсутствия каких-либо деятелей и в оппозиции системной и не системной. Я не могу сказать, что я являюсь поклонником Навального или кого-то, потому что я не верю этим людям до конца. Поэтому сегодня нет такого политика. Но если такая партия будет, я обязательно вступлю. Буду очень активным.

– Я понимаю, да. А вот то, что у нас отечественный шоу-бизнес очень вовлечен в предвыборные кампании, – это нормально?

– Я сам со Стасом Наминым когда-то делал тур «Голосуй – или проиграешь».

– Да?

– Это зарабатывание.

– То есть даже в голову артисты не берут, за кого они агитируют?

– Нет. Я расскажу, был случай. Стас Намин позвонил мне, мы с ним были хорошо знакомы, вместе

даже пытались сделать что-то. Позвонил: Женя, говорит, приезжай, у меня есть проект интересный. И у нас было такое мероприятие – в каждом городе в один день был рок-концерт, где были все, начиная от «Бригады С», заканчивая группой «Цветы». Были Гурченко, Абдулов, группа «Колибри», которые работали в театре, и был Соловьев, у которого шли три сеанса в кинотеатре.

Самолет, вечером вылетаем из Москвы. Прилетаем, утро раннее. Понятно, что весь самолет гудит, задняя часть, деятели-рокеры, они все выпили прилично. И вот мы выходим, спускаемся, у нас первый город Томск. И со всей Сибири (поскольку мы все города потом должны были облететь), со всей Сибири приехали телекомпании. И вот они расхватали всех звезд. И одна из телегрупп выхватывает Гарика Сукачева, и корреспондент говорит: Гарик, какая у вас должна быть гражданская ответственность, позиция, вы в такой тур, в Сибирь, за Бориса Николаевича агитировать поехали. Гарик говорит: за какого-такого Бориса Николаевича? Я за Горбачева!

– Это, блин, смешно, но это не баян, нет?

– Нет, нет, это было при мне; я стоял рядом.

PS. Кстати, на эфире с Фридляндом приключилась забавная накладка. Изложу ее словами самого гостя, написавшего об этом у себя в дневнике:

«Вообще-то мне в детстве больше нравился хард-рок! Мы слушали Black Sabbath, Deep Purple, Nazareth, Rainbow, Led Zeppellin… Но в какой-то момент я выменял “Айрон Майден” на битловскую пластинку “Клуб одиноких сердец сержанта Пеппера”! Это было потрясение! С тех пор я обожаю “Битлз”! У меня есть старинная коробочка со всеми альбомами “Битлз”! Давно кто-то спер один CD. Так она и стояла слегка пощипанная! А год назад в эфир меня пригласил Додолев и попросил что-нибудь принести – вещь или котика, а я взял с собой коробку с “Битлз”! В конце эфира говорю, бери какой хочешь альбом, а он отвечает – Abbey Road! О господи, а именно его и нет! Мне стало так стыдно и неудобно! Евгений взял что-

то другое, но мое удовлетворение от подарка было смазано! Буду теперь пытаться испытать удовольствие от продолжения дарений! Оставлю себе только любимого “Сержанта” да и “Белый Альбом”, пожалуй!»

Как Евгений-Иосич Фридлянд с Андрей-Вадимычем Макаревичем поссорился

Жаль, что «украинский» вопрос развел людей шоу-биза по углам: того же Фридлянда в Facebook’е многие забанили за «путинизм». Впрочем, Евгений даже самых свирепых оппозиционеров помнит и поздравляет их регулярно в этой соцсети. Например, в 2015 году написал:

«Сегодня день рождения у Александра Кутикова! Мы знакомы 23 года!!! Кроме того, что, когда я пришел в “Браво”, мне пришлось разбираться с альбом “Стиляги из Москвы”, выпущенной на “Синтез рекордз”, принадлежавшей Кутикову, а потом еще вывозить от него огромный тираж, который благополучно был затоплен прорвавшейся канализацией в подвале какого-то театра в Марьиной роще, так Александр еще по моей просьбе совершил мужественную попытку спродюсировать первую пластинку Меладзе! Мы сидели сутками в студии на Варшавке, потом часто ездили вместе на гастроли, но я никогда не знал и не слышал о таком Санином происхождении и такой легкой и сложной судьбе одновременно!»

Мы общались с ним на тему разборок в популярной соцсети.

– Но вот, если просматривать Facebook, можно опять же узнать, что было у Фридлянда на завтрак, на обед и на ужин, с кем. И с кем он поссорился. Я заметил, что пришлось расстаться с очень многими коллегами по шоу-бизнесу. Просто вдрызг разругались.

– Не только по шоу-бизнесу.

– И эти баталии сетевые были на виду. Нет разочарования, что, может, не стоило это в Facebook заводить? Потому что теряешь друзей.

– Нет, Facebook здесь ни при чем.

– Не соглашусь, что Facebook ни при чем. Потому что я именно в Facebook'е узнал о несовпадении своих, допустим, личных позиций с людьми, с которыми я был знаком с 80-х каких-то, когда мы были все едины. Раньше-то казалось, что мы все мыслим одинаково. И именно в Facebook’е я узнал, что дело обстоит не так. И там с очень многими тоже расстался. И расстался в том числе и в оффлайне. То есть перестал общаться. Так что не знаю, мне кажется, вред от этого вашего Facebook’а.

– И от вашего тоже. Да. Наверное, может быть, конечно, отчасти вы и правы. Но все-таки, мне кажется, обострились все вот эти отношения. Все-таки Украина. Я думаю, что, если бы была бы тема Бразилии, или там Австралии, или голодных в Африке, это бы так людей не волновало. И даже, наверное, может быть где-то какие-то там небольшие проблемы даже внутри нашей страны. Здесь мы раскололи то, что называется русский мир, да, православный мир раскололся пополам, и семьи пополам, и страны

пополам, которые очень близкие. Я, например, очень переживал. Я начал переживать, потому что мои родители – выходцы из Украины. У меня мама из Николаева, папа из Харькова. Всю жизнь там прожили. И дедушки и бабушки. И много там предков похоронено. И я все детство там проводил на Украине. Для меня это очень болезненная тема. Потому что группа «Диалог» вся из города Николаева, они там все родились. Мы туда уехали. У меня там был дом и квартира. То есть у меня многое в жизни связано именно с Украиной.

– Меня как раз иногда удивляет градус дискуссий, когда люди, которые друг друга знают хорошо и понимают, кто чего стоит, и в профессиональном отношении, и в человеческом, переходят всякие границы.

– И с Андреем Макаревичем вышла история, когда только появился в Facebook'е, мы с ним сразу начали переписываться и я ему там подсказывал, как чем пользоваться. Он какие-то вещи не знал, как комментировать, как ставить «лайки». Я ему это все рассказывал. Мы с ним общались. Я знаком с его сестрой. Когда он меня заблокировал…

– Заблокировал? В Facebook'е?

– Да, Андрей меня заблокировал именно за мои высказывания по поводу Украины. Хотя я за него заступался, как мог. Говорил, что, да, Макаревич неправ, но он имеет право ошибаться. В принципе, я Андрею прощаю вот все и понимаю прекрасно, что и народ он обидел. Но понимаю, что для него это очень большие переживания.

– Сложная тема.

– Очень сложная тема. Судить, конечно, тяжело.

– Особенно учитывая, что мы находимся в среде, которая в значительной степени несет ответственность, ну, люди шоу-бизнеса, сцены и люди, которые работают в медиа-индустрии, мы ведь в известной степени ответственны за формирование общественного мнения. И, когда общественное мнение «среды» не совпадает с общественным мнением как таковым, то получается не очень хорошо.

– Я знаете, о другом даже. Вот даже понятно, что у каждого своя правда. И у украинцев, которые хотят другой жизни, хотят в Европу, и у русских.

Сколько я не сопротивлялся, мне говорят: ну, вы сейчас скажете, как Макаревич, наверное, скучно, ну, что вы – битломан, там все. И я перестал это говорить.

Как Буйнов армян удивил

Выше упомянут битловский White Album. Буйнов рассказал мне про вещь с этого двойного альбома.

– Я же помню, у тебя какая-то награда была за исполнение Black Bird с «Белого Альбома», такая очень недооцененная вещь, где-то я сейчас не помню, ты не помнишь где?

– Я помню, Ереван, по-моему.

– Да, Ереван-81.

– Песня была выбрана случайно. И тогда в группе «Веселые ребята», так сказать, мы не играли голимую попсу. Мы старались что-то такое делать. Там те же Led Zeppelin, что-то еще. Или аранжировки, сделанные под это дело, что ценилось всегда музыкантами. И на сейшенах – так называемых концертных площадках, где собирались разные и рок, кстати, группы, и не рок, и все – мы были очень объединены, потому что музыканты так приходили сквозь «Веселые ребята» в группу «Аракс», из «Аракса» – в «Воскресенье», из «Воскресенья» – через какую-то группу опять в «Веселые ребята». Все это вот так вот помешалось. И тогда я взял в виде стебовой шутки песню Black Bird. (Поет. Вот, напомнил специально, как она звучит в оригинале у Маккартни. И мы сделали из нее рок-н-ролл. Ну, это не то, чтобы успех, это было вообще. От того, что это был Ереван. Армения – самая поющая, самая…

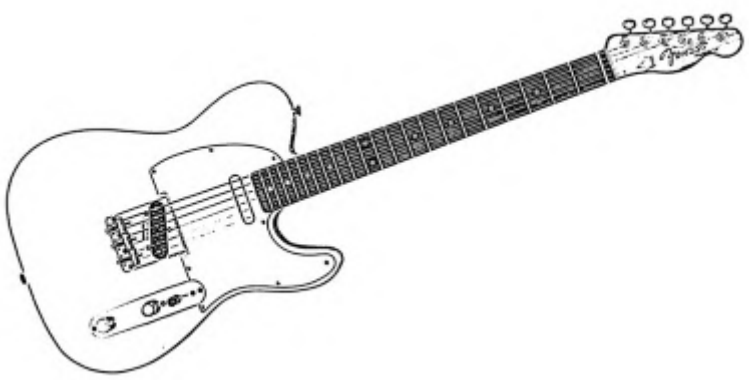
– Оппа! Ну грузины то сейчас вздрогнули, услышав: «самая поющая – Армения».

– Грузины – самые интеллигентные ребята у нас. Никого не трогают. Но в Армении все равно были самые джазовые продвинутые поющие композиторы и певцы. Я даже объявлял эту песню, сейчас вспомню: «Для тех, кто знает “Битлз”, эта шуточная песня звучит». Ну, сказать, имело успех – это ничего не сказать.

– Я помню, да.

– В основном армяне – это был белый верх, черный низ. Белые рубашки, весь стадион такой. Естественно, все живьем. Были потрясены.

Как Юрий Антонов сочинил «Анастасию»



Редкую песню с того же битловского «двойника» я упомянул и в беседе с Юрием Антоновым.

– У The Beatles на «Белом Альбоме» была такая песня Martha My Dear – «Дорогая Марта», которую Маккартни написал. Все гадали, кто эта Марта? А он написал про свою собаку. А вы когда-нибудь посвящали песни животным или девушкам каким-нибудь своим?

– Вы знаете что: я животным песни не посвящал.

– А девушкам? Это ведь тоже прекрасные домашние животные.

– А вот девушкам… Ну, знаете как. Скажем так, что посвятил девушке не столько я, а сколько автор текста, поэт Леонид Фадеев. Ну, известная песня «Анастасия». В моей жизни у меня не было знакомых – таких близких Анастасий. Но как-то мы с ним познакомились в ресторане Дома композиторов, это была первая песня, которую я с ним написал. Впоследствии было много песен. Но первая песня была именно «Анастасия». Вот он мне дал текст в ресторане, и я почитал, говорю, хорошо. И через несколько дней написал.

– То есть ни одной из ваших трех жен вы песни не посвящали?

– Ну, вы уже все знаете о моей личной жизни. Трех жен… Что было, то прошло. Вы посмотрите, что происходит. Как только ни откроешь Интернет, развод. Тот развелся, этот развелся. Какие люди, известные на весь мир. Этот развелся. Ричард Гир развелся. Такая красавица жена. Я не понимаю. И говорят, что он развелся из-за религии. Что он там буддист. А что он 11 лет думал?

Как Буйнов + Градский путешествовали без документов (и к тому же нагишом)

Попросил Александра Градского подробно поведать об истории, которую мимоходом упомянул мне Буйнов в нашем разговоре.

– Что за скандал случился в Гусь-Хрустальном? С Буйновым…

– Мы с ним в Гусь-Хрустальном пошли купаться на небольшое озерко. А основной коллектив в это время мог быть где угодно, в гостинице, концертов у нас не было в это время. И мы возвращаемся с этого купания, а всю команду срочно вызвали в другой город. И собрали все наши чемоданы, вместо того чтобы оставить, потому что нужно было номер сдавать. Они покидали все шмотки наши в чемоданы, забрали их, сели на автобус и уехали. И мы в чем были на пляже, в том и пришли в гостиницу. И там нам передали, что у нас завтра концерт!

– А документы-то где?

– Ничего, ничего, вообще ноль. Ни документов, ни денег, ничего вообще. Ну, кто с собой документы на пляж носит? И деньги тем более, там негде было их тратить. Короче говоря, не подумав о нас совсем, они уехали. А как мы будем добираться? Нам оставили только записку, что завтра концерт в Калинине, то есть нам надо из Гусь-Хрустального поехать в Москву, а из Москвы уже в Тверь и успеть на концерт. И где-то уже часов шесть или семь вечера, ну, делать нечего, мы идем пешком на станцию железнодорожную, и я понимаю, что к вечеру будет холодать, потому что это было осеннее время. Мы увидели товарняк и спросили у какого-то кондуктора, куда идет товарняк. Сказали, что идет в Москву. Мы залезли на эту площадку товарняка. Но она, правда, была между вагонами. Потому что если б мы сели на последнюю площадку, нам было бы просто конец сразу. В общем, сели мы на площадку, ну, между вагонами, чтоб по

крайней мере от ближайшего вагона не задувать. На это у меня ума хватило. То есть, ну, чтоб дуло только с боков. Но предчувствие было, что будет холодно, мы нашли газеты и обвернули себе ноги газетами. Но самое интересное – Сашка взял кошку. И с этой кошкой он и ехал в этом товарняке, потому что, видимо, грелся ей. А потом уже нас в СВ посадили, все нормально. Я сказал, мы, мол, артисты, но я не сказал, что студенты, сказал, что мы отстали от поезда, у нас завтра концерт. Нас посадили в свободное СВ, и мы вдвоем доехали куда нам надо.

Как министр Мулявину петь не разрешил

Эту историю мне рассказал Иосиф Кобзон, когда мы с ним беседовали о бездейственности в России так называемого «Закона о фонограмме».

Цитирую легендарного певца-депутата:

«В Белоруссии этот закон уже применяется давно. У меня был случай. Годовщина была такого известного белорусского деятеля Петра Мироновича Машерова. И мы давали концерт. Я приехал в Минск. Ко мне зашли за кулисы Лучинок и Мулявин, народный артист Советского Союза, легенда белорусской эстрады. И они с Лучинком мне говорят: поговорите с министром культуры, он не разрешает петь. Это был не коммерческий концерт. Это был вечер памяти, посвященный Петру Машерову. Я подхожу к министру,

он сидел в ложе. Я говорю, ну, как же так, ну, Мулявин сам, без оркестра, без ансамбля, но хочет поклониться памяти Петра Мироновича. Почему вы ему не разрешаете под фонограмму? Он говорит: Иосиф Давыдович, я сам являюсь поклонником творчества Владимира Мулявина. Но закон есть закон. Закон применителен ко всем исполнителям, поэтому я не разрешу. Я вышел из положения: когда выступал на сцене, я пригласил из зала Мулявина. И мы с ним вместе спели песню Пахмутовой».

Как Платон Лебедев Стасу Намину вокалиста нашел

Со Стасом Наминым встреча состоялась накануне выхода двух итоговых DVD знаменитой команды «Цветы».

– Знаю, что в первом периоде постоянного состава в «Цветах» не было. В группе за 20 лет играло более 50-ти человек. А с 99-го состав постоянный, не поменялось ни одного человека. Как в группу тогда попал вокалист Олег Предтеченский?

– Позвонил мне Платон Лебедев и говорит, есть парень, который великолепно поет. Я говорю: Платоша, ты гений в нефтяном бизнесе, у тебя математический склад ума, а то, чем я занимаюсь, – совсем другая профессия. Он мне: я тебе говорю точно, я его слышал в ресторане. Я: в ресторане все кажутся супермузыкантами, а поставь их на сцену… Но он тогда взял на свой страх и риск и сам уговорил Олега и привез его в Москву.

– А, так это еще и не московский ресторан был?

– Нет, конечно, нет… Олег из великого города Самара. Когда я его услышал – говорю: «Да, прости, Платоша, оказывается, ты не только в нефти разбираешься». В составе «Цветов» четыре полноценных вокалиста. А Олег уникален еще и тем, что может петь хард-рок с расщеплением, как Дэвид Ковердейл, и при этом наш легендарный хит «Звездочку мою ясную» может петь как оперу Паваротти.

– А как Сережа Воронов попал в «Цветы»?

– Я увидел его у Саши Липницкого на даче. А вообще Сережа работал диктором на радио, вещал на Германию. Сережа знает немецкий язык в совершенстве, как русский. Кстати, и английский также. Естественно, прочили ему советскую карьеру за границей. А я со своим рок-н-роллом и «Цветами» поломал ему всю жизнь.

– Да, я все понял уже про Воронова. Мне просто интересно, как вот эти люди отбирались, чтоб участвовать гостями в вашем концерте?

– Никто никуда не «отбирался».

– Ну как тогда пришел, скажем, Андрей Макаревич, Юрий Шевчук, Гарик Сукачев…

– Да все мы друзья уже много тысяч лет…

– Козлов у вас, ксати, в начале 70-х играл на саксе, да?

– Тогда «Цветы» только искали свой путь и я экспериментировал. Где-то в 70-м мы впервые услышали

американские группы «Blood, Sweat and Tears» и «Chicago». Они первые, кто сделал рок с «дудками» (медной группой), и мне тоже захотелось попробовать в этом стиле. Я пригласил своих друзей: Сашу Чиненкова из музыкального Суворовского училища – великолепного трубача, Володю Окольздалова – классного саксофониста, с которым мы тогда играли в кафе «Московском» и других модных клубах, и тромбониста Нилова. На клавишах тогда и в «Цветах» играл великолепный пианист Игорь Саульский. До «Цветов» он тоже играл в «Скоморохах».

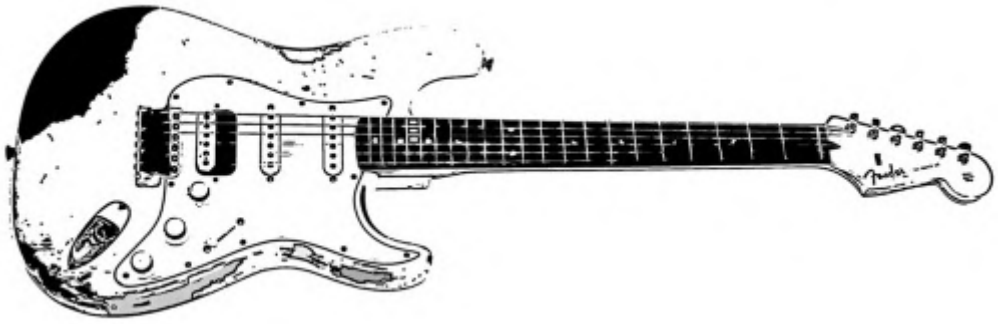
Так вот, Игорь предложил мне взять в группу второго саксофониста. Сказал, что это известный джазовый музыкант Козлов. Я тогда, как и все рок-н-ролльщики, джаз не воспринимал и сначала был против, но Игорь уговорил меня попробовать. И когда Леша пришел к нам на репетицию в Дом энергетиков, мы поняли, что с ним можно кашу варить. Помимо Игоря Саульского он был единственный грамотный среди нас и мог расписывать аранжировки. Один из хитов, который мы тогда играли, – «Lucretia Mac Evil» Blood, Sweat and Tears. После этого эксперимента с дудками я решил возвратиться к классическому рок-составу и взял Юру Фокина на барабаны, вместо Володи Созедателева. А Леша Козлов на основе «Цветочных» дудок сделал первый состав своего «Арсенала».

Из воспоминаний Александра Чиненкова, записанных Владимиром Марочкиным в 2007 году:

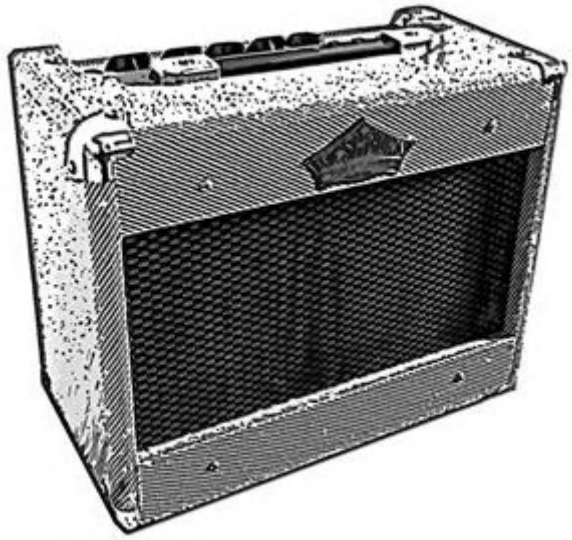
«Все началось, конечно, гораздо раньше, в 1965 году в Суворовском училище, где мы с ребятами собрали группу “Вельможи”. Я там играл на басу. Мы сами вытачивали себе гитары, сами делали усилители – и старшие офицеры нам даже помогали. На танцах нам разрешали играть все, что угодно. Мы исполняли в основном “фирменный” репертуар: “Битлз”, “Манкиз”, “Роллинг Стоунз”. И вот на один из наших вечеров пришел Стас Намин, который учился в другом суворовском училище, он – в Филях, а я – в Троице-Лыково. А потом последовало приглашение приехать и поиграть в его училище. И не один раз мы там играли. А потом мы начали вместе ходить на концерты. Мы ходили на все московские сейшны, но в основном – в МГИМО, Бауманский институт, МЭИ. Мне несколько раз довелось видеть и слышать “Скифов”. На концерте в МВТУ я познакомился с Валей Некрасовым и с Володей Коньковым из “Красных Дьяволят”. Я ведь в “кадетку” попал вынужденно, буквально из подворотни, и не попади я туда, наверное, угодил бы в тюрьму. Потому что я родился и жил на Бауманской, в Лефортово, а это был бандитский район, у нас вечерами на улицу после девяти выходить не рекомендовалось никому, потому что можно было легко получить по башке. В Лефортово на Почтовой улице каждый вечер кого-то обязательно убивали или грабили. И маманя просто вовремя поняла, что если она меня куда-нибудь не сунет – то все, конец! И была возможность пойти

учиться в “кадетку”, да еще у меня проявились музыкальные способности. Но из “кадетки” я рвался на свободу, а свобода у меня ассоциировалась с биг-битом…

Потом мы со Стасом расстались, потому что меня за агитацию не идти в офицеры сослали в показной полк Таманской гвардейской дивизии. Ну, не то, чтобы за агитацию, просто я свое мнение не скрывал и говорил, что не хочу 25 лет служить в армии. Мне и так каждый день рано вставать тяжело, да еще армейская дисциплина! Мой организм не воспринимает это! Хотя по прошествии десятилетий я понимаю, как хорошо, что меня отдали в “кадетку”, а там организовали, и теперь я по жизни такой организованный, да еще многих организовываю, и некоторые даже недовольны тем, что я это делаю. Но гастрольная работа требует дисциплины. Там была 5-я рота, которая так и называлась: “Ансамбль”. Что такое ансамбль? Это – те же самые бойцы, которые бегают в атаки, ездят на БМП, но помимо этого они в свободное время достают гармони, балалайки, гитары и начинают играть. Была поставлена концертная программа Таманской дивизии, в которой был и хор, и оркестр, и даже клоунада (там много “цирковых” было), а в конце концерта, как раньше обычно бывало, обязательно должен быть вокально-инструментальный ансамбль. И в этом ансамбле на бас-гитаре играл… Коля Ширяев, будущий музыкант ансамбля “Второе Дыхание”! В тот момент, когда я пришел служить, он уже год прослужил. И оставшийся год мы были вместе, наладив внутри советской армии “битловскую” жизнь. У меня с Колей Ширяевым всегда был очень хороший, чисто человеческий контакт. Причем это был совершенно открытый контакт, полный любви и доверия. Мы дышали одним воздухом, а состояние музыки и общества в то время предполагало намного более открытое состояние души. А потом пришла весточка от Стаса Намина с приглашением поиграть в его группе. В 1971 году в Москве как раз возникло новое джаз-роковое направление, и у всех вдруг появилось желание непременно играть с дудками. Стас сказал, что ему хочется сделать группу типа Blood, Sweat & Tears или Chicago, и поэтому нужны дудки и “самое время тебе, учитывая, что ты еще и на гитаре играешь…”. Там уже репетировали Фокин, Лосев, Игорь Саульский, был также приглашен Алексей Семеныч Козлов. На барабанах играл Андрей Заседателев, брат очень известного джазового барабанщика Володи Заседателева. Но Андрей играл более жестко, чем его брат, и это было очень важно. Всю эту кампанию собрал Стас. А Леша Козлов привел с собой тромбониста, фамилии которого я не помню, но помню, что его звали Нил, он был из инженеров, да при этом еще изучал японский язык. Меня это всегда восхищало! И был еще такой Окольсдаев, приятель Лосева, саксофонист, но тоже альтист, что было не в кайф, потому что Леша Козлов тоже на альту играл, а два альта в группе – не в кайф… А потом, буквально через 3–4 месяца, между Лешей и Стасом возник конфликт. Даже не конфликт, а выяснение того, какую линию будем вести, куда и зачем. И Козлов не то чтобы увел у Стаса музыкантов, но просто те, кто был со Стасом, – те с ним и остались, то есть – Фокин и Лосев. А остальные пошли вслед за музыкой, за джазом, за роком. Игорь Саульский, естественно, тоже ушел с нами, потому что он – музыкант. Но Саульский потом играл и с теми, и с этими, и где хочешь… Мы ушли в ДК “Москворечье”, где была джаз-студия МИФИ, которой руководил некто Козырев. Поскольку Леша Козлов был уже известным джазменом, он попросил приюта, и ему не отказали».



Как Александр Градский ответил Отару Кушанашвили



В феврале 2015 года я опубликовал реплику Отара Кушанашвили в нашей «Музыкальной Правде», главредом коей Отарик числился (по моей договоренности с Иваном Демидовым) с момента основания издания (в 1995 году оно звалось «МузОБОЗ»).

Вот этот текст:

«Когда я смотрю на выпускников “Голоса”, не выключая триумфаторов, у меня ощущение, что у всех у них кризис идентичности. Есть высказывание Шуберта, “существенно уточняющее картину мира”: “Хороший музыкант, если он всего только хороший музыкант, не может быть хорошим музыкантом”. Он может быть только аутсайдером, исподволь превращающимся в одержимого. Говоришь “Рианна” – сразу понятно, о ком речь, говоришь “Волчков” – ну да, что-то такое слышал, большой и круглый парень, обязательно много болтает о высоких материях, но из памяти улетучивается, как фильм “Несносные боссы”. Какое-то время после программы они гастролируют, а потом дело для всех оборачивается одинаково: одинаково скверно. Умея, и довольно неплохо, копировать Агилеру и Джо Кокера, они растворяются в пространстве, как футболист Аршавин в алиментах. Такая, грубо выражаясь, получается Севара». Мое интервью с Назархан было опубликовано на центральном развороте (а на первой был проанонсирован выход данной книги, кстати)».

На следующей неделе мне отзвонил возмущенный Градский и сказал, что хочет написать текст, при условии, что будет он опубликован без всяких купюр и/или какой-либо редактуры. Я заверил Гения, что даже в случае корректорских ошибок залью на газетную полосу манифест просто копипастом. И обещание выполнил. Здесь воспроизвожу:

«Полгода назад я решил ничего не писать по поводу “Голоса” и связанных с этим проектом впечатлений, скорее всего от нежелания “влиять” в плюс или в минус на зрительское обсуждение и уж тем более голосование во время проекта.

Теперь самое время…

Что произошло и что не случилось…

Произошло то, о чем я говорил и писал еще лет тридцать тому назад. Оказалось, что в нашей стране достаточно много молодых (и не очень) исполнителей, способных вполне качественно работать на сцене, совершенно не стесняясь, не труся, по крайней мере на первый взгляд, и производить серьезное впечатление на аудиторию, неважно телевизионную или концертную. “Неожиданно” выяснилось, что откровенная халтура так называемых теле, радио и интернет “звезд”, в сравнении с никому по сути неизвестными новыми певцами стала очевидной. Как-то все “обсуждатели” сегодня “подзабыли”, что два-три года назад совершенно обычным делом было “пение” под “плюс”, что сегодня публикой просто не принимается и люди “голосуют” отказом приходить на подобные “концерты”. В Москве и Питере эти “шоу” еще как то случаются, но все реже…

Удивительна дискуссия в СМИ, в которой активно участвуют некие “знатоки”. Откуда– то появляются музкритики, без серьезного музыкального образования и уж тем более опыта, но с амбициями непомерными и претензиями на истину в последней инстанции. Не хочу упоминать их фамилий, чтобы они случайно не подумали, что меня хоть как-то их безграмотность задела. Они пишут и пишут свой бред из статьи в статью, из газеты в газету, выступают на ТВ, несут ахинею, в сущности даже не владея разговорным, а уж тем более литературным русским языком. Они берутся судить о вокале, совершенно ничего в оном не понимая. Они позволяют себе фривольности по отношению к артистам, а иногда даже откровенное пренебрежение к ним, вплоть до хамства. Да, новички “засветились” на лучшем канале, в лучшем проекте за последние лет двадцать.

Это прекрасная СТАРТОВАЯ площадка, но это совершенно не значит, что от них нужно СРАЗУ ждать какого-то высокого стиля. Им предстоит огромная работа по созданию СВОЕГО зрителя и не только на ТВ или в столицах, но и в провинции, что даже важнее. И замечу, что их концерты проходят с разным кассовым и так называемым “зальным” успехом. Кто-то практически теряет возможность приехать в город N еще раз, а кто-то явно понравился и зрители готовы к его визиту на следующий год. Так вот: коли пишешь и тем более печатаешься, надо по крайней мере интересоваться всеми этими аспектами и знать, что на САМОМ ДЕЛЕ происходит, а не выкладывать на головы читателей свой горячечный контент. Как говаривал мой бывший администратор: “В кассу надо смотреть, а не в телевизер!” (сохраняю его лексику). Живя в нашей стране с ее неорганизованной до конца “шоубизсхемой”, можно ли требовать от начинающего артиста мирового умения?

На условную “Рианну” работают тысячи людей и десятки организаций и все равно (после просмотра очередного “ГРЕММИ”) многие участники этого супер-шоу в подметки не годятся некоторым конкурсантам “Голоса”, при этом конечно выступления “сверхзвезд” были, как всегда, на высочайшем уровне. Думать надо, “как слово отзовется”, прежде чем высказываться в СМИ…

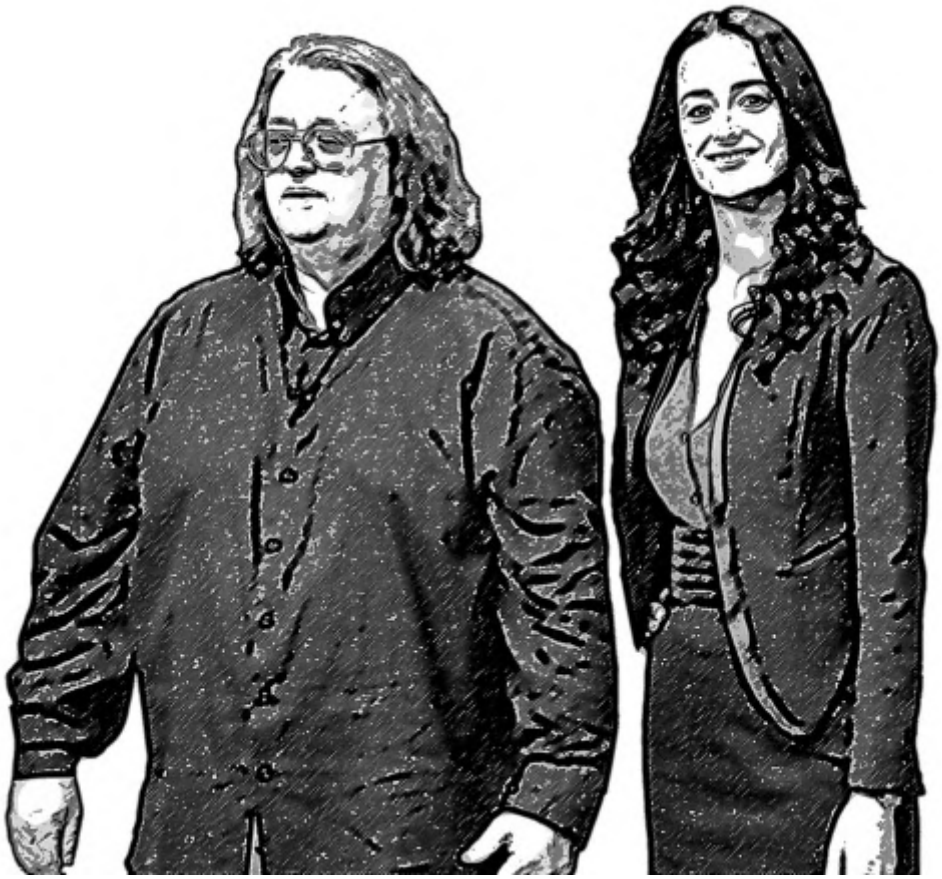
А сами СМИ чаще всего прикрываются разного рода фиговыми листками, постоянно намекая, что, дескать, “это частное мнение и оно не есть позиция самого издания”. Данная мерзость сегодняшних газет и журналов, все более похожая по своему смыслу на стены общественных туалетов, где каждый посетитель может, что угодно, написать, а руководство туалетов ответственности за писанину, простите за каламбур, не несет, – давно обычное дело, при всем том касается сия “манера” не только музыки, а всего подряд…

Какие же “аргументы” чаще всего приводятся?

Поют на “Голосе” в основном каверы.

Что же такое кавер? Прежде всего, это известные произведения эстрадного, песенного, джазового, рокового и т. д. направлений, образцы жанра, проверенные временем, то есть классика так называемой

легкой музыки.



При этом никто не рискует называть каверами произведения оперного или камерного искусства, трактуемые самыми разными певцами уже более столетия, несмотря на то, что “варианты” их исполнения Фишером Дискау, Шаляпиным, Карузо, Каллас, Джильи и многими другими выдающимися вокалистами считаются уникальными и непревзойденными. Но… все прекрасно понимают, что отказавшись от права новых певцов на свое понимание оперной и камерной классики, мы все попросту рискуем больше никогда не услышать в концертах арии Радамеса и Канио, Годунова и Лоэнгрина, Розины и Кармен, кстати – зачем нам существование Большого и Ла Скала – ведь спектакли с участием великих певцов никто никогда не сможет превзойти по общему художественному эффекту? Но у горе-критиков на оперную классику “рука” не поднимается, а на эстрадную можно замахнуться, дескать, примитивный “легкий” жанр…

Неожиданно вдруг выясняется, что он не такой уж легкий, чего стоят жалкие попытки, как говорится, “левой ногой”, с бездарным “переводом” спеть мировой хит, безо всякого понимания стиля, с фальшивой интонацией, как духовной, так и вокальной (вживую-то петь отвыкли) и с чудовищной манерой заодно…

Требование петь по-русски конечно справедливо, но для этого надо исполнять произведения, СОЗДАННЫЕ на русском языке, русскими композиторами и поэтами, пронизанные русской музыкальной и поэтической культурой и в то же время – шедевры; таких, к сожалению, немного, в сравнении с общемировой эстрадной классикой. Великие мастера советского периода ушли из жизни, оставив после себя непреходящие ценности, а вот современные авторы пустились во все тяжкие дешевого, примитивного, ежесекундного успеха у нетребовательной публики, стебаясь, как теперь принято говорить, на все лады…

Стеб и “приколы” дело конечно веселое, да и в нашей традиции ему было место, вспомним Козьму Пруткова, Сологуба, Зощенко, Гоголя с Пушкиным, наконец… Главное – у стеба должны быть, в виде предмета для насмешек, высокого уровня музыка и литература, чего сегодня, увы, у нас нет… Посему имеем стеб ради стеба, прикол ради прикола и ничего иного.

И еще о языке: мечтаю о временах, когда высокие примеры современной музыки будут звучать в нашей стране на английском, французском, итальянском и др. языках с правильной манерой, точной интонацией, грамотным голосоведением, ровным диапазоном и т. д., а русскоязычная эстрадная музыка, помимо России, будет в оригинале исполняться по всему миру, вспомним Итальянские сезоны в начале 20 века в Москве и Питере, а заодно “Бориса” в Ла Скала исключительно на русском языке…

“А напоследок я скажу…” – частенько слышу: “ну в “Голосе – кабацкий репертуар и все такое…” Хочу заметить: кабацкий репертуар делится на две части: собственно кабацкий блатняк, танцевальное дрыганье, развлекуха и… заказной мировой шлягер, который не становится кабацким оттого, что его поют в ресторане, это так, к сведению…

Дайте нам харизму, а на точность вокала – наплевать.

Друзья, запомните: мы вам не обычное телевещание, где можно петь черте как нечисто, орать, как резаные, дрыгать ножкой, изображать страсти роковые, подмигивать девушкам, втыкать в задницу перья, выдавая сей образ за театральность, бросать многозначительные взгляды в камеру, поправляя волосики на очередной прическе, откровенно халтурить долгие годы, используя плюсовую фонограмму двадцатилетней давности и торчать, торчать в СМИ, надеясь на очередного корпоративного лоха-заказчика. А зрители не преферансные болваны, от которых ничто не зависит и не такие дураки, чтобы на, с позволения сказать, раскрученное продажной редактурой “творчество” покупать концертные билеты…

А новичкам нужно для начала, пусть иногда ученически, иногда без особого творческого своего почерка, хотя бы просто чисто и в нужной искренней манере ПЕТЬ, мать вашу…

А то: “… где харизма, где душа, сплошная техника, ничего своего…“ Плевать всему миру, да и нашему зрителю, как выяснилось после трех сезонов “Голоса”, на интернет-сообщество, где неудовлетворенные жизнью (да и самими собой) граждане изливают свою вселенскую печаль на головы наши. Еще и предложения шлют по “улучшению” проекта. Скорее всего, никто с подобными мнениями данных спецкоров дома и на работе не думает считаться, так они в Сети себя хотят “проявить”. Успокойтесь, ребята и девчата – никто к вашему мнению даже и не подумает прислушаться, а тем более с ним считаться. Нас, истинных любителей и понимающих настоящее положение дел неизмеримо больше и если мы не пишем так часто, как вы в твиттеры, фейсбуки и живые журналы, то это не значит, что нас нет. К чему хотелось бы мне пригласить наших слушателей? А к простому согласию, что петь надо чисто и это хорошо. А нечисто петь – непрофессионально и нехорошо и это непреложная истина. Конечно, здорово бы при всем том еще и понимать обычному человеку, где чисто поют, а где нет. В нашем народе, уверен, есть внутреннее чувство прекрасного и генетическое неприятие ложного и неумелого, однако за последнее время было “сделано” немало, чтобы лишить людей этой генетики. Многочисленная и вполне грамотная атака на массовое сознание современными СМИ, направленная на, не побоюсь этого предположения, прямое и доскональное оглупление слушателей, задалбливание умов примитивными ритмами…

Ну а песенные припевы из двух строчек, повторяемые до бесконечности? Что это, как не гипнотическое программирование? Называется вся эта хрень хитами и существует она в сознании людей исключительно из-за многочисленных повторов в так называемых ротациях, в проплаченных газетных рецензиях и выдуманных желтопрессовых сказках, в скандальных хрониках и бульварных репортажах – и все это просчитывается и предполагается к материальному успеху…

Знаменитые на весь мир трехнотные музыкальные рекламные реплики тоже у всех в голове… Ну так эти “хиты” такие же трехнотные, но длиной в три минуты, не более…

ОДНАКО…

Неожиданно для всей этой кодлы появляется на Первом канале что-то ДРУГОЕ… И вдруг выясняется, что, на самом деле, народ-то наш совсем не так зомбирован, как эти деляги рассчитывали… ну, запретили в школах уроки пения и музыки, ну, завалили эфир низкопробным продуктом, но россияне и тут приспособились не поглупеть; да и от интернета, кроме вреда, есть и польза тоже…

И еще о “харизме”: вымазаться сверхтоном, орать в микрофон, проникновенно мяукая, мотать во все стороны силиконовыми сиськами, отвратительно кривляясь – таким способом публику надолго к себе не привлечь… ну разве что поржет наш зритель, а потом сплюнет и отойдет в сторону…

Самое важное – не надо ничего запрещать, сами загнутся, уже смрад стоит по всей поляне… Все согласны ведь, что в остальном мире никогда “это” никто слушать бы не стал. А знаете почему? Да потому, что уроков музыки в их школах никто не отменял и молодежь с самого раннего возраста УЧАТ – что хорошо в музыке, а что плохо… вот и весь сказ…

А не случилось то, что казалось мне важным, а именно создание нового коллектива единомышленников – певцов и авторов, которые не приемлют халтуры и НЕ ПЕРЕМЕШИВАЮТСЯ с “шоубизом”, не “разбавляют” его собой, ибо известно с давних пор, что мед, смешиваясь с дерьмом, медом уже не пахнет…».

Подписано было: А. Градский, февраль 2015 г., специально для ИД «Новый Взгляд».

Как Наргиз Закирова мимо нот спела

Исполнение певицей НАРГИЗ ЗАКИРОВА старинного хита «Женщина, которая поет» во втором сезоне проекта «Голос» вызвало бурление разных веществ в блАААгосфере.

Оч верно подметил Алексей «Профессор» Лебединский:

«…Навеяло. Артиста-певца-музыканта делают две вещи – продукт (сама песня) и имидж (фиолетовый унитаз на голове), иногда оба фактора. Самые выдающиеся музыканты имиджа не имели вообще или только в раннем периоде творчества, “по молодости”. Но самые выдающиеся, без имиджа, как правило, не так популярны, как с “унитазами” – они живут музыкой, у них харизма внешняя и внутренняя вместо специального имиджа. Тем, кто послабже по материалу, но какое-никакое зеленое биде к башке приклеено, везет больше с интересом публики – народу уже почти неважно, что оно поет, даже лучше, если загадочную неразбериху в стиле “про что, непонятно, но что-то в этом есть”, чем хорошую музыку. А если оно еще и одноглазо, шепеляво или напоказ голубо-розово – народное любопытство зашкаливает. Итого – в головах и сердцах народных масс унитаз на башке всегда победит искусство. Я почти уверен, что Наргиз – хороший, искренний человек. Но! … теперь отбросим внешний вид Наргиз и подумаем, вызвала бы она такой интерес и ажиотаж у народа, просто как певица. Да я знаю лично человек 5–7, которые в кабаках пели и играли так, что аж мурашки по спине бежали от кайфа, и никаких татушек им не надобно… И не надо сравнивать Наргиз с Пугачевой, плз. Пугачева – глыба энергетики, тонкости и исполнительского мастерства. Она – целая музыкальная эпоха советского времени и позже, ее песни живут в душах не только всего народа, кому за 35, но и накрепко искушенных слушателей любого возраста. Равных ей пока нет. Ей достаточно просто сказать слово, даже не петь – это слово проникает в душу. Вроде голоса мощные красивые есть, подача тоже вроде бы присутствует, искренность даже где-то промелькивает… А Пугачевой пока нет равных, хоть трижды обосритесь селедкой навзничь. Ждем монстров-гениев среди тех, кому сейчас 16–20, должны появиться».

Я у себя в Facebook'е обронил, что в самом начале Наргиз пару нот взяла неверно. Ну, на меня обрушились. Например, прекрасный театральный критик Марина Тимашева прокомментировала:

«Жень, может нравиться или нет, но она не фальшивит. Феодулова вчера дала косяка, факт, можно указать прямо время, но не Наргиз».

И вот неделю спустя у Александра Борисовича Градского на кухне эта тема вновь как-то нежданно засветилась. Началось с того, что Саша Викторович Цой что-то молвил о творчестве Артемия Кивовича Троицкого. На это хозяин территории в присущей ему безапелляционной манере (о, я помню Градского образца 80-х!) заметил, что Троицкий, мол, всегда был вне рок-тусовки и всерьез рассматривать его как эксперта не стоит. И назвал трех авторитетных, по его мнению, рок-критиков. Среди озвученных фамилий – Тимашева.

И тут я (к слову) рассказал о фейсбучной Наргиз-дискуссии. Присутствовавшие дружно подняли меня на смех. «Две ноты? Две?! Да она сфальшивила в половине». Ну а про Марину патриарх отечественного муз-бизнеса АБГ очень тактично сказал:

– Марина – замечательный рок-критик, я помню ее и ценю… Но слух у нее, очевидно, не идеальный.

Замечу, что это никак не умаляет достоинств Наргиз: она поет гораздо чище (не говоря о том, что

проникновеннее и экспрессивнее), чем большинство наших рок-исполнителей. Просто те вообще мимо нот зачастую. Впрочем, в роке это вообще не имеет значения. Хотя, это уже совсем иная тема. «Песня совсем не о том» ©, как кто-то с кем-то повздорил (здесь смайлик).

И, кстати, раз уж разговор про мега-проект Эрнста/Аксюты – на кухне тем вечером Александр Викторович Цой снимал Александра Борисовича Градского для четырехчасового мега-фильма об Андрее Вадимовиче Макаревиче («Красный квадрат» по заказу Первого канала, к 60-летнему юбилею основателя «Машины Времени»).

Прозвучал вопрос и об исполнении хита «Солнечный остров» подопечными «Голос»-наставника Пелагеи (это тоже активно обсуждалось в Facebook'е). Выяснилось, что сам «Макар» удовлетворен тем, что его вещь прозвучала в самом рейтинговом проекте отечественного ТВ. Это первое. Второе: АБГ считает, что у «Машины» есть масса более форматных для проекта вещей и, если бы коллега по жюри с ним посоветовалась, он бы ей подсказал.

Что и требовалось доказать, как говаривали у нас на матфаке.

К теме этого грандиозного ТВ-действа я возвращался в третьем сезоне (2014 года). Весьма, как мне казалось, аккуратно и по возможности нейтрально высказался у себя в Facebook'е относительно «тренерской команды» славного проекта «Голос». Цитирую без купюр:

«Пелагея… ээээ… раскрепостилась. По всей видимости, любимица публики… Вообще весь квартет наставников в этом сезоне… эээ… единодушно демонстрирует избавление, скажем так, от комплексов. Да. Как то так. Ну что, молодцы… наверное».

А вот комменты на свой пост воспроизведу с купюрами, потому что некоторые из комментаторов были, по мне, не вполне сдержанны.

Итак.

Максим Иксанов, ведущий канала «Москва 24»:

Да но по моему давно пора их всех поменять.

Бильд-редактор «Гудка» Мария Ахмедова:

Это она просто кокошник сняла.

Журналист «Известий» Михаил Шахназаров:

Напоминает пародию и рекламу веселящих препаратов.

Mikhail Shagramanov:

Вы видели британский (или какой-нибудь другой, не нашенский) «Голос»? Разительный контраст с нашей версией. Это уже шоу наставников, много болтологии, самолюбования и пиара. А в это время конкурсанты вполне могут успеть выпить-закусить.

Татьяна Лисицына, директор по рекламе «Люкс медиа групп»:

В третьем сезоне за судьями наблюдать гораздо интереснее, чем за участниками.

Pavel Telyshev, «Пропаганда»:

Скорее, избавление от демонов… изгнание, еще бы веники, чтоб могли друг другу помогать…

Irina Orlova:

Не смотрю. Второй сезон не имею желания их всех лицезреть. Противно до тошноты: куражатся все, изгаляются. «Великие» все блин, до одури! Царьки местного значения…

Евгений Фридлянд, продюсер:

Что-то я вообще перестал смотреть…

Елена Мурашова, супруга музыканта бит-квартета «Секрет»:

Мне кажется, это не раскрепощение… это, скорее, развязность… Вообще ее поведение наводит на грустные размышления… ну нельзя же так, в самом деле!

Lara Dan:

Да, Елена, именно так. Эмоции – через край, некая нарочитая бесшабашность, а потому и развязность. Ну, немного переигрывают все. Но пусть лучше будет так. Комментарии же – четкие, профессиональные.

Андрей Правдин, гитарист:

А певцы удручающе однообразны… Уфа только хорош… но как он на русском материале зазвучит еще вопрос.

Михаил Панюков, обозреватель «Экспресс-газеты»:

А меж тем спецвыпуск ЭГ про «Голос» получил самый большой заказ распространителей из всех тематических спецвыпусков, что мы вообще делали. Посмотрят еще!

Tata Mukuseva, супруга ТВ-мэтра Владимира Мукусева (в девичестве Татьяна Листова):

Очень серенький состав конкурсантов в этом году. Не знаю, что слышат в студии наставники, но звукорежиссеры явно подыгрывают некоторым участникам. Многие очень фальшиво поют и, видимо, пляски и дикие восторги наставников должны взять на себя внимание зрителей. А уши куда деть прикажете?!

Юлия Меньшова, телеведущая авторского проекта «Наедине со всеми»:

Вот это для меня парадокс телевидения нашего. Есть силы и креатив на первый сезон проекта. Есть желание и расчет (здравый!) продлить успех на втором сезоне. И… почему-то непонимание, нежелание рискнуть, сменить алгоритм, дать новый кислород на третьем… Одна и та же схема успешных проектов. Печальная. Под названием: «как бы чего не вышло». На всякий случай, без отклонений от того, что УЖЕ имело успех. В результате – пышные похороны былого успеха. И что важнее, похороны зрительских надежд на … искренность. Проекту ГОЛОС верили. Это настолько феноменальная реакция на телепродукт!!!!! Настолько редкая!!!! Ну как же можно было не догадаться, что именно это и делало

проект привлекательным??? Достоверность, а не постановочность эмоций. Искренность реакций с обеих сторон.

А на третьем сезоне – калька. Скучная предсказуемая калька… ((((((Так обидно! Я не смотрела ТВ 8 лет. А на ГОЛОСе вернулась в телезрители. В этом сезоне – выключаю. С горечью.

Светлана Каштанова, телецентр «Останкино»:

Ну какая Пелагея наставник… ну певица… ну и что… вести себя надо достойно… у наставника должна быть этика поведения… как шуты… уже надо показывать культуру ведения шоу… Юля! Вы же не опускаетесь до неприличного смеха… не вскакиваете с места… уже нет сил смотреть…

Елена Хозяйкина:

Только в этом сезоне увидела у Пелагеи номера с претензией на вкус. Поют разно, но не так ужасно, как на официальнопризнаных мероприятиях, можно действительно что то интересное услышать. Похудевшая блондинка выглядит еще лучше. Ржет по деревенски… так может сейчас так модно. Недавно видела, что одна местечковая министерша вела себя как провинциальная кокотка позапрошлого века. Сижу в зале и думаю: от жизни отстала, извращенная непосредственность нонче на пике стиля. Иначе как же ее всерьез воспринимают вышестоящие чиновники. Или может они еще веселей? Впрочем, нам смертным не понять.

Резюмируя, замечу: то, что мы видим по ТВ, – не всегда на 100 % передает атмосферу «Голоса». Как заметил Александр Борисович Градский, многое зависит от монтажа. Телевизионщики (Юрий Аксюта + команда) в сезоне № 3 ставку, очевидно, сделали именно на тренерскую четверку. Тем более что все четверо и в самом деле чувствовали себя на площадке увереннее, чем раньше. Да и многим из зрителей любопытней посмотреть на то, как Дима Билан танцует с дуэтом своих «воспитанников», чем послушать, как эти двое поют. Я специально иллюстрировал тот пост фотографиями Руслана Рощупкина, запечатлевшего Пелагею в премьерном сезоне проекта (Первый канал тогда предоставил иллюстрации для готовившейся книжки «Александр Градский. The Голос, или Насравший в вечность»): видно, что заслуженный работник культуры Республики Ингушетия Пелагея Сергеевна Ханова преобразилась внешне: основательно похудела (как, между прочим, и маэстро Градский) и ушла от «фольклорного» имиджа – выглядит теперь «стандартно»; ну и, стало быть, компенсируя это, ведет себя нестандартно (здесь надо ставить «смайлик»).

Впрочем, и во втором сезоне ленту Facebook’а штормило: все обсуждали Пелагею. Мол, изменилась за год сильно, стала вульгарной, «гогочет» не к месту да и «воспитанников» из числа конкурсантов отбирает не из профессиональных соображений, а в основном руководствуясь их сексуальной привлекательностью. ВГИКовский киновед (фамилию палить не буду) написала у меня в комментах: «У нее душевная несостоятельность, с музыкальной все неплохо. Поэтому всякую фигню эстрадную петь может, а глубокие, народные песни нет, фигня эстрадная получается. Хотя многим нравится, и сейчас они меня съедят. Ну понадкусывают».

Не знаю, не знаю. А вот что знаю, что мне очевидно. Пелагее труднее, чем трем ее партнерам из тренерского квартета. Труднее сладить с «медными трубами». У них то были не то, что «15 минут славы», они пережили целые эпохи фанатского преклонения. Градского слушали несколько поколений (родители «Голоса России» Дины Гариповой – его поклонники); Леонид Агутин блистал и соло, и в дуэте со своей супругой Анжеликой Варум; Дима Билан дважды представлял Россию на «Евровидении». А вот Пелагея Ханова десяткам миллионов (такова аудитория мегапроекта «Голос») известна не была до осени 2012 года,

хотя, конечно, ее слушали и ценили многие. Да и моложе она остальных.

Ну и $$$ опять же, это тоже испытание. Если у тройки коллег-мужчин востребованность выросла где-то втрое (ну, кроме Билана – он почти не выступает), то Пелагею стали приглашать в… 7—10 раз чаще, если верить интернетам. То есть она «догнала» многолетних рекордсменов чеса – Лепса и Ротару, обойдя даже Ваенгу (которую, между прочим, рассматривали на роль «тренера» еще на этапе подготовки российской версии «Голоса»). Короче, «головокружение от успехов» (©И.В. Сталин).

Ну и что? Я видел, как от денег шальных и славы всесоюзной сносит башни молодым. Это не обязательно навсегда. Есть дорога обратно. И главное: Пелагея – талантлива. И повторю который раз: талант не облагораживает своего носителя (©М. Леско). Существенно, что рейтинг у проекта – чемпионский. А мнений зрительских может быть сколь угодно много. «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» (©Мао Цзэдун). Главное, что «Голос» всем доказал: в стране умеют петь. И на вопрос «Где та молодая шпана, что сотрет нас с лица земли?» (©БГ) поднадоевшая новогодняя обойма того же Первого канала получила наглядный ответ.

Проект «Голос» по-прежнему остается не только мегасмотрибельным, но и качественным ТВ-продуктом. «Голос. Дети» продемонстрировал, ко всему прочему, еще и несостоятельность Водяновой как ведущей – стало очевидно, что она и детей не очень понимает, и форматы не различает. И еще стало ясно: без Градского все то, да не то. Пока АБГ остается в этом красном кресле, зрелище гарантировано. Да, оно трансформируется. Вместе с моделями поведения наставников. Но о вкусах не спорят. Спорят наставники друг с другом. К чьему-то сожалению – меньше, чем в первом сезоне. Однако возраст берет свое. Главному спорщику нашей эстрады Градскому исполнилось в 2014 году 65. Во всем есть свои плюсы. Ну а минус во всей этой истории – Facebook с его опциями наезжать на всех и вся. Здесь тоже «смайлик».

Известный репортер Михаил Дегтярь в своем Facebook’е поделился еще на излете первого сезона:

«Вдруг неожиданно понял, в чем причина угасания шоу “Голос”. Помимо того, конечно, что кресла перестали поворачиваться. Поменялся Градский, который был язвительным, мощным, непредсказуемым… А стал тихим, сентиментальным… И шоу сразу сдулось».

Ему тут же ответили:

«С чего ты взял, что “Голос” угасает? Это безоговорочно лучший шоу-проект из всего, что делалось за последние годы на Первом канале (не обижайся, но про все, что делалось как шоу-проекты на “России”, говорить вообще бессмысленно, настолько они безлики)».

И еще один читатель подключился к дискуссии:

«Шоу на самом деле замечательное… Для тех, кто полюбил кого-то из исполнителей, шоу продолжается, и они болеют за своих любимцев. Те, кто не идентифицируют себя с кем-то из исполнителей, постепенно устают, вот и все».

А коллега Дегтяря (работала ранее в «Скандалах недели» на незабвенном ТВ-6) и вовсе урезонила Михаила с аргументацией:

«Шоу к финалу становится менее интересным, так как остались одни девушки, многие, кто мог бы подперчить финал, отчислены. Это и хорошо и плохо, плохо, так как хотелось в финале хотя бы одного мальчика, а хорошо, что все по-честному и без подстав. В следующий раз тренеры учтут ошибки, будут внимательнее к отбору. А слезы здесь искренние. Здесь настоящая оркестровая музыка, вокальный талант

и исполнительский профессионализм, то, чего никогда не было в нашей “эстраде”, как выразился Градский… это не может не растрогать».

Ее тут же поддержали:

«Миша, на мой взгляд, главное достоинство этой программы, что в ней взят курс на иную культуру исполнения, иной музыкальный вкус, которым пугачевская бригада не дает пробиться на сцену. Очень жаль, что многие выбыли».

Дегтярь упорствовал:

«Да он может млеть, я не против: просто для шоу он нужен злобный».

Вся эта полемика интересна, по мне, лишь тем, что здесь отмечается очевидная ключевая роль в проекте самого АБГ. Справедливо. Хотя весь квартет наставников хорош. Я равнодушен и к творчеству Агутина, и к экзерсисам Билана (мне все-таки как-то ближе такие полюса, как Леонард Коэн или Мэттью Беллами), но по-человечески они мне стали симпатичней. И хорошо, что Аксюта выбрал Пелагею. Но! Но Градский просто незаменим в данном контексте.

И вот еще что. Да, люди с годами, как правило, становятся сентиментальнее, таков «каприз мирозданья» (©БГ). И странно было бы, если бы Градский по-прежнему демонстрировал жгучий юношеский максимализм, превратившись в мудрого патриарха. И зная его десятилетия, не могу промолчать: Градский НИКОГДА не был банально «злобным», нет. Саркастичным – да. Резким – несомненно. Ядовитым – в меру.

Что касается интереса к проекту. Вещь лицензионная, и во всех странах рейтинг падает после того, как уходит интрига со «слепым прослушиванием», но у нас уже в первом же сезоне доля росла от выпуска к выпуску, вплоть до финала.

С этим можно поздравить не только Первый канал.

И это «пичалька» для всего пугачевского шоу-биза. Как заметила в том же Facebook'е Лика Павлова (aka Lika Star): После проекта голос есть четкое ощущение, что старой гвардии – ПИПЕЦ!!!

Приведу диалог двух «друзей» из соцсети.

Вадим Гасанов:

«Я вообще очень не люблю программу “Голос”. Почему? Ну не потому что из “жюри” имеет смысл серьезно относиться только к Градскому. А потому что и Бернеса, и молодого Леонтьева, и Битлов, и Челентану, и самого члена жюри Агутина просто забросали б ссаными тряпками».

Ярослав Зверев:

«Челентано – вряд ли. Там нюанс: конкурс строго вокальный, и именно это востребовано, потому что “артистов на сцене” хоть вилами вычерпывай, а поющих – на пальцах одной руки. Бернеса не люблю, да».

Вадим Гасанов:

«Ну Челентано по молодости удостаивался очень и очень часто презрительного “да, не бельканто”. По поводу артистов на сцене – как-то не согласен, не любить Бернеса – это личное восприятие, о вкусах мы не спорим, а вот ставка на тех, кто только и умеет что петь ноты – она изначально порочна. Кстати, если память не изменяет именно ты в ЖЖ формулировал, что импортная эстрада во главу угла ставила личность исполнителя и соответственно авторскую подачу материала. В отличие от советской».

Ярослав Зверев:

«Зарубежная эстрада и голосами не была обделена. Та же Далида – не только артистичнейшая, но и весьма голосистая. А вот из советских певиц 1960—1970-х – кто? Анна Герман, позднее Алла Пугачева. Обе с голосом и артистизмом. А все эти девочки, которых Лапин смахнул из эфира за неправильное расовое происхождение – они ведь пели на пределе голоса. Таких и во Франции, кстати, хватало – какая-нибудь Франсуаза Арди».

Вадим Гасанов:

«Так пардон, сам себе противоречишь. Алла Борисовна вообще-то взяла именно артистизмом, хотя бы потому что хватало и не менее голосистых. А Арди и во Франции была не на первых ролях ввиду крайне ограниченных возможностей и голоса и образа».

Ярослав Зверев:

«Ага. В сочетании везде выходили на первые роли. По отдельности – по-разному. Но беда в том, что Алла Борисовна при своем артистизме была голосистая, а на эстраду при своем монопольном влиянии выталкивала сплошь артистично-безголосых. А игра на понижение – она беспроигрышная, народ легко соглашается снизить уровень вкуса».

Вадим Гасанов:

«В упор не помню среди птенцов гнезда Борисовны тех, кого можно назвать артистичным».

Ярослав Зверев:

«Я не говорю, что они артистичны – но безголосость им собирались компенсировать “театром Аллы Пугачевой”, т. е. как бы артистическим решением. В итоге образы получились какие-то совсем непристойные… И вот кстати, в “Голосе” планку заметно подняли. Реально безголосые там тоже были, но оценивали их не за чистоту ноты».

Вадим Гасанов:

«Можно привести и массу обратных примеров (большей частью из советского времени по понятным причинам), когда наличие прекрасного инструмента не подкреплялось более ничем и… обладатель его не радовал им никого. Ввиду полнейшей своей ненужности массовому слушателю – который и есть единственно необходимый эстрадному певцу потребитель. То есть должно быть разумное сочетание».

Ярослав Зверев:

«Ну вот Мирей Матье – поющий автомат с мощным голосом, труба иерихонская. Могла себе позволить “стою когда пою, я не могу иначе”, попытки что-то сплясать выглядят странно. И Патрисия Каас, которая тоже с мощным голосом, но при этом артистичная. Или Далида, которая каждую песню превращала в трагедию – но при этом прекрасная вокалистка. А нет голоса – и все, кругом проблемы».

Вадим Гасанов:

«Аналогичные пример: Группа The Turtles которая вполне могла б быть одной из первостепенных. Но не вышло, ибо с такими мордами не бывает. И совершенно стандартная Криденс, которые брали харизматичностью».

Я что хочу сказать: нормально, когда журналисты полемизируют в соцсетях. Однако когда рок-музыканты начинают проводить во всех этих фейсбуках время, то получается порой весьма неудачно. Да и не только о рокерах речь. Вот Всемогущий наградил человека талантом. Писать полотна, сочинять музыку, складывать простые слова в нечто чарующее, что зовется стихами. Да, наградил. Однако, как правило, Безымянный, со свойственной ему игривой логикой, не считает нужным в качестве бонуса одарить гения

еще и разумом.

Мда… Испытываю чувство неловкости, читая в Facebook’е сентенции людей, чьими талантами давно и искренне восхищался и восхищаюсь. И что же ты, блядь, не делаешь то, к чему у тебя истинное призвание? Ну жонглируй ты нотами виртуозно, подбирай правильные рамки к захватывающим картинам, снимай гениальные фильмы, используй все три своих октавы, декларируй пронзительные вирши, только, сцукко, не надо этих твоих online-экзерсисов. Пусть этим, прости Господи, блоггеры грешат. Ну не позорься ты пред Вечностью ради мимолетных сетевых поглаживаний! Или хотя бы грамотно изображай БГ – изъясняйся витиевато и иронично, так что хуй кто поймет, что ты имел в виду и на какой ты стороне баррикад. Ну нет. Нет. Нееет! Здесь пиздец что творится. Потому что пятьсот перепостов и семь тысяч лайков воспринимаются тобой как волеизъявление электората, не иначе. Однако что есть блогосфера вся, целиком в контексте Вечности? А? Зачем «обрекать бессмертную душу на смерть, чтоб остаться живым в этой давке» (©БГ)? Ну помолчи, мудила, ведь не знаешь ты ни историю, ни географию; зачем же, право, расписываться в своем дремучем невежестве пред всем честным народом? Ради миллона лайков этих блядских?

Ну ладно, хочется высказать тебе гражданскую позицию: тогда просто поддержи своим собственным драгоценным лайком духовно-близких. Кто там из богинь? Допустим, Божена Рынска отметила, что все таты, яхуди да прочие бухори суть «зверьки-недоевреи»: давай, подставь плечо подруге – что это в самом деле за негожий расклад, когда «ташкентские зверьки с примесью семитской крови в Израиле страшно портят талантливую ашкеназийскую породу» (©Рынска)? Кто еще средь прекрасных дам? А, вот «политическая проститутка» (©В.И.Ленин) Мизулина, которая считает что словосочетание «геи тоже люди» нуждается в проверке Роспотребнадзором как потенциально экстремистское: опять же, голосуй «за», не дай хорошему делу нивелироваться! Или, скажем, «умная девушка» (©Захар Прилепин) Ксения Собчак определяет всех детей, всех, как класс «маленьких пидАрасов» – дай знать боевой подруге, что в борьбе с «гаденышами» вы едины! Или, для симметрии, Ирина Яровая: женщина вычислила, что интернеты эти «разрушают понятие границы, понятие суверенитет»; ну так не гадь сам в эти интернеты, не «разрушай понятия» – просто поставь где надо лайк, расшарь какой пожелаешь тезис… И продолжай, дебил, творить, продолжай делать то, к чему тебя Безымянный справил: рождай мелодии, монтируй ленты, слагай вирши, книги пиши, дари людям свои восхитительные рисунки… Только не показывай поклонникам свое истинное лицо, поверь мне, старый мой знакомец: Всесильный вовсе не это имел в виду, выбирая тебя проводником Божественного…

Как девочка мальчиков рассорила

Имя Лебединского музобщественность вспомнила весной 2016 года, когда экс-певица Наталья Игоревна Ветлицкая разместила в соцсети клип «Если не любовь» столь же забытого исполнителя с припиской:

«Леху Лебединского совки запретили ставить в эфир. А радийщики ссут это делать самовольно, прям так и говорят. Ну тогда стасымихайловы им в зубы. А мы здесь Леху послушаем».

Этот пост вызвал полемику, и высказывания разных деятелей шоу-бизнеса я здесь воспроизведу без собственных комментов.

Дмитрий Шавырин: «Его на Радио Шансон часто крутят. А на других он просто не формат».

Михаил Козырев: «При всем уважении к его гражданской позиции смею предположить, что никакого запрета нет. И не “ссыт” никто, использую Вашу лексику. Просто это неталантливо. И запредельно пошло. Увы и ах».

Д.Ш.: «Целиком и полностью согласен. Сделано коряво и непрофессионально. Музыканты слабые. Впрочем у него никогда хороших песен по сути и не было и певец-то он слабенький. Короче, не Александр Гратта».

Наталья Ветлицкая: «Ну пипец, “гении” собрались; спасибо, стошнило».

Д.Ш.: «У нас с Козыревым опыт большой есть общения с музыкантами Мы оцениваем все с профессиональной точки зрения. Лебединский – это типичный шансон. Ни рок, ни попса дешевая. Голос слабенький. Песни – пошлые. И никто его не запрещает, просто он сегодня не актуален и не востребован. И ничего злого ил личного».

Н.В.: «Какой у тебя вкус, Дима? ты в музыке не бельмеса не понимаешь, и не понимал никогда. тоже мне музыкальный продюсер. Ты всю жизнь только всех критиковал, вот твое основное занятие».

М.К.: «Пошлость остается пошлостью вне зависимости от страны проживания и политической позиции. И недавно склепанный артистом опус на злобу дня страдает той же проблемой. В этом всем нет ни грана таланта. Ни на что не претендую и никаких советов не даю, только моя частная оценка. Отличается она от любого здешнего комментатора только тем, что больше 20 лет я слушаю примерно по сто песен в неделю, и ставлю в эфир то, что мне казалось талантливым. Это не тот случай».

Д.Ш.: «Я вот сейчас посмотрел его страницу, на которую подписан. Мат-перемат на ней. Злоба на Россию, защищает убийцу Савченко. И так далее. Ну какая у него гр. позиция? Не нравится, вали из страны.

Чего вякать в пустоту. Оппозиционер давно подзабытый… У Алексея нет никакого роста, а только падение вниз. В том числе и в его постах в ФБ. Он реально не формат для радио. А на Шансоне плиз, звучит по 5–6 раз в день. Правда я это говно-радио не слушаю».

Н.В. «Да хватит Мише поддакивать. Ты Мише не пара. Ты то сам чего красивого и хорошего миру дал, чтобы других чморить?».

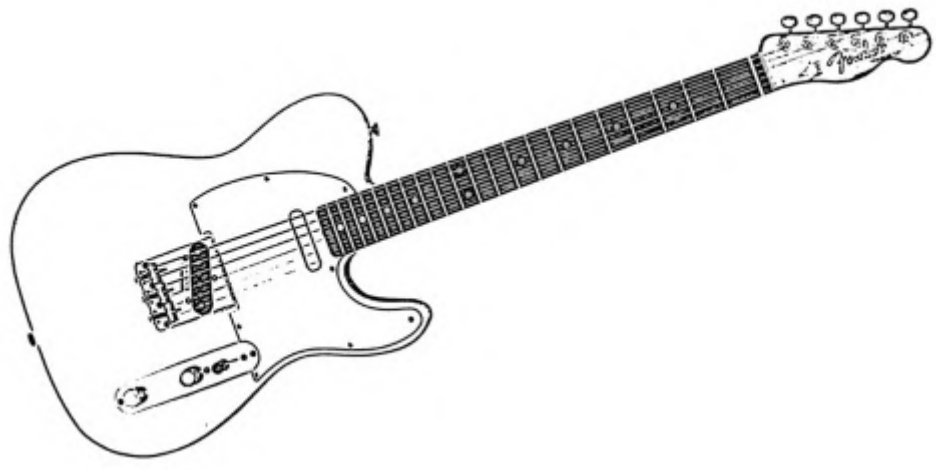
Д.Ш.: «Ты бы за свою жизнь послушала ты столько я. У меня коллекция почти в 12 тысяч дисков, своя газета “Джокер” была на бумаге и есть на ФБ сейчас. Я знаю о рок-музыке столько, сколько другие не знают. Меня, как и Мишу Козырева знают все и с удовольствием советуются. А дешевая попса – это не мое. Критиковал и буду. Благо есть много где о музыке писать».

Алексей Лебединский: «А ты думаешь, что у Козырева есть вкус? У него даже чувства юмора нет. Я не защищаю свое творчество. Я констатирую жлобскую сущность человека и ставлю под серьезное сомнение его вкус. А чтобы это выяснить, давайте поставим эксперимент – я сяду за рояль, а Козырев хоть за что-нибудь. А потом мы решим, кто из нас имеет вкус и вообще право рассуждать с таким апломбом о музыке, ок? Я серьезно».

Сергей Кальварский: «Лех, понимаю, что Мишино мнение тебе неприятно. Но так он думает. А высказано корректно, без хамства. Ты же и не должен всем нравится. Песню еще не слышал, поэтому своего мнения пока нет».

М.К.: «Как “жлобяра”, “хам” и “человек без чувства юмора”, который осмелился не будучи ни музыкантом ни звукорежиссером высказать свое мнение, на которое не имею право, тактично удаляюсь из данной беседы. Обнаружил удивительное соответствие аргументации артиста текстам и настроению своих шлягеров. То есть тут полная гармония: чувак как поет, так и полемизирует. А вот Ваши, Наталья, симпатии к этим песням реально озадачивают. Как-то не верится мне в любовь к этой нетленной пошлятине. Впрочем, предполагаю, что здесь дело в дружбе и личном знакомстве. Тогда все понимаю».

Н.В.: «Михаил, ну я же годами наблюдала ваше дурновкусие, хотя вы свой вкус таким естественно не считаете, и ничего, никогда вам в горло за это не вцеплялась и не выливала ушаты помоев. Так почему же вы тут у меня устроили шабаш? Вы начали оскорблять, не я. И вообще я не понимаю с какого потолка вы считаете себя экспертом экстра класса в области музыки. Вы никогда им не были».



Как Константин Эрнст Константину Кинчеву клип снял

Клип на песню кинчевской «Алисы» «Аэробика» стал первой киноработой «взглядовского» режиссера Кости Эрнста. И показан этот шедевр был в самой популярной программе СССР – «Взгляд». Я познакомил двух выдающихся Константинов летом 1989 года, а в выпуске программы от 10 ноября, приуроченном к Дню советской милиции, мы отэфирили Костин дебют.

Там вышла, конечно, та еще история. Эрнст вложился в эту работу багажом всем своих кинопознаний и снял не просто видео, но мини-кино на семь с половиной минут. Снимали это в квартире кинокритика Андрея Дементьева на Пятницкой (он сам много лет спустя снялся в роли Масимилиана Волошина в ленте «Зеркала» Марины Мигуновой).

Клип стартовал выразительным заходом на три с половиной минуты, где герой под приглушенный фон предпраздничного радио пробуждается в какой-то трэшовой коммунальной квартире, разглядывает себя в разбитом зеркале, ну и тому подобное. А потом, после всей этой надрывной и шедеврально адекватной тогдашней конъюнктуре красоты – под обработанную нарезку сталинского парада физкультурников, концерта «Алисы» на ленинградском Зимнем стадионе и стремительной проходки «Доктора Кинчева» по подвальному коридору, – идет собственно музыка.

О премьере первого музыкального номера культовой питерской команды известили всю советскую рок-общественность: соцсетей тогда не было, но формат «из уст в уста» функционировал настолько эффективно, что, когда Политбюро ЦК КПСС закрыло тот же «Взгляд», на митинг протеста вышло полмиллиона человек без всяких твиттеров.

И вот, стало быть, сижу я перед первой «Орбитой» (дневным эфиром «Взгляда» на Дальний Восток), штудирую верстку выпуска. Замечаю: под некий «музыкальный номер» отведено три минуты восемнадцать секунд. Озадаченно спрашиваю режиссера: это что у нас здесь? Невозмутимый Иван Демидов, лениво затягиваясь болгарской сигаретой, процедил, что он, мол, «поставил метку» по первому аккорду и приказал видеоинженерам все остальное отрезать. То есть попросту безжалостно кастрировать премьерную «нетленку». Хуясе, подумал я про себя. А вслух спросил: «Костя-то в курсе?» Ваня: «Ну да, они там с Любимовым в монтажной были».

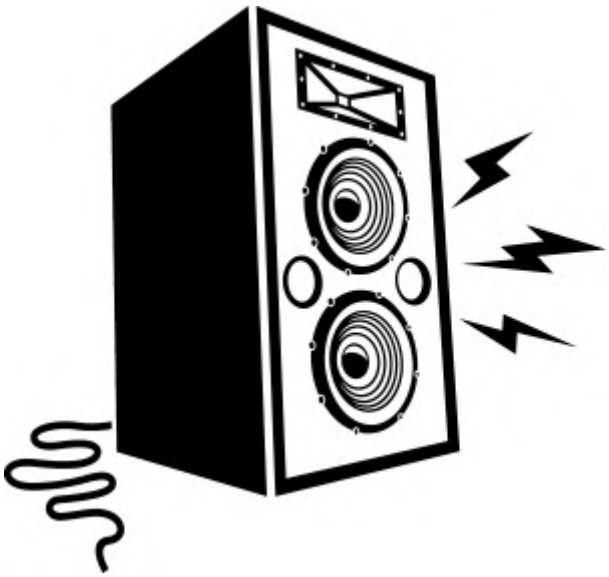
В принципе, Демидов в той ситуации был прав на 100 %. Мы ночью, после вечернего выпуска («Взгляд» на Москву «прямился») обсуждали этот эпизод и все сошлись: во «Взгляде» клипы поддерживают сюжеты. Ну, например, репортажная зарисовка, и «в стык», без какой-либо отбивки: «Скованные одной цепью» – легко и без затей выстроен революционный контекст.

Но, думаю, Костя Эрнст, которого политика всегда интересовала куда меньше, чем искусство, рад не был. А его тезка Кинчев так и вовсе зарекся впредь работать с телевизионщиками.

Полную версию клипа со стебными комментами много лет спустя показали по MTV. Но это была уже

другая страна.

Как команде Нестерова не везло во «Взгляде»



Кстати, о клипах «взглядовских». Сам Иван Демидов дебютировал в феврале 1989 года с видео на старую версию песни «Москвичка» в исполнении «Мегаполиса». Вещь отэфирена в праздничном восьмимартовском выпуске «Взгляда». В том же году Ваня снял видеоверсию хита «Рождественский романс». И каждый раз, когда песню ставили в верстку, программу… закрывали! Не из-за какой-то там политической составляющей самого музыкального номера: просто не везло фатально Олегу Нестерову и его «Мегаполису».

И еще один сюжет «взглядовский» вспомнил. 1989 год. Делегация СП РСФСР вернулась из США. Двухминутная буквально зарисовка. Под песню «Наутилуса» «Гудбай, Америка» катили тележки, доверху забитые заморскими товарами, наши писатели-почвенники, со всей сермяжной мощью клеймившие на страницах «Литературной России» и «Нашего современника» скудоумных «пиндосов» с их презренным культом вещизма.

Меня тем майским днем поехать в Шереметьево-2 и снять прилет делегации Союза писателей попросил Артем Боровик. Для выпуска «Взгляда», который мы в ближайшую пятницу планировали провести с ним на пару. По-моему, у него были жесткие разборки с кем-то из этих «инженеров душ человеческих», я в подробности тогда не вникал. Мастера пера, упакованные импортным дефицитом в полный рост (пакеты валились с тележек), понятное дело, были не особо разговорчивыми. И мне пришлось добивать хронометраж стебным стенд-апом на фоне здания международного аэропорта. Под конец я пробросил реплику:

«Бездуховность, бля».

Ну и завершил репортаж беспроигрышным саундтреком Славы Бутусова про «Америку, где я не буду никогда», который придавал сюжету глумливое звучание.

Андрей Макаревич, который, как и вся советская богема, отслеживал пятничные экзерсисы «молодежной редакции ЦТ», потом меня влегкую пожурил. Упрек в использовании запрещенных приемов я категорически не принял. Потому что все остальные очень даже ту выходку одобрили. Особенно, конечно, Боровик-младший. Который, между прочим, числил «Наутилус» командой номер раз.

Как Шевчук на Расторгуева напал

Жестко ультиматум «Определись, ты за кого?» ставится в российской блогосфере. Пространство Сети превратилось в территорию новомедии и почти не контролируется кремлевским агитпропом, а потому внушает нашим элитам вселенский ужас, ибо они – по своему смешному недомыслию – переоценивают влияние сетевых сообществ на формирование тех настроений, которые Юрий Шевчук некогда обозначал словосочетанием «Предчувствие гражданской войны».

Увязнув в сетевой ЖиЖе, невозможно отойти в сторону согласно старинному тезису «Моя хата с краю». Волей-неволей приходится корректировать все свои действия, понимая. После того как «Юра, музыкант» задал пару вопросов Путину, фамилию «Шевчук» стало проблематично употреблять без учета этого эпизода.

Да что там сам Шевчук! Знакомая журналистка рассказала, что даже не осмелилась проехаться по Боно и российским гастролям U2 того 2010 года, поскольку, спев дуэтом с Шевчуком песню Боба Дилана, ирландский русофоб как бы влился в ряды рукопожатых оппозиционеров. И, стало быть, критиковать Боно – это как критиковать научные работы академика Сахарова в советское время. Думаю, даже создатели мультов «Южный Парк» и «Симпсоны», высмеивавшие конъюнктурщика Боно, воздержались бы от сатиры, если бы были пользователями русскоязычного раздела Сети. Так корректировать ли свое слово, дабы не было оно интерпретировано как ангажированность? Прикусывать ли язык, чтобы кому-то не показалось, что ты его засунул в то отверстие, где уже ныне и так тесно как никогда?

Когда облака ниже колен,
Когда на зубах куски языка,
Когда национальность голосует за кровь,
Когда одиночество выжжет дотла,
Когда слово «Вера» похоже на нож,
Когда плавятся книги да колокола,
Когда самоубийство честнее всего,
Когда вместо ритма нервная дрожь.

Это из Шевчука («Предчувствие гражданской войны»), который, как известно, «пил с генералом ФСБ». И мне нравятся некоторые его вещи. Но талант не облагораживает своего носителя. И мой персональный багаж знаний позволяет декларировать, что я Юрий-Юлианычу не верю. Ну а власти я просто по долгу

профессиональному обязан не доверять. Однако я не понимаю, отчего лично я должен делать выбор между Кремлем и оппозицией, если не верю ни тем, ни другим? Когда «Предчувствие гражданской войны» звучало в первый раз, я искренне присоединился. Был, как и многие коллеги-репортеры, пассионарным хунвейбином перестройки, пушечным мясом информационной войны, думал, что геройствую во «Взгляде». Нам тогда казалось, что мы отнимаем власть у тупых мракобесов. Но не все знали, что отдадут ее смышленым ворам.

Есть такая песенка на вирши Самуила Маршака «Из чего только сделаны мальчики?… Из чего только сделаны девочки?». Концептуальная вещь, разоблачающая ханжеский девиз хищной Якобинской диктатуры «Свобода, равенство, братство». Действительно, о каком, право, равенстве может идти речь, когда все заведомо из разного сотканы? И – по замыслу Творца – равными быть попросту не могут?

Полемика Власти с Поэтом и/или Бизнесом – наглядная иллюстрация тезиса о демагогической сути лозунга Великой французской революции. Конечно, известный диалог Владимира Путина и Юрия Шевчука от 29 мая 2010 года навел на эту мысль. Каков в России поэт, такова и власть.

Каждый услышал/увидел то, что желал. Пламенный писатель Дмитрий Быков написал гневную антипутинскую мини-поэму «Есть еще на свете силы ада, тайные и темные места…». А флегматичный ТВ-ведущий Алексей Шахматов в своем блоге заметил:

«Есть стойкое ощущение, что проверяли при входе все, кроме алкоголя в крови. Юра пронес. И все последующее теряет смысл… Ну, плевать… на скорость, дальность, густоту и кучность мы умеем. Особенно под градусом. Талантливый и умный человек, увы, не одно и то же… Юре дали трибуну. Юра ее запорол».

Как хорошо иметь все в этой жизни разом – деньги, власть и любовь народную. Любая истинно честолюбивая особь всей своей душой стремится поразить три мишени разом. Но, поскольку всего иметь нельзя, она добивается чего-то одного. А уж потом пытается конвертировать один успех в другой. Тот, у кого есть деньги, стремится купить власть. Обладающий возможностью принимать решения тужится превратить это достижение в деньги. А те, кто обласкан любовью народной, рвется либо в депутаты, либо в бизнесмены. Таким образом на Олимпе генерируется возня, связанная не только с рывком на вершину, но и с беготней вокруг нее.

Помнится, давным-давно Джон Леннон сравнил The Beatles с Иисусом Христом и даже проговорил, что битлы популярнее. US-общественность тогда дико возмутилась. Хотя музыканты собирали жатву электорального обожания, несравнимую ни с одной из конфессий. И фанатство это конвертировалось в неплохие по тем временам деньги.

Бурные разборки на встрече «творческой интеллигенции» с премьером – бездарная экранизация романтической трагедии Шиллера «Дон Карлос», в которой мальтийский кавалер маркиз Поза пикировался по поводу реформ с испанским монархом Филиппом.

Бодание в случае «Путин Vs Шевчук» произошло между фигурантами с разным капиталом.

Таким образом, дискуссия на верхних ступенях социальной лестницы скоро сведется к ожесточенному противоборству трех видов власти – экономической, политической и эмоциональной. И вестись будет на поле двух разных принципов существования («быть» или «иметь», описанных Эрихом Фроммом). И совершенно непонятно, какая тенденция победит, что имманентно современной российской элите. Взращена она в русскоязычном пространстве, а основа нашей культуры – это, безусловно, принцип «быть». Но наверх прорвались, в силу специфики естественного отбора, служители Колбасы (не путать с фаллическим культом), то есть особи, исповедующие религию «иметь». Хотя и среди них найдешь певцов богемы, несущих в себе росток маргинализма.

Но диалога у Власти не получится по-любому. Ни с кем. Из чего же все-таки сделаны наши мальчики и

девочки? Колибри с полуострова Юкатан не может вступить в адекватную коммуникацию с лосем из норвежского леса; ну, разве что, нагадив последнему на рога. Слепой филиппинец не договорится с глухим португальцем. Коты с псами не договорятся. Разные материи, апофеоз несовместимости.

И еще о стихах.

«Державу рвет от олигархов и воров
Мы скоро спросим всех и все за все ответят
Я умереть за нашу Родину несчастную готов
Но к сожаленью есть семья и дети».

Это из откровенно популистской песни Юрия Шевчука. Называется «В гостях у генерала ФСБ» и сентенция как бы из уст генеральских. Это я к тому, что Путин – полковник. Понимайте, как знаете. У каждого своя программа, свой софт в отдельно взятом мозгу.

В армию поклонников Цоя рекрутируются новые поколения, а никто из коллег-музыкантов так и не смог отчетливо артикулировать формулу феноменального успеха этой, казалось бы предельно простой музыки.

Так какова она, эта формула? «Жить быстро, умереть молодым»? Возможно, это условие и является необходимым, но уж никак не является при этом достаточным, если пользоваться математической терминологией. Александр Башлачев и Яна Дягилева тоже не перешагнули отметку в 30, но помнят их исключительно в рамках субкультуры, они не стали иконами такого масштаба, как обитатель ленинградской «Камчатки», хотя и покинули худший из миров в том же контексте, в те же сроки, последние годы Советской Империи.

Цой стал легендой при жизни, но тогда (в 1989–1990) попутчики по рок-движению предполагали, что «Кино» – лишь генератор хитов-однодневок, который запомнится одной, двумя песнями; на Западе для этого есть термин – one hit wonder. Однако Виктора помнят. Помнят. И не только из-за его лаконичных гимнов (хотя и актуализируются они по-прежнему на митингах, причем как «красных», так и «белых»), но скорее благодаря целостности образа, абсолютной явственности того, что в медийке традиционно называют хорошим русским словом «месседж».

Очень показательным стал знаменитый концерт в Лужниках, который закрывал Цой со своим «Кино». Интересно было наблюдать стоявших за кулисами: Игоря Талькова с его тяжелым взором и остальных кумиров той эпохи. Они мучительно пытались понять – что это, почему и как? Ревущая толпа фанатов озадачивала не на шутку тогда, но самое интересное, что и сейчас задающиеся этими же вопросами не могут ответить на них внятно и достойно. Занятно, что точку над і поставил не российский культуролог, а французский дипломат, но об этом – в конце настоящих заметок.

У Цоя не было друзей, хотя он ценил и привечал Константина Кинчева и прочих соратников по рок-движению. Помню, как Цой пришел в гости в московскую квартиру лидера «Алисы» и, после того как хозяин обронил модное тогда словечко «телега», стал как бы подтрунивать над Костей, усмешливо педалируя «это моя телега», но было очевидно, что эта абсолютно дружеский троллинг и Виктор симпатизирует товарищу и относится к нему с допустимой в рок-содружестве долей респекта.

Интересно, что самого ВЦ уважали даже те, кто не слушал песни «Кино» и не считал фильм «Игла» Рашида Нугманова культовым. На 30-летнюю годовщину (в 1992) я сделал спецвыпуск газеты «Новый Взгляд», которую в начале 90-х выпускала TV-компания «ВИД» с подачи незабвенных Ивана Демидова и Влада Листьева. И лучший текст – мое мнение – тогда написал Игорь Воеводин, всего лишь раз бравший интервью у Виктора и вовсе не являвшийся поклонником его творчества:

«Рок-н-ролл мертв. Уцелевшие пропойные экс-божества, потряхивая поредевшими гривами, что-то гундосят со сцены, горстка уцелевших поклонников визжит, и кажется божествам, что их по-прежнему любят и знают все. А поезд между тем ушел, и в кармане – пыль и табачные крошки, и душа работает на портвейне, как на самом дешевом, поганом бензине, и стучат клапана, и трубы покрылись странным нездоровым налетом… Цой думал, что он – рок-певец. Они, еще уцелевшие, его постаревшие однополчане знают, что это не так. Не совсем так. Он был просто Поэт, со смятой душой, сторонящийся окружающих, подсознательно ожидающий от них чего-нибудь еще. Он мог бы в жизни не брать в руки гитару – голоса у него просто не было. Все равно строчки истекали из него и оставались жить. Знаете, идет босой человек по дороге, ноги изранены, и кровь сочится в пыль, и скатывается в шарики. И по этим следам человека всегда найдут пущенные вослед собаки».

После гибели Поэта, как это обычно водится, нашлись сотни очевидцев/соратников. О своих встречах с Цоем написали разнокалиберные известные люди, которые просто технически не могли с ним пересечься, – от Отара Кушанашвили до Ренаты Литвиновой.

При этом многие из ближнего круга, включая сына Александра и музыкантов «Кино», как правило, молчали. Все вместе они собрались лишь три года назад, во время съемок документальной ленты «Цой – “Кино”», в которой впервые прозвучала песня «Атаман», считавшаяся утраченной (по мнению Кинчева – лучшая вещь Цоя); через года после премьеры скончался экс-барабанщик Георгий «Густав» Гурьянов, и в этом составе команда уже не соберется. «Команда» – это важный термин; Цоя, помню, невротизировал тот факт, что, будучи ярким фронтменом группы, он – в глазах аудитории – целиком и полностью персонализировал «Кино». А вклад того же Густава в формирование имиджа был неведом широкой публике.

Сашу Цоя я уговорил дать первое в его жизни интервью три года назад: в Сети к тому времени циркулировала масса выдумок про то, что сын рок-кумира, мол, вырос фриком-неадекватом, превратившись в изысканного извращенца и конченого наркомана. Зная, что наследник растет артистичным и весьма одаренным красавцем, сочиняющим музыку, преуспевшим в искусстве дизайна и виртуозно владеющим самой разной техникой, я считал нужным предъявить телезрителям его самого и его тогдашнюю спутницу Лену Осокину. В случае Цоя-младшего слава родителя не является подспорьем в карьеростроении: Александр Викторович не готов ни пиариться на имени отца, ни конвертировать это родство в деньги (в отличие от своего дедушки Роберта Максимовича Цоя, регулярно соглашающегося участвовать в разномастных ТВ-шоу за гонорары). Стоит подчеркнуть, что со своим отцом основатель «Кино» находился в весьма натянутых отношениях почти всю жизнь.

Молчание близких порой трактуется как нежелание признавать факт некоторой заносчивости, возникшей в последний год на фоне всесоюзной известности ВЦ. Нет дыма без огня, само собой. Многие действительно жаловались на снобизм и звездную хворь Последнего Героя. Предположу, что такие «цоюшины» качества, как замкнутость и стеснительность, просто стали по-новому трактоваться в контексте оглушительной славы. Он был самодостаточен как всякий посланец Вечности, хотя, само собой, не лишен земных пороков.

Как бы то ни было, это пульсирующее ЦОЙЖИВ по-прежнему озадачивает и невротизирует музыкантов.

Когда меня интервьюировал автор книги из серии ЖЗЛ относительно моей публикации о группе «Кино» в «МК» (март 1988 года), я в своих «вспоминалках» без всякого злого умысла совместил события осени 1985 года и весны 1988 года. После выхода работы Калгина меня нашли некоторые участники описываемых событий и внесли коррективы. Поэтому здесь постараюсь изложить верно.

Про Цоя я впервые услышал от Кинчева. Он же и познакомил в Ленинграде меня пару лет спустя с

тогдашним директором «Кино» Марианной Ковалевой-Цой. После вечернего концерта «Алисы» в ленинградском рок-клубе мы поехали домой на условное after-party к кому-то из музыкантов «Аквариума», а после, уже под утро, оказались за одним столом с Марьяшей, и Костя прямо при ней поинтересовался, не могу ли внести свою лепту в раскрутку «Кино». Я, полностью доверяя вкусам и пристрастиям Константина, ответил утвердительно. К этому моменту герой уже засветился в эфире мегапопулярного «Взгляда» (в диалоге с Владимиром Мукусевым) и снялся у Соловьева в знаменитой ленте «Асса», тем не менее публикаций, посвященных творчеству культовой команды и личности ее основателя, во «взрослой» прессе не было, только самиздат (между прочим, по качеству значительно превосходивший все то, что делалось на страницах официоза; достаточно вспомнить хотя бы прекрасного Илью Смирнова, чьи работы в подпольных изданиях «Зеркало», «Ухо» и «Урлайт» стали системообразующими, если вести речь о так называемой музыкальной журналистике).

Потом мы несколько раз встречались с Марьяшей, она передала мне три магнитофонные кассеты с демозаписями еще не обнародованного альбома «Группа крови» (только сейчас осознал ценность тех артефактов) и предложила набросать основные тезисы будущего текста, которые были – по ее мнению – ключевыми в оценке коллектива, ею опекаемого (эти листочки передал в прошлом году биографу Цоя для иллюстрации одной из грядущих книг). Я к тому времени уже год как ушел из «Московского комсомольца», где работал над журналистскими расследованиями, однако знаменитой «Звуковой дорожкой» тогда на пару с Димой Шавыриным руководил мой товарищ Женя Федоров (не путать с лидером Tequilajazzz), и я договорился с ним о публикации заметки.

Тогда наше ремесло еще не было в полной мере коррумпировано, никто не платил за позиции в чартах и не предлагал взятки кураторам газетных хит-парадов. С другой стороны, Павел Гусев и прочие главреды без всякого энтузиазма отдавали полосы под публикации о бунтарских рок-командах, традиционно отдавая предпочтения вечно-лояльным леонтьевым да пугачевым. Так или иначе, место на полосе я получил и отправил текст Марьяне (ни электронной почты, ни даже факсов тогда не было, я просто передал машинописную рукопись со знакомой валютной проституткой Анджелой, совершавшей регулярные вояжи в Северную Пальмиру для охоты на пьяных скандинавов).

Процитирую:

«Двадцатишестилетний певец уютной котельной – самый молодой из лидеров нашей молодежной музыки. Восторженная публика носила на руках Андрея Макаревича после концертов до гостиницы, когда Витя ходил во второй класс. Ему исполнилось одиннадцать лет, когда Борис Гребенщиков начал заполнять “очищающей водой” дерзких метафор полифонические рамки созданного им “Аквариума”. Он младше даже вожаков групп, которые набрали силу уже на фоне полулегендарного “Кино”, допустим, Кости Кинчева из “Алисы”.

И эту юношескую жилку нельзя не заметить. Особенно в бесхитростно скроенных, скромно аранжированных альбомах “Ночь” и “Это не любовь”. (Программы были записаны за сезон 1984–1985 гг., но из-за разногласий со звукорежиссером Андреем Тропилло “Ночь” вышла в свет лишь в позапрошлом году.) Экспрессивный и неоромантический настрой этих песен уживается с пугающе искренней агрессивностью, этими точными звуками вырывающейся наружу душевной боли, так же, как в пятнадцатилетнем мальчике сосуществуют нежно-влюбленный девятиклассник и несговорчивый уличный хулиган. Поэтика становящихся на ноги. Потому-то так часто вспоминает Цой “телефоны”, “сигареты”, “ночи”. И в него влюблены школьники, а из армии ему пишут ничуть не меньше, чем дикторшам ТВ или обманчиво-доступным красоткам, глянцево улыбающимся с журнальных обложек.

Простые слова, доходчивые образы, незамысловатые мелодии. “Моя четырехлетняя дочь знает песни Цоя наизусть”, – писал писатель Александр Житинский в журнале “Аврора”. Меня это не удивляет. Но со

следующим утверждением ленинградского писателя – “Цой абсолютно не похож ни на кого из западных исполнителей” – согласиться не могу. Специфика звучания группы “Кино” напоминает мне многих зарубежных подвижников новой волны – и американскую группу “Блонди”, и английскую “Полис”. И вообще, слушая Цоя, я почему-то вспоминаю Аманду Лир. Именно с этой бывшей манекенщицей, певицей, поэтессой и художницей схож ленинградский музыкант. Многим. Прохладностью загадочно-кошачьей пластики, чарующей отстраненностью мимики, подчеркнуто-бесстрастным вокалом. В прижатости которого угадывается такое буйство крови, такая мучительная неудовлетворенность, такое бессонное желание выплеснуть себя, что не поверить этому странному голосу можно, только внушив себе – это категоричное, отмеренное ритмичным ходом гитары предложение неминуемого выбора “с нами или против нас” всего лишь померещилось в металлических и мягких, словно фольга, гармониях.

Весьма характерно заряд на бескомпромиссность проявился в работе “Группа крови” (1988 год). Альбом на порядок выше четырех предыдущих. Виктор явно вырос как поэт (хотя решением жюри IV фестиваля ЛРК он был признан лучшим текстовиком уже в 1986 году). Положа руку на сердце не могу умолчать о некоторых, тем не менее, шероховатостях его текстов. Например: “И внезапно в вечность вдруг превратился миг”. Хотя даже столь признанный авторитет, как Андрей Макаревич, грешит подобными ляпами: в одной из своих последних песен он – несмотря на свой семнадцатилетний сочинительный стаж – допустил аналогичный дубляж: “Зря ты напрасно терял в ожидании столько лет”.

Главное достоинство новых песен “Кино” – сдвиг авторской позиции с непререкаемого “я” на нервное “мы”:

Мы хотели пить, не было воды,
Мы хотели света, не было звезды,
Мы выходили под дождь и пили воду из луж,
Мы хотели песен, не было слов,
Мы хотели спать, не было снов,
Мы носили траур, оркестр играл туш.

Но, с другой стороны, остротой и социальной направленностью текстов Цою и К° явно не сравниться с другими фаворитами ЛРК, особенно с Михаилом Борзыкиным, Константином Кинчевым и Михаилом Науменко. Хотя я и не решился бы отказать песням “Кино” в честности, как это делают некоторые клубные радикалы, зачислившие квартет в разряд мажорских групп (на ленинградском сленге это означает сытую, склонную к коммерческой музыке, уходящую от больных вопросов, от выраженного социального протеста группу). Цой работает с “открытым забралом”, просто стоит, развернувшись чуть в сторону.

Зато он наиболее адекватно отражает интересы и чаяния совсем юных меломанов. Потому что естественен, ему нет нужды подстраиваться под них, как это делают “Алиса” и “Объект насмешек”, или сознательно игнорировать их вкусы, подобно “Аквариуму” и “Зоопарку”, представляющим тридцатилетних.

Тогда в чем же дело? Отчего не часто балует группу пресса своим вниманием? Из-за чего игнорирует ТВ и радио? (Кроме восьмимартовского “Взгляда”, не припомню что-то “Кино” на экранах ЦТ.)

Тому я вижу две причины. Во-первых, повторю, творчество Цоя органично по самой своей природе, сориентировано на подростков, а в худсоветах они, ясное дело, не представлены, и даже очень молодые, прогрессивно настроенные критики некоторые вещи “Кино” просто-напросто не понимают. А во-вторых, и это основное, Цой не очень-то контактен. В среде журналистов, пишущих о музыкантах, это называется “не умеет работать с прессой” (ох, многим это умение проложило дорожку на обложки журналов и газетные полосы). Он не особенно любезен с представителями солидных организаций, а от встречи с незнакомым журналистом вовсе может отказаться.

Это не значит, что Цой не честолюбив. У молодых музыкантов за те годы, пока их музыка находилась на полулегальном положении, выработалось стойкое недоверие к любопытствующим. Они часто отказываются от интервью. И даже от съемок в фильмах. (В “Роке”, например, не захотел сниматься Костя Кинчев, после того как его “подставили” во “Взломщике”, который он, кстати, не пожелал озвучивать…)

Впрочем, Цой снялся у Сергея Соловьева в “Ассе” и у Алексея Учителя в “Роке” и закончил работу над главной ролью в ленте под условным названием “Игла” (“Казахфильм”).

По-моему, Цой все-таки из тех музыкантов, которым всерьез угрожает перспектива “звездной болезни”. <…> Он может, пусть даже завоевав большую аудиторию, потерять себя. Ведь плохие мальчики с классных “камчаток” никогда не получают – вдруг! – почетные грамоты от учителей. Отгородившись на этой своей территории, они независимо хозяйничают на “камчатках”. И придуманную для них резервацию на задних партах некоторые умеют превращать в обетованную землю».

Конец цитаты.

Продюсер «Кино» отзвонила на следующий день (мобильных, напомню, тоже не было, Марьяна застала меня дома или в редакции) и попросила упомянуть между делом «Объект насмешек» (она некоторым образом продюсировала и группу Александра «Рикошета» Аксенова, с которым, собственно, и жила после разрыва с Виктором). Купюр же никаких не было. «Насчет “корейского диско” не перебор?» – прямолинейно поинтересовалась Марианна. Ну что же… Слово «политкорректность» в журналистский лексикон еще не было внедрено, и то, что в Корее есть какая-либо музыка, кроме фольклорной, было неведомо, так что словосочетания звучало дерзко и необычно. Я сказал, что не хочу, чтобы текст выглядел как нечто восторженно-фанатское, и готов объекту публикации, при необходимости все детализировать.

Вот так и появился «Начальник Камчатки» в «МК». Поклонники «Кино» были раздражены, но полтора миллиона подписчиков самой популярной газеты конца 80-х прочитали о феноменальной команде. И поэтому продюсер Юрий Айзеншпис, сменивший в этой «должности» экс-супругу лидера группы, уговорил меня вести презентацию посмертного «Черного альбома» в январе 1991 года.

В свое время мне пришлось купировать уже сданную в издательство рукопись книги «Битлы перестройки»: я убрал оттуда описание сцены: после той презентации лидер ДДТ нападает на лидера «Любэ» во время закулисной вечеринки.

Вот сейчас могу рассказать, в чем была суть конфликта «Шевчук Vs Расторгуев». После того как я закрыл пресс-конференцию, посвященную релизу, весь рок-бомонд перекочевал вниз, в банкетный зал. И там, само собой, выпивали. Когда Расторгуев поднял тост в честь Цоя, рассвирепевший Шевчук накинулся на Николая с отповедью «жалким фонограмщикам»: мол, скорбеть тут имеют право лишь истинные питерские рокеры, а «попса» обязана знать свое место.

Их не без труда разняли, и Александр Ф. Скляр, дабы разрядить обстановку, затянул «Из-за острова на стрежень на простор речной волны выплывают расписные Стеньки Разина челны». Я на той гулянке был с известным французским репортером Франсуа Моро; мы вместе работали над рукописью книги Les Coulisses du Kremlin. Так вот Франсуашечка, ни слова не понимавший по-русски, встревоженно поинтересовался у меня, что, дескать, грядет. Я решил по привычке потроллить коллегу и лениво так молвил:

«Не бойся, друг мой, это всего лишь наш старинный обычай… Будет драка-поножовщина, однако при этом без особого кровопролития. Так что, Франсуа, не ссы: никаких убийств».

С этими словами я поднял со стола прибор и дал его французу, с покровительственной интонацией добавив:

«Возьми этот нож и просто прикрывай мне спину, мы влегкую подурачимся, а если даже и заденешь кого-то, то милицию никто не вызовет – ты же иностранец».

Ужас в глазах журналиста был неописуем, но, увы, я не выдержал и прыснул, хотя приобнявший нас в этом момент Скляр своим басом мог навести изжогу и не на столь впечатлительного гостя, как Франсуа.

После этого я рассказал в деталях французскому гостю, что именно случилось. И добавил, что покойный Цой не очень-то привечал Шевчука. Как и многие, к слову.

Как Шевчук и Цой в Париже отличились

Собственно, мое недоверие Шевчуку корни давние имеет. На той пресс-конференции справа от меня восседала Натали Минтц. И она рассказывала про первый визит Юрия и его команды в Париж. Из-за того что начало визита выпало на выходные, там случилась какая-то накладка с валютой (в советские времена перед поездкой меняли скромное количество франков, за хранение коих в «мирное время» полагался приговор и срок, между прочим).

Короче, оказались музыканты без средств во Франции. То есть совсем. Французы, щедростью и гостеприимством никогда не отличавшиеся, подкармливали рокеров мороженым и леденцами. Те лизали

и сосали. Натали Минтц, рулившая гастролями, предложила Шевчуку пообщаться на эту тему с местными СМИ. По ее словам, тот пришел просто в ужас: умолял не допустить утечки, говорил, что «за границу больше не выпустят никогда». В общем, не самым героическим образом выступил.

Приятель Натали, Жоэль Бастенер любит приводить этот пример при «сравнительном анализе» ДДТ и «Кино». Потому что Цой с товарищами приехал в Париж спустя некоторое время с подачи тех же устроителей.

Самая известная песня Цоя «Хочу перемен!» в оригинале зовется… Changement! поскольку альбом Le Dernier Des Héros издан был во Франции на лейбле Off The Track Records за четыре года до российского релиза.

Но не в этом суть. Группу прямо из аэропорта повезли то ли на репетицию, то ли на прессуху. Сперва в гостиницу, жестко поставил условие Виктор. Натали, уже зная, что советские рокеры панически боятся скандалов, таковым и пригрозила несговорчивым визитерам. На что Цой совершенно хладнокровно заявил: «Разворачиваемся, возвращаемся в аэропорт». Словом, ультиматум «Кино» был организаторами выполнен. И французы были впечатлены принципиальностью лидера группы. Респект и все дела.

Трудно вычислить, кем Цой стал бы, не случись той августовской автокатастрофы четверть века назад. Впрочем, иные вычисляют: кто-то видит его на тусовке с Дмитрием Медведевым в компании БГ, кто-то – в ближнем круге Суркова или оппозиционеров, а кто и в полном забвении.

Зримое пространство вокруг умершего кумира со временем заполняется досужими интерпретациями его значимости и контента, поэтому так важно давать слово тем, кто способен к грамотной аналитике, на основании коей стоит реконструировать несостоявшееся будущее.

Французский дипломат Жоэль Бастенер, бывший свидетелем визитов Шевчука и Цоя во Францию в советский период дружил в 90-е с многими фигурантами андерграунда. В 2011 году он по просьбе моей супруги написал мини-мемуары, которые я считаю нужным здесь процитировать в ее переводе:

«Шли годы, и то, что связало на короткий миг столь непохожих друг на друга людей, то неуловимое нечто, что тлело во мне потом еще лет пять, казалось, окончательно забыто. Совсем недавно я и представить себе не мог, что спустя 20 с лишним лет воспоминания о том времени окажутся такими живыми. Ведь мироощущение, объединившее в далеком 1986 году нескольких пламенных бунтовщиков российского культурного подполья и трех-четырех молодых беспечных французов, вовсе не осознавалось нами знамением новой эпохи. Подобно детям, мы жонглировали подлинными смыслами, не понимая до конца их сути.

И на поверхностный взгляд, та история была лишь локальной версией темы вечного возвращения юношеского протеста. Как поначалу ее и восприняли журналисты крупных европейских и американских изданий. Но после того как в США, Германии, а затем и Франции вышли пластинки (что стало возможным благодаря совокупным усилиям очень разных параллельно работающих людей), удалось наконец поднять в прессе волну, придавшую впоследствии русскому року некое подобие признания за рубежом. Публикации звукозаписей по крайней мере доказали миру факт наличия в СССР дифференцированной контркультуры и социальной среды, заточенной под ее восприятие. А в 1988 году, когда первые послы музыкального подполья получили, наконец, возможность выехать из страны, западные продюсеры, не скрывая любопытства, отправились смотреть их концерты.

У европейской и американской публики зрелище вызвало смешанное чувство – выступавшие на сцене мальчики по большей части ничем не отличались от выходцев из местных спальных районов, к тому же молодые русские очевидным образом не представляли себе реалий “цивилизованного” мира и в то же время ничего нового о мире “отсталом” тоже поведать не могли.

Некоторые исполнители трогали именно своей глубокой старомодностью. Их невероятная несовременность проистекала из самоуверенности, искренности и избыточного пафоса, свойственного, впрочем, всем без исключения артистам. Но в данном случае переизбыток патетики усугублялся российской чрезмерностью, за счет которой гонцы советской рок-культуры выглядели еще более тревожными и подавленными, чем их англосаксонские собратья. К тому же в Европе 80-х возврат к высокой революционности на фоне экономического роста смотрелся высокопарно и фальшиво, ибо отдавал дешевой сентиментальностью, словно прикупленной по случаю на барахолке чувств.

Именно на “торговле слезами” сошлись тогда самые ядовитые американские и французские критики, без труда смешавшие русских музыкантов с пищей воробьев. Должен отметить, что с той поры “отсталость” прорвалась и на нашу сцену, а случилось это, когда лучшие представители западной молодежи подняли на щит наивность 60-х и “незрелость” тех самых русских.

И тем не менее уже тогда волна презрения разбилась о некое подсознательное ощущение чего-то важного, невербализуемого, такого, что входило в явное противоречие с поверхностностью словесных оценок. Разговоры о природе советского режима и месте рок-н-ролла в новой реальности действительно не произвели на западную аудиторию никакого впечатления, равно как и сама музыка, но вот глаза, лица и облик некоторых музыкантов отпечатались в сознании.

Относится это к двум артистам, которые, по иронии судьбы, оба снялись в фильме Рашида Нугманова “Игла”. Я употребил слово “судьба” не случайно, потому что случайностей не бывает, и открытие, сделанное Рашидом, неизбежно было бы сделано кем-нибудь другим. Когда серьезные профессионалы заговорили о Викторе Цое как об актере с огромным потенциалом, никто еще не видел “Иглы”, а те, что авансом отдавали должное Мамонову, понятия не имели о начале съемок фильма “Такси-блюз”.

Особая способность группы “Кино” зачаровывать, уже в полной мере проявившаяся к 1987 году в

виде стремительно растущего числа поклонников, неожиданно заработала и на чужой почве. И этот эффект никак нельзя объяснить тем, что на русской сцене того времени не было мальчиков красивее. Столь мощное воздействие на аудиторию не оправдать одной лишь бесспорной привлекательностью Каспаряна или Гурьянова, оно скорее проистекает из магии пластики Цоя. И таится в его грациозности хищной кошки, нереальной легкости движений, исключительной живости и гибкости организма, ауры невинного котенка, играющего с веревочкой. Чтобы удостовериться в этом, достаточно пересмотреть идиллическую сцену из “Иглы”, где Цой, обогнав Смирнову, бредущую вдоль песчаной колеи, затерянной в Аральском море, поднимается по якорной цепи на корабль, а затем стремительно взбирается на мачту. Пластический образ схвачен и отображен всего в нескольких кадрах!

Тело Цоя – не организм страдальца, демонстрируемый невротиками протестного рока, но и не возбуждающий торс поп-звезды. В отличие от секс-символов, Виктор более человечен, хоть и наделен телом истинно мужским, хоть и лишенным брутальности. При этом в его жестах проскальзывает детская угловатость, призванная уравновесить твердость взгляда и облегчить значительность произносимых слов. Подобный коктейль знатоки, конечно же, не могли не заметить, поэтому настоящие профессионалы от кино моментально оценили его потенциал.

Помню свой короткий разговор со знаменитым продюсером, очень влиятельной пожилой дамой, ушедшей с той поры из жизни, которая работала с выдающимися актерами французского кино – Нуаре, Аджани, Тринтиньяном, всех здесь просто не перечесть. Так вот эта глубоко безразличная к рок-музыке и очень опытная женщина, всего раз видевшая Виктора, с порога углядела в нем звезду интернационального масштаба и сразу поняла, что этого мальчика ждет большое будущее. Весной 1990 года она провела переговоры, без особой, впрочем, надежды на успех, о возможности его участия в картине “Любовник” по роману Маргариты Дюра, а затем предложила его, уже настойчиво и убежденно, на главную роль в дорогом костюмном фильме о жизни Чингисхана.

И действительно, Виктор едва ли отыграл бы глянцеватого немногословного героя-любовника, беспрестанно удовлетворяющего юную Маргариту, зато никто лучше Цоя не смог бы воплотить на экране великого завоевателя, и я не сомневаюсь ни минуты, что на эту роль он точно был бы утвержден, если бы не ушел от нас за два месяца до начала кастинга. Как песчаные пустыни Казахстана, так и высокие равнины Монголии пришлись бы ему впору, ибо любые бескрайние просторы соразмерны его персональному масштабу и исключительным личным качествам, которые, собственно, и обеспечили ему его посмертную славу. Должен смиренно признать, что сам я не верил в эту живучесть и был удивлен, когда понял, что образ Цоя с годами не меркнет. Задним числом я попытался понять, за счет чего отзывается он и поныне в сердцах людей эхом древнейших архетипов.

Сопоставив несколько старых текстов, переведенных с древнегреческого, и содержание мистических книг XIX века, рассказывающих о древних религиях, перечитав “Рождение трагедии” и первые издания философа-иезуита Бальтасара Грасиан-и-Моралеса, я увидел, что все сходится! Черты, присущие образу Виктора, присутствуют в описаниях всех без исключения героев, обреченных на вечную славу бессмертных, которые с самой зари человечества составляют основу мифов наших обществ.

Вот четыре качества, необходимые для реализации высокого предназначения:

Скрытность.

Великая воля.

Возвышенный вкус.

Господство над своими страстями.

Разве нельзя, совместив в уме эти характеристики, увидеть мысленным взором Цоя во плоти? Но и

это еще не все: те немногие, что находились близко, знали, что он, как и подобает истинным героям, обладал еще одним важным и редким даром – быть мыслью со “штучными”, а в речах с большинством».

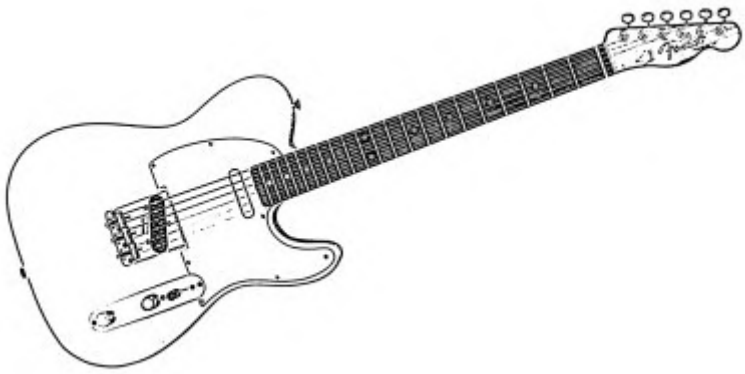
«Смешно, не правда ли смешно» (© Владимир Высоцкий), что наиболее грамотно феномен «Кино» отвивисекторствовал не отечественный музыковед, а западный дипломат, сумевший увидеть в советском музыканте нечто космическое… И поставить уверенную точку над пронзительным і.

Полемизируя с манифестом «Хочу перемен!», прародитель нашей рок-музыки сочинил: «Да, мы не ждали перемен, И вам их тоже не дождаться, Но надо, братцы, удержаться От пустословия арен И просто самовыражаться, Не ожидая перемен» (© Александр Градский).

«Нет пророка, нет его в родных пенатах. И музыка эта будет вечной, лишь если заменить батарейки» (© Вячеслав Бутусов).

Однако отчего-то кажется, что впечатляющий образ Виктора Цоя, при очевидном размахе почитания, по-прежнему не оценен современниками в полный рост. Потому что дело здесь не в сочетании звуков и глаголов, а в том самом Послании, которое не представляется возможным разложить по аккуратным полочкам псевдомузыкальной аналитики и которое можно снимать лишь рецептором чувства сопричастности Вечному, подобно тому как игла снимает мелодию с черного диска. И да, конечно же, ЦОЙ ЖИВ.

Как Шевчук и Кельми в Нью-Йорке водку пили



По несложной ассоциации вспомнил еще одну историю из серии «Шевчукзакордоном». Крис Кельми рассказал. Воспроизведу его прямую речь:

«Когда я встретил Шевчука на 41-й Авеню, он так посмотрел на меня строго: “А ты был на могиле Джона Леннона?”

Я говорю: “Конечно, был”.

А он: “Слушай, пойдем, водки выпьем”.

Мы приехали в какой-то небоскреб с замечательным видом, где уже не было мебели. Выяснилось следующее: американский продюсер вложил деньги в выступление “ДДТ”. Он увидел, что залы в России битком забиты, и подумал, что в Америке тоже народ пойдет, а народ просто не пошел. Гастроли провалились, продюсер попал, по-моему, на свою квартиру в небоскребе, на мебель и еще на деньги.

И Юра, злобный после первой выпитой бутылки, стал бить по столу:

“У вас не было рок-н-ролла в 70-е. Вот у нас рок-н-ролл”.

Я говорю: “Юра, я с тобой согласен. Ты только успокойся”.

Потому что он сразу приступил ко второй бутылке, и я понял, что, если не соглашусь, будет беда».

Как Вадик Степанцов Верочку Полозкову уязвил

Точно не скажу, при записи какой передачи пробежала кошка между этими двумя поэтами, но воспроизведу здесь фрагмент своей ТВ-беседы – в рамках проекта «Правда 24» – с Вадиком Степанцовым. Досталось заодно и Диме Быкову.

– Я как-то беседовал с Верой Полозковой. И она рассказывала, что в какой-то телепередаче вас пытались стравливать.

– И стравили.

– Упоминание о тебе точно испортило ей настроение. Вот как только всплыло имя Степанцова, госпожа Полозкова очень обломалась. Это какая-то дедовщина у вас в поэтическом мирке? Вы травите молодые таланты? То есть старые толстые ветераны не дают юному созданию раскрыться?

– Да нет. Нет, я думаю, скорее, такая рознь эстетическая и идеологическая. Я очень люблю, когда дело касается пиитов современных, в частности, вспоминать фразу Антона Дельвига. Очень удачно говорил про современных, в частности, поэтов: «Многие нынешние поэты путают две вещи: выражать нечто неясное и неясно выражаться». А 50 лет спустя в Германии Ницше сказал более лаконично: «Поэты, чтобы казаться глубже, специально мутят воду». Вот Верочка, она к таким поэтам, к моему большому сожалению, относится. Вот у нее все мутно, невнятно, невразумительно, в то же время агрессивно. Но, человек она, безусловно, одаренный. Просто перекормленный ранней славой. Дай Бог, чтобы ее эта слава не сломала.

– Ой, не зависть ли это сейчас прорезалась?

– Нет, нет, нет! Я же уже поживший. Я испытывал разные, так сказать, фазы: и славы, и забвения. И я уже все это прошел. В общем, по-хорошему, мне пора уже покоиться в сырой земле, как русскому поэту.

– Типун тебе на язык. Ну, что ты такое говоришь?

– Но я, как Александр Александрович Блок: «как скучно мертвецу уже среди людей живым и теплым притворяться». Вот притворяюсь, хожу на какие-то ток-шоу вот к достойным людям, тоже попадаю на эфир. Так что я уже как бы оттуда смотрю на это все. И нисколько не завидую ни Вере Полозковой, ни Дмитрию Львовичу Быкову, своему выкормышу, с позволения сказать.

– Он в известной степени твой воспитанник, да.

– Ну, в какой-то. Нет, на самом деле, он сам по себе. Помнишь, был такой фантастический роман древнего советского фантаста Беляева «Вечный хлеб». Вот Дима, он – вечный хлеб. Вот стоит только его зловредной споре куда-нибудь попасть на влажное место, он тут же разрастается и заполняет собой все.

– Вот, кстати, о Диме Быкове. Помню твое интервью «На критике в адрес власти можно хорошо нажиться» в «Известиях». Там конкретный наезд на проект «Гражданин поэт». И на Диму Быкова.

– Нет, скорее, на ту его ипостась, которая воплощается в «Гражданине поэте». Потому что Диму Быкова я много и с удовольствием читаю. И в лучших его романах, в его трилогии, которой он гордится, он отнюдь не революционер. И видно, что человек против, так сказать, вот этих перемен. Он не «за», то есть. Я не помню дословно его фразу, что после переворота остается все по-прежнему, только хуже. Ну, я не так изящно выразился, извините.

– А это правда, кстати.

– Ну, вот так. Это его убеждение. Потому что в прозе он более Быков, чем вот в этих печках-лавочках под названием «Гражданин поэт». Но человек он семейный, три семьи, кормить надо. Там платят бабло нехилое.

– То есть ты считаешь, что это конъюнктура, что все поэты и медийщики, которые завязаны в протестном движении, это дети колбасы?

– Я не скажу за всю Одессу, но Быкова, я повторюсь, я читаю давно, внимательно и много. Я понимаю, что нам хочется прожить много жизней, сейчас и сразу, хочется побыть пиратом, олигархом, кокоткой,

владычицей морской. Хочется быть всем, так сказать. Но истинный Быков, по-моему, в романах, а не вот в этой проплаченной врагами фигне.

Как Макаревич избавился от удава Брунгильды

Родители Андрея Макаревича, профессор Московского архитектурного института Вадим Григорьевич и фтизиатр Нинель Мордуховна, жили в том же доме на Комсомольском, что и их дочь Наташа, но несколькими этажами выше, с видом на МДМ, что расположен на другой стороне проспекта. Когда родителей не стало, «маленькие макаревичи» (так в нашей тусовке звали пару Валера – Наташа) перебрались наверх, а однушку на первом этаже отдали Андрею Макаревичу. Точнее, Андрею Воронину, их сыну, названному в честь знаменитого дяди. Я его-то видел младенцем, а вот потом увидел спустя четверть века: гостил у Валеры – Наташи (приехал к ним с Ольгой Ворониной слушать винил Led Zeppellin), и наследник поднялся наверх стрельнуть у матери дозу никотина.

Однако возвращаясь, в 80-е. Соседство с родительской двухкомнатной квартирой было бесспорным преимуществом тусовочной точки «маленькой Макаревич», потому что Наташу легко было уговорить принести дары из родительского холодильника. Хотя икру, например, традиционно оставляли для старшего брата.

Впрочем, сам «Макар» отличался гостеприимством безупречным. До того как музыкант в глазах ТВ-зрителей превратился в звездного повара, Андрей охотно готовил для коллег, а также просто знакомых. У него была (да и есть, видимо) линейка коронных блюд. Андрей в этом смысле схож со своим сотрапезником Градским: тот тоже на стол мечет котлеты и напитки, когда навещаешь его, пусть в неурочное время.

Он мне говорил: «Вот не надо меня демонизировать как повара. Я в этом смысле от тебя ничем не отличаюсь… Просто еще родина тебе не приказывала ни разу это сделать. Может быть, я об этом просто умею рассказывать хорошо. А руки, это у любого нормального мужика».

Кухня Макара вызывала интерес не только в кулинарном контексте, но и во многих других… Помню, заехав как-то к Андрею, узрел там пингвиниху, которую рокеру подарили дальневосточные моряки во время его гастролей во Владивостоке (куда он, кстати, отправился весь в зеленке прямо из больницы, где его приводили в форму после упомянутого выше ДТП, всего-то через неделю).

Несмотря на наличие объемной посудины, куда несчастной птице подкладывали морепродукты, она, очевидно, была в депрессии.

И Андрей, и его тогдашняя гражданская как бы жена Наташа, танцовщица из ансамбля Александра Жеромского, много гастролировали. Поэтому паре приходилось выстраивать графики поездок так, чтобы хоть кто-то оставался дома присмотреть за пингвинихой. В конце концов птица просто облысела. Андрей пытался пристроить несчастное существо хоть кому-нибудь, но желающих не находилось. Вскоре она зачахла вовсе, не стало ее. Но рыбаки по инерции продолжали присылать из Владивостока пахнущие водорослями гостинцы для своего живого подарка.

То есть он не избавился от нее вовремя, как от козы. Это – в отличие от пингвиньих приключений – известная история, описанная самим Макаревичем. Когда музыкант обитал в Валентиновке, его сосед подарил ему козу, которой он намерен был дать имя Ребекка. Животное стремительно сожрало у «Макара» всю смородину, попыталась забодать хозяйского пса и вопила как на рок-концерте. И Андрей решил передарить зверя гостившему у него тезке – питерскому художнику Белле (которого в тусовке знали как «Белека»). Они раздобыли в больнице Калининграда пару ампул какого-то козьего снотворного, усыпили животное, и, завернув спящую красавицу в мешок из рогожи, «Белек» взял с собой этот экзотический багаж. Закончилось ее путешествие через полгода – на новогоднем столе живописца.

Ну и чтобы закрыть тему животных (Макаревич, между прочим, не помнит эпизода с пингвинихой), приведу наш с ним диалог про домашнюю живность.

* * *

– Значит, мы собачники. А какие у нас собаки? В давние времена, помню, был кавказец Батя и овчарка Линда.

– Сегодня две «немки». Одна Джулия. Одна Ева. Джулия Робертс и Ева Браун.

– Джулия Робертс и Ева Браун, это откуда вообще?!

– Нет, ну, они без фамилии. Это я шучу.

– И еще ведь удав. Вот у тебя жил удав. Откуда он взялся?

– Удав у меня прожил полтора года. Ну, начать с того, что я в детстве мечтал быть герпетологом. Если знаешь, это человек, который ловит змей.

– Так я догадался.

– Да. И я даже ездил в юности в экспедиции. И у меня жили всегда змеи, жили ужи, жили гадюки. Ну, все, что было доступно тогда.

– А где они обитали, какой-то аквариум был, да?

– В террариумах маленьких, да. Потом гадюка убежала. Неделю родители ходили…

– Гадюка, которая могла реально укусить?

– Могла, да. И родители меня вежливо попросили ядовитых змей больше не заводить. И тут я недавно своему товарищу Юре Дурову пожаловался, что очень по змеям скучаю. Он мне подарил удава, тигрового питона… Был детеныш. Я знал, что вырастет. Но я не предполагал, что будет расти с такой скоростью. Дело в том, что самцы растут не сильно, а самки вырастают до чудовищных размеров.

– А, так это была девочка?

– Она оказалась девочкой. Брунгильда. И когда она стала весить килограммов 70, вот такой толщины, я понял, что уже просто не поднимаю ее, а в большом террариуме ей тесно, пришлось отвести ей отдельную комнату в Павлово. Я ее подарил, теперь она в городе Воронеже, где один замечательный парень в подарок городу рядом с концертным залом построил (на свои деньги) огромный океанариум плюс террариум. И мы там выступали. Я увидел, что пустует здоровенная комната для змеи. Я ему позвонил. Они тут же приехали. Забрали. Сейчас, говорят, она пишет мне письма. Прекрасно себя чувствует. Продолжает расти.

– Удав от Макаревича такой. А сколько они живут, кстати, удавы?

– Лет 25.

– Откуда была такая тяга в детстве к рептилиям? С чем было связано? Какая-то книжка была прочитана?

– По-моему, она называлась «За ядовитыми змеями», записки как раз вот такого охотника за змеями.

– Но это не из прошлых жизней?

– Не думаю.

– А ты веришь вообще в реинкарнацию?

– Я верю в то, что в наших генах закодировано гораздо больше, чем мы предполагаем.

– Но это не имеет отношения к чему-то божественному, то есть просто вот так, шифр?

– Знаешь, в какой-то степени все, что нами не познано, так или иначе пока имеет отношение к божественному.

– Хорошо. А талант – это божественное?

– Безусловно. Потому что он иррационален и необъясним.

– Твои таланты тебе даны в генах или ты их развивал? Талант художника, талант музыканта, талант поэта? Талант, там, не знаю, повара.

– Если его не эксплуатировать, он зачахнет. Мне страшно повезло, в первую очередь – с родителями. В генном смысле. И в том, что с детских лет мама настаивала на том, чтобы я учился музыке, хотя у меня это не вызывало энтузиазма.

– Странно, будучи медиком, она, значит, не видела сына в белом халате.

– Еврейский мальчик должен обязательно играть на скрипочке. Ну а отец просто рисовал. Он работал дома.

– Да, но ты же изначально пошел по папиным стопам, в архитекторы?

– Знаешь, в 70-м году предположить, что когда-нибудь музыка, которой я хотел заниматься, станет в нашей стране профессиональной, было по меньшей мере смешно. Поэтому я пошел туда, где мне было ближе, из дозволенного тогда.

– Ага. А вот эта музыка, которой не дозволено было в советское время заниматься, рок-музыка?

– Ну, до этого джаз даже.

– Да. Вот, что в ней главное? В этой музыке? Я объясню, откуда, собственно, этот вопрос. У меня была полемика с твоим товарищем, Александром Борисовичем Градским. И такая, достаточно жесткая. В этой самой студии. Что главное в музыке? То, что называется посланием, ну, месседжем? Или профессионализм, мелодия, тексты?

– Ты понимаешь, месседж может быть выше крыши. Но, если ты при этом не умеешь ни играть, ни петь, месседж твой не долетит.

– Ты тоже так считаешь?

– Конечно. Он затеряется в эфире. Другое дело, что, когда эта музыка начиналась, было иначе; нам страшно повезло, потому что мы почти застали эту эпоху, да, все-таки, конец 60-х. Самый расцвет. Она стала такой всенародной любимой в мире именно потому, что она была дилетантской. Она была народной. Массы людей начинали с нуля, как, там, The Rolling Stones, как The Beatles. В общем, не умея

особенно ничего делать. Просто от бешеной любви к этому жанру. И у миллионов людей возникало ощущение, что они так тоже могут. Потому что это же не консерватория. От этого эту музыку полюбило человечество. Сейчас все очень изменилось. Сейчас все очень профессионально. И не мне тебе об этом рассказывать. И на студиях, и на концертах… Ну, это судьба любого жанра.

Как БГ отрекся от соврока

Про пресловутый «месседж» беседовал я с БГ.

Волею судеб мне довелось в 80-х опубликовать один из первых очерков о группе «Аквариум» в официальном СМИ. Культовая группа была под фактическим запретом в «медийке», хотя все самиздатовские околомузыкальные издания уделяли БГ и его команде достойное место. Я тогда перешел из «МК», где порой кое-как следил на «Звуковой дорожке» в журнал ЦК ВЛКСМ «Смена» и сумел уболтать главреда Михаила Кизилова: публикация разворота со скромным выносом на облогу прибавит вистов изданию, которое позиционировалось как молодежное.

«Я никогда не умел быть первым», – поет Борис Гребенщиков. Как и все его творчество, строка эта столь же личностно-конкретна, сколь и философски многозначна в смысле своего назначения. Поэт, композитор и вокалист «Аквариума» в ансамбле не просто первый (хронологически – в качестве его основателя), но бывал зачастую и единственным музыкантом этого не совсем обычного коллектива; Гребенщиков выступал соло или в паре с виолончелистом Всеволодом Гаккелем на концертах, которые – «из города в город по квартирам чужих друзей». Гастроли проходили в камерной обстановке вовсе не оттого, что песни «Аквариума» интимно-звучны (хотя этого у них не отнять), или оттого, что для их оптимального восприятия требуется «аквариумная» аура; просто до недавнего времени ансамблю нечасто предоставляли широкую сцену. То ли кого-то смущал раскованный внешний вид, то ли не давал покоя хулиганский ярлык, доставшийся раннему «Аквариуму» за эксцентрические проделки («зачем же на гитаре зубами солировать?», «что-то он хотел сказать этими черными очками и галифе… ну, где это видано – мужик в юбке!»). А быть может, мерещилось нечто крамольное за изящными метафорами…

Сам Гребенщиков совершенно однозначно расшифровывает свое кредо: он не мыслит себя вне того, что окружало его с детских лет. С легкой ироничной улыбкой (скрадывающей понимание, что от него не совсем этого ждут) говорит об этом руководитель «спорного ансамбля» французским журналистам, снимавшим фильм о советской рок-музыке. В этой ленте «Аквариуму» отведена почетная роль «красной нити». Рефрен его программной песни «Рок-н-ролл мертв, а мы еще нет» слышен не только в начале и в конце (под титры); так или иначе звучат весомые, сильные аккорды и в лукавой усмешке Аллы Пугачевой («Как у нас “звезды” живут? Так же, как у вас. Только денег меньше»), и в подчеркнуто-взвешенных, спокойных монологах Стаса Намина, в битловских манерах «Секрета» и в замысловатой технике одного из лучших джазовых пианистов мира Сергея Курехина. Последний, кстати, часто помогал «Аквариуму» при записи его программ, и виртуозная игра Курехина слышна на первой долгоиграющей пластинке ансамбля. Лед тронулся?

Это обывательская неправда, что талант, дескать, сам пробьет себе дорогу. Потому что количество препон на этой дороге механически нивелирует качество дарования. Силы, потраченные на пробивание своих вещей, никогда не вернутся новыми строчками и мотивами. К чести музыкантов, «Аквариум» остался

самим собой, хотя музыка его и претерпевала куда более радикальные изменения, нежели сценический имидж. Что не особенно-то характерно для рок-кумиров. Но «Аквариум» во всем нетипичен. Им порой даже отказывали в принадлежности к шумному рок-племени.

Помню, года три назад (это очерк 1987 года. – *Е.Д.*), после сдачи очередной программы тяжеловесного «Круиза», я поспорил с одним заметным деятелем музыкального искусства на тему: есть ли право у исполнителей менять свое творческое лицо в угоду конъюнктуре Госконцерта, то есть, иначе говоря, ради куска хлеба; «у нас рокеры вынуждены прогибаться», – доказывал мой оппонент, а когда я привел пример «несгибаемого» «Аквариума», возразил: «Ну-у, это – не рок».

Вот так-то. Для многих замысловатость эпитетов, прозрачная лиричность текстов и набор нетрадиционных для «забойных песенок» инструментов (акустическая гитара, флейта, виолончель, скрипка… расческа) тождественны отторжению «Аквариума» от динамичной и бескомпромиссно звучащей рок-музыки.

Однако в разряд так называемых авторских, «каэспэшных» я не решился бы отнести ни одну из профессионально сработанных вещей Гребенщикова. Авторская песня и бард-рок суть разные вещи и содержанием, и адресом, просто для непохожего всегда ищут сравнения с чем-то максимально упрощенным.

И все-таки мне непонятно: каким образом Гребенщикову удается сохранять своеобразие и узнаваемость при его манере не всегда критически следовать разным направлениям. Стили меняются как перчатки. «Аквариум» был первым отечественным ансамблем, играющим рафинированный панк-рок. Они же стали и пионерами неоромантики. В некоторых программах классический блюз соседствовал с акустическими изысками «а-ля Pink Floyd», исповедальными балладами, подплясывающим рэг-таймом, фольклорным боевиком, старым рок-н-роллом и плюс все это умело сдобрено элементами нетрадиционного симфорока. Но никакой эклектики! Принцип целостности никогда не нарушался, каждый жанр говорил на своем музыкальном языке, хотя и не диктовал отношения к тексту. Стихи оставались равными себе, и на мой взгляд, вкус Гребенщикову не изменял – он всегда пытался избежать подгонки строк под музыкальные параметры, и именно поэтому не происходило насилия над идеей во имя доступности смысла.

Хотя… руководителя «Аквариума» постоянно упрекают в его якобы неуемном стремлении к элитарности. Речь не о рисунке мелодий, необычной раскраске гармоний и даже не о рамках неординарной аранжировки. Претензии – по ту сторону музыкальной живописи. «Поэт для поэтов» – из этой чаши испили все художники, отважившиеся на эксперимент. Многосторонняя одаренность Гребенщикова неотделима от его исканий, он подлинный реформатор.

Недруги «Аквариума» уверяют, что автор текстов, иногда нарочно сгущая искусственный туман метафор, запутывает слушателя в причудливых сюжетах и образах («здесь дворы, как колодцы, но нечего пить…»). Мне кажется, это типично мещанский девиз: раз непонятно, значит, плохо. Рок-мастерство Гребенщикова предполагает определенный уровень эрудиции и душевной открытости. Я не знаю других песен, обладающих таким же глубоким ассоциативным потенциалом. Бесспорно, «Аквариум» сформировал новую модель нашей рок-поэтики, преуспев в создании подсознательного сочинительства больше, нежели когда-то А. Введенский и Д. Хармс.

Некоторые, проводя параллели с англоязычными аналогами, намекают на космополитическое эпигонство и компиляцию. Но создатель группы, игравшей «новую волну» до того, как она набрала высоту на обоих берегах Атлантики и изошла пеной прайм-рока, вовсе не скрывает своего почтительного отношения к Брайану Ино и Дэвиду Боуи (на последнего он похож не только сценическим антуражем, интонацией и манерой исполнения, но и внешне, между прочим…). Странное дело, обвинить, допустим,

Гоголя в заимствовании сюжета «Ревизора» у Вельтмана или Булгакова в плагиате у Сервантеса никому в голову не приходит, а вот поди же, раз Гребенщиков «сидит на красивом холме», как тут не вспомнить битловскую The fool on the hill.

Сюр по-прежнему эпатирует обывателя пугающей противоестественностью. А если разобраться, то «уменье спать и видеть сны о чем-то большем» подразумевает дар угадывать в «степном волке» героя Германа Гессе, а в «той, что стоит за левым плечом» – Смерть; но если кому-нибудь на ум пришла, допустим, классная руководительница, так и слава богу, главное – воспринимать музыку в соответствии со своими чувствами, а не пытаться анализировать текст, пользуясь багажом знаний.

Кстати, я замечаю, что многие вроде нарочито усложненные образы «Аквариума» имеют вполне земную почву и ясное толкование. Не знаю уж, как там «сидя на холме», но «сидя на крыше», Гребенщиков в реальной своей жизни творит, отдыхает, принимает гостей и даже относительно недавно справил свадьбу – и никакой мистики – из бессонной ленинградской коммуналки на последнем этаже рукой подать до крыши. Или загадочный «капитан Африка» – чуть ли не ключевая фигура магнитофонного альбома «Радио Африка»; это не мистический дух, вызываемый расстроенным лирическим героем, а реально живущий мальчишка, друг музыкантов и их былой спутник во время московских концертов.

Вообще говоря, у Гребенщикова сложилась более цельная система образов, чем у прочих поэтов-песенников (включая и пеструю когорту бардов); если тот же Макаревич мечется между стихией (море, лодки, корабли) и твердью (дома, двери, мосты), то Гребенщиков последовательнее: снег, река, вода…

Впрочем, его новаторство состоит не в том, что не случайные слова он трансформирует в знакомые символы, проверенные опытом общения с искусством, а в подборе этих знаков, намечающих как бы пунктир, но – дальше, границы поэтического рок-языка раздвигаются, меняются представления об его закономерностях, ведется доверительный разговор, здесь чувства взяты не напрокат, посему всякая риторика нестерпима («вот моя кровь, вот то, что я пою, что я могу еще?»). Поэт берется предвидеть и тем доводит себя до отчаяния. Его скрытая скорбь и обнаженная искренность не врачуются ни гротеском, ни социальной сатирой, которые между тем удаются «Аквариуму» так же, как насыщение песен неприятием подлости и предательства.

Хвала благоразумию – ныне концентрируют внимание на самих песнях, а не на алой рубахе и перехваченных в косу волосах их автора. Все эти годы, пока иные писатели повесть за повестью складывали в стол, а смелые киноленты пылились на полках, Борис Гребенщиков «пел, что пел, и хотя бы в том совесть его чиста».

Он и в самом деле не из тех, кто ждет у моря погоды, он делает эту самую погоду. Ведь он – уроженец города на Неве. И этого нельзя не заметить: всем своим существом созвучен он знаменитым своим землякам; есть в его песнях и загадочность Гумилева, и горечь Берггольц.

Но у «Аквариума» все еще впереди: самая теплая песня-письмо, самая точная песня-смех и самая пронзительная песня-боль; присущая Гребенщикову боль от осознания несовершенства жизни. И мужество авторского взгляда на поиск в ней смысла, достойного надежды и любви. А о любви Гребенщиков умеет говорить так, что нам, скептически воспринимающим песенки про любовь (дань образцово-показательной напомаженной эстраде), открывается вся лиричность этого чувства, он знает, как выстроить слова, и подбирает к ним волшебную музыку: «Твое тело, как ночь, но глаза – как рассвет».

Истинное в искусстве рождается от брака между великой неудовлетворенностью собой и осознанием собственного достоинства. «Я никогда не умел быть первым из всех, но я не терплю быть вторым».

* * *

Конечно, перечитывать сейчас эти абзацы мне смешно. Однако не так давно ТВ-беседа с БГ случилась вовсе не смешная. Конфликтная случилась. Возможно, сам «новостной повод» нашей встречи постулировал манеру общения…

– Ваши коллеги, Борис Борисович, ваши или наши ровесники, наши сверстники и ваши коллеги рок-музыканты, они почти все, в общем-то, на самом деле отказались уже от того образа жизни, который, ну,

адекватен жанру, это тоже, да, наверное, иностранное слово, «соответствует», который соответствует рок-н-роллу, чтобы не употреблять слово «адекватен».

– Я не знаю, что они имеют в виду под рок-н-роллом, но мне всегда казалось, что это делать то, что ты хочешь делать, и делать это, ну, делать это до конца, в общем. То есть начинаю что-то доделывать это. Поэтому советский рок-н-ролл и не мог существовать, потому что всегда было не до конца.

– А он существовал, советский рок-н-ролл?

– Ну, люди пытались это называть советским рок-н-роллом. Скажем, играли же «Поющие гитары».

– А, вы это называете советским рок-н-роллом? Нет, я имел в виду то, что называется социальным роком.

– А что это?

– Ну, это когда текст, я пытаюсь избегать глагола «превалирует» или что-то такое, когда текст важнее, чем музыка, когда…

– Я считал, что, наверное, люди не очень музыкальные.

– Ну, вообще, на самом деле, советские рокеры, они не очень музыкальные люди.

– Как обидно, не правда ли.

– Ну, вы вообще, говорят, то есть я сразу хочу оговориться, что я безмерный пиетет испытываю перед Гребенщиковым, перед группой «Аквариум», я его слушаю до сих пор, хотя и скрываю это от своих знакомых, но это я подвожу к вопросу. Музыки, ну там, как бы не очень, там больше как бы месседж, как мы скажем слово «месседж» по-русски, сообщение, посыл?

– Ну, слово месседж, наверное.

– Там в большей степени месседж какой-то, ну как мне кажется, да, есть еще музыка. Ну вот какое, вы считаете, произведение «Аквариума», оно с музыкальной точки зрения выдающееся? Ну, вы гордитесь именно там, я не знаю, мелодией?

– Ну, хорошо, пожалуйста, если вы настаиваете на таком, например, песня «Горный хрусталь».

– Ну, это да.

– Начнем с нее и перейдем ко всем остальным.

– Ну, ко всем остальным…

– И мы заметим, что там с музыкой все в порядке.

– Нет, ко всем остальным мы точно не перейдем, потому что, если мы начнем переходить ко всем остальным, мы сразу упремся в то, о чем пишут недоброжелатели: какие-то лучшие музыкальные находки, они на самом деле являются заимствованными.

– Это, вся музыка основана…

– Основана, да, но… То есть вас эти обвинения никак не парят?

– Нет. Мы существуем для того, чтобы нас обвинять, слава тебе Господи. И чем больше нас обвиняют, тем лучше. Я целиком «за». Но музыка существует, передается от поколения в поколение, передается одно и то же.

– Ну да, нот всего семь, бла-бла-бла.

– Нет, не в этом дело. Просто существует, скажем, в кельтском мире хорошие мелодии: как правило,

каждые 20–30 лет пишется новый текст на эти мелодии и, соответственно, появляются новые песни. У Дилана большая часть его ранних песен построена именно на мелодике кельтского и такого переселенного в протестантскую Америку кельтского направления, ну, мелодика вся оттуда.

– Ну, вот Боба Дилана упомянули, я сразу попытался вспомнить, есть хоть одна песня, которую там можно про себя напевать или слушать в машине.

– Дилан потрясающий, он потрясающий мелодист, просто невероятный. Его совсем недооценивают.

– Нет, есть люди, которые его оценивают и оценивали.

– Их, в общем, да, но их миллиарды почти что, или много сотен миллионов.

– Ну, в случае с Бобом Диланом работает тезис Джона Леннона, который говорил, если в известной степени, конечно, он кокетничал, но он говорил, что музыка, говоря о музыке «Битлз», умерла после Гамбурга. Ну то есть еще до выпуска первой пластинки.

– Я думаю, что он кокетничал.

– Нет, ну имелось в виду, что был какой-то мальчишеский драйв, и тогда не думалось о деньгах, вообще ни о какой вот этой коммерческой составляющей. У «Аквариума» был вот какой-то такой слом, когда коммерческая составляющая стала играть роль, она не стала доминировать, но…

– Пока еще этого не случилось.

– То есть вы совершенно не думаете…

– Нет, просто мы вкладываем в музыку деньги свои собственные.

– Да?

– Или друзей, но зарабатывать мы на ней не зарабатываем. Мы живем за счет концертов только.

– Ну, вы живете за счет концертов, все равно, стало быть, вы зарабатываете на музыке.

– Да, да, да, иначе мы могли бы умереть с голоду, потому что иначе б нас никто не кормил. Ну а записи все, они пожирают деньги и все.

– Вот тот небольшой период, 89-й год, да, работы на Западе. Фактически вы же работали на Западе?

– Ну, я вам скажу – учился. Не работал, я учился.

– Ну, вы, во всяком случае, были внутри системы, настоящего большого шоу-биза.

– Ну, по счастью, был, на самом деле так, конечно, спорить не буду.

– В чем главное принципиальное отличие атмосферы западного музыкального бизнеса от нашего нынешнего, я не про советский?

– Я боюсь, что я российский шоу-бизнес не знаю и не имею информации достаточной о нем, чтобы его комментировать. Я бы не хотел его знать. Я боюсь, мне было бы печально.

– Ну, Борис Борисович, вы же гастролируете, вы же сами сказали. Значит, вы общаетесь с организаторами концертов.

– Не общаюсь. Для этого существует…

– Вы приезжаете в какой-то город, вам же говорят, куда надо ехать. Вы понимаете, за какие деньги вы туда едете.

– Нет, это я говорю, куда надо ехать. А за какие деньги, кстати, не знаю. Я оставляю все эти вопросы нашему директору, которому вполне доверяю. И он у нас этим занимается.

– Но я не допускаю мысли, что вы лукавите, я думаю, что вы просто что-то путаете.

– Нет, я не путаю, почему.

– Нет, ну какие-то вещи вы же очевидно путаете. Я помню вашу телевизионную заяву про то, что Цой и группа «Кино» выступала «перед бандитами». Хотя Виктор Цой погиб еще до того, как возникла собственно вот эта генерация бандитов, которые заказывают выступления музыкантов. Он не застал это время.

– Вы знаете, вы, к сожалению, не в курсе.

– Нет, я это просто слышал собственными ушами и видел собственными глазами на экране собственного телевизора.

– Нет, вы не в курсе о том, что было.

– Нет, я немножко в курсе, что было.

– Нет, они были, они были тогда, и все, и вся эта история…

– Нет, бандиты были, просто тогда группа «Кино» еще была не востребована бандитами, кстати, так же как и группа «Аквариум».

– Вы глубоко ошибаетесь, вы глубоко ошибаетесь. Вы просто, может быть, не помните, конец 80-х…

– То есть вы настаиваете, что группа «Кино» выступала перед бандитами?

– Я не настаиваю абсолютно ни на чем. Но если вы удосужитесь подробнее узнать историю тех времен, вы откроете для себя много нового.

– Да я жил в те времена, собственно.

– Но просто вы, может, не общались вот именно с этим сегментом жизни.

– Ну, я, как мне кажется, общался именно с этим сегментом жизни.

– Оставим этот сегмент. Я просто напомню одну простую вещь. Кто был менеджером группы «Кино»?

– Юрий Айзеншпис не был менеджером группы «Кино». Он был администратором, который заказывал им авиабилеты и гостиницы.

– Что такое менеджер? По-русски – администратор.

– А, ну, нет, это управляющий, наверное, все-таки.

– Администратор, занимающийся…

– Нет, в контексте шоу-бизнеса, ну сейчас мы с вами начинаем говорить про группу «Кино» и про Юру Айзеншписа, про людей, которые не могут вам ответить просто.

– Нет, мы знаем историю Юры Айзеншписа, да.

– Я не знаю, знаете ли вы историю. Я знаю историю Юрия Айзеншписа.

– Ну, я чуть-чуть был с ним знаком.

– Я очень хорошо был с ним знаком, да.

– Поэтому вы знаете, о чем я говорю.

– Я знаю, что вот здесь вы напутали…

– Я не напутал.

– У вас произошла какая-то контаминация, то есть чего-то вы…

– Я не напутал, эта история мне была рассказана непосредственными участниками событий. Просто было не совсем так, как вы говорите.

– А, то есть она была вам рассказана какими-то участниками событий?

– Ну я же, ну естественно, я же там не был.

– Ну, знаете, я же тоже… Нет, вы присутствовали при выступлении группы?

– Нет, я не присутствовал. Нет, я тогда был на другом конце России.

– Борис Борисович, люди могут рассказывать все, что угодно. Люди могут рассказывать про то, что Борис Борисович Гребенщиков и группа «Аквариум» выступали перед бандитами.

– Наверняка, наверняка.

– Поэтому я к тому, что многое со временем забывается, путается. Сейчас ведутся споры о том…

– Но вы знаете, у меня, как правило, нет, я, как правило, более-менее помню, что со мной происходило.

– Нет, ну поскольку я читаю на форумах, люди спорят, был ли у Виктора Цоя мобильник Vertu или не был, а мобильные телефоны появились уже после того, как группа «Кино» перестала существовать. Поэтому я думаю, что люди путают, им свойственно ошибаться.

PS. Всегда повторяю тезис Марины Леско: «Талант не облагораживает своего носителя». Это к тому, что можно искренно восхищаться творчеством артиста, но при этом не разделять его взгляды и осторожно оценивать контент персонажа. Общее место.

В день 60-летнего юбилея основателя «Аквариума» Игорь Виттель написал пост:

«Ленту можно сегодня не читать. Сплошной ДР БГ. У меня с “Аквариумом” как-то не сложилось сразу, с 1980 года. С тех пор я делал ровно три попытки постичь творчество БГ. Сначала Гурьев затащил меня на концерт БГ в ДС Динамо. Концерт начался. Не обращая внимания на поющего БГ, на сцену потянулись юные девы, возлагая к ногам ББГ цветы и, кажется, зажигая свечи. Как справедливо потом заметил Геннадьевич: Атмосфера концерта напоминала Праздник Святого Йоргена. Выдержал я в такой обстановке ровно 7 минут. Второй раз я попытался прильнуть к источнику на фестивале ленинградского рок-клуба. На первых же аккордах я имел несчастье ляпнуть что-то нелицеприятное. Остаток концерта и полпути до Москвы я скрывался от Кометы и ее тогдашнего супруга Димы Медведева. Аквариум послушать так и не удалось, зато Дима мне потом трижды спасал жизнь. В третий раз забросил я невод уже в Америце, где я сдуру стал спонсором концерта “Аквариума”. В почетной ложе спонсоров шансов получить по морде почти не было. Зато в ней восседал мой старинный дружок, бывший питерский гитарист Миша Киселев. На сцену вышел покрашенный радикально в рыжий цвет Ляпин. За ним вышел покрашенный в радикально синий цвет Титов. Я не успел дослушать даже до первого аккорда. За моей спиной раздался громкий голос Миши: я таки понял, что значит золото на голубом. Больше я “Аквариум” не пытался слушать никогда. Но уверен, что это такое же несусветное г. вно, как почти весь русский рок, на который я убил многие годы своей

жизни».

Через неделю Захар Прилепин в своем блоге отметил:

«… А я что-то не заметил или действительно прогрессивная общественность не стала обсуждать, почему БГ на юбилейном концерте (на Первом канале) спел “… диверсанты ходят строем по Болотной и Тверской” (вместо “Хари Кришна ходит строем…”). Как бы сделали вид, что это типичная гребенщиковская шутка и не заметили? Я бы не сказал, что типичная. И даже, что шутка. Ночью посмотрел концерт, ну, круто, что сказать, хотя все равно скажу: после первых двух песен БГ впал в состояние благости и из него не вышел. Было бы куда веселее, если б он спел “Архангельск”, “500”, “Царь Сна” (а то Зубареву так и не дали поиграть от души) и “Мне снится пепел”. Было бы крайне концептуально. А то – прямо сахар и мед… Хотя, с другой стороны, достаточно того, что он на ДР выпустил сингл с “Губернатором”, это тоже красиво – в день-то массовых поздравлений от партии и правительства, когда внимание всего, значит, человечества приковано к юбиляру…»

Комментарии к прилепинской записи (орфография сохранена).

Alexander Chalenko: настоящий Гребенщиков – это ТОЛЬКО ранний Гребенщиков: Каменный уголь, Пока не начался джаз, Дело мастера Бо, Сталь. Кстати, я помню по его комментариям на концертах, он был противником штурма Белого дома в 1993 году, иронизировал над ОМОНом. Меня, тогдашнего либераста и ельциниста, это очень смущало.

Максим Курбанов: Думаю это из-за того, что очень многим и личность юбиляра, и его творчество глубоко фиолетовы. Ну и, например, лично для меня БГ всегда был образцом чрезвычайно хитрого и циничного человека, который во все времена мог грамотно запудрить мозги обывателю. Своего рода такая около-музыкальная секта с хитрым лжебогом.

Дмитрий Косенков: как выяснилось, он с некоторого времени на всех концертах именно так поет.

Ilya Kuznetsov: Мне нравится наблюдать эволюцию сознания БГ. Впадать в благость – редкий скиллз.

Людмила Кудрявцева: Два года назад он (после долгого перерыва) стал исполнять на своих концертах «Этот поезд в огне». Вместе с залом. Прогрессивная общественность это тоже НЕ обсуждала. Конечно, это был не 1-й канал…

Julia Belomlinsky: ты захар просто молодой. а гребень давным давно продается где платят. он вообще неинтересный персонаж… мужик до старости поющих о каком то себрк в золотом и голубом на золотом – это што ваще? это русский рок? это бвльмонт какой то. вялый:) … всегда он был для девачек до 16 лет… смотрю по питеру плакаты песня серебряных струн– блин… ну нельзя такое отсутствие жесткости… дядьке – нельзя. отсутствие жесткости это женское достоинство. гребень точно по предсказанию цветаевой: будут девками ваши дочери и поэтами сыновья…

Yulia Shendaleva: Julia, так вперед на Болотную. Там и ходят строем, и поют хором и громко совсем другие песни. Для девочек постарше.

Marks Gurjevs: Известно, что БГ любит менять в таком духе слова во время концертных выступлений (чего стоят только концерты начала – середины 90-х…) – и зачастую трудно понять, шутит он, не шутит или просто вставляет в текст песни первое пришедшее на ум слово. Мэтр. Право имеет. Интересно, как он споет эту песню в Риге, когда будет выступать с юбилейным концертом? Предлагаю вариант: «Голубые ходят строем по Свободной и Мирской»).

Natali Kaznacheeva: На БГ и Аквариуме выросло несколько поколений. БГ – это БГ. «Что хочет, то и носит он! Орлу подобно он летает и, не спросясь ни у кого, как Дездемона выбирает кумир для сердца своего».

Людмила Кудрявцева: При всей моей любви к БГ … как бы это сказать… есть в нем некоторая гибкость. Захар, ты разве забыл, что накануне каких-то там очередных выборов по ТВ крутили ролик БГ с Грызловым. Как они беседуют… Ведь тоже штука: взять и побеседовать накануне выборов. Тогда многие не поняли: зачем? Зачем это Гребенщикову?..

Александр Максимов: Было дело. Невзначай так пнул основную массу своих поклонников. Конечно, это его личное мнение и я не чувствую личной оскорбленности за эту фразу, так как не причисляю себя к белолеточником, а все же нехорошо это как то. Вроде бы даже в чем то сродни с предательством. По крайней мере на мгновение мне именно так ощутилось, но может просто пошутил человек. Вообще для меня Б.Г. хорош в гомеопатических дозах. Одна, максимум две песни, но вот целый концерт, при всем уважении к нему, для меня слишком много.

Евгений Билык: Фразу про диверсантов вообще двояко можно понять: ее на свой счет могут принять и лоялисты и оппозиция. Смотря по отношению к чему диверсанты: к стране или к власти. Б.Г., естественно, объяснять никому ничего не будет – понимайте как вам хочется… Его как то многие пытаются считать «своим», люди самых разных взглядов, и часто в этом обламываются. Он вот берет и делает, что то такое, чего от него совсем не ждет какая то часть поклонников. А потом делает то, чего не ждет другая часть. Прежде всего он художник конечно. И человек мира, а не России, уже давно. Какой то четкой позиции в российских политических баталиях – «за красных или за белых» у него скорей всего просто нет, его куда больше интересует, например, какой-нибудь мало кому известный музыкальный коллектив откуда-нибудь издалека, играющий очень и очень специальную музыку не для всех.

PPS. Что касается нашего с БГ «как бэ» конфликта в отношении его лжевоспоминаний о Цое, то исследователь творчества «Кино» Виталий Калгин поставил, как я считаю, точку, написав:

«К сожалению, романтичный и ничем не запятнанный образ Цоя сегодня пытаются очернить те, кто все двадцать лет называл себя его “друзьями”. К примеру, Борис Гребенщиков. Слова БГ – хороший пример того, как появляются выдумки о Цое, о том, как несгибаемый и мудрый рокер Цой всего лишь парой слов превращается в бесхребетного человека, слабого и без каких-либо принципов. В апреле 2010 года на телеканале СТС стартовал цикл программ “История российского шоу-бизнеса”. Зрители узнали самые пикантные подробности из жизни российской эстрады за двадцатилетний период, некоторые истории из жизни звезд были рассказаны впервые. Один из участников программы, Борис Гребенщиков, в своем интервью поделился малоизвестным фактом из биографии Виктора Цоя и группы “Кино”:

“В конце 80-х – начале 90-х в России были прецеденты, когда приходили люди в малиновых пиджаках

с пистолетом и говорили: “Играй вот такую песню”. Это было и с группой “Кино” в конце 80-х. Юрий Айзеншпис лично сдавал их в аренду бандитам. Он вышел из тюрьмы, это были его люди. Группе “Кино” могли позвонить в четыре часа утра и сказать: “Ну-ка быстро поднимайтесь! Тут браткам нужно, чтобы вы сыграли”. Было неприятно, как рассказывают. А им деваться было некуда. Сотрудничество с Айзеншписом – это была смерть группы. Музыкально им оно пошло на пользу, потому что они развились в очень сильную группу, но условия, в которых они жили, были не очень приятные”.

Словами Гребенщикова были возмущены как поклонники Виктора Цоя, так и непосредственные участники событий – музыканты группы “Кино”. Во всевозможных интернет-сообществах загудели споры и прения относительно того, прав БГ или нет. Музыканты “Кино” – Юрий Каспарян и Георгий Гурьянов, равно как и гражданская жена Виктора Цоя – Наталия Разлогова, – резко осудили Гребенщикова за нелепые утверждения касательно Цоя в средствах массовой информации. После разгоревшегося по этому поводу скандала Борис Борисович написал:

“Приношу свои извинения; эта история была рассказана мне кем-то лет пятнадцать назад и – как выясняется теперь – нисколько не соответствует истине. Очень сожалею, что она попала в СМИ. Все. Вопрос должен быть закрыт”.

Неизвестно, так ли все однозначно в голове Гребенщикова или же его настолько душит зависть к лаврам лидера группы “Кино” (в свете прошедшего 50-летия Виктора Цоя), но так или иначе – через небольшой отрезок времени он вновь решил вспомнить о ранее сказанном. В 2012 году Борис Борисович в своем интервью Евгению Додолеву (“Москва 24”) снова утверждает, что Цой выступал перед бандитами. Если следовать логике Гребенщикова по поводу безоговорочной веры на слово всем, кто что-либо когда-то кому-то рассказал о том или ином человеке или событии без какой-либо проверки фактов, то тогда настанет просто сумасшествие.

Один из поклонников “Кино” в комментариях к данному интервью написал:

“БГ должен был прямо сказать в ответ Додолеву, что никогда Цой перед братвой не выступал. Это глупости. Ведь уже приносил извинения раньше за свои слова. Ничему не научило? Опять пустился в полемику по поводу Айзеншписа, которого толком не знал, даже не обращая внимания на попытки Додолева, близко знавшего Юрия, опровергнуть его слова… Повторяет с чужих слов выдуманные истории, а люди верят, хлопая ушами. “Ну как же – сам великий БГ сказал! Ах, Цой, сволочь продажная, выступал перед братками!!!”. Понятно, что Додолев слегка спровоцировал БГ, но Додолев провоцировал правильно, на то он и журналист. А Гребенщиков повел себя в данном случае как лузер. Да я бы на месте Додолева точно так же задал бы вопрос такого рода. Но надо же думать над ответом! А БГ не удосужился и с милой улыбкой облил группу “Кино” грязью… Оказывается, он знает про “выступления для бандитов со слов каких-то участников тех событий”… Детский лепет, да и только. Кстати, если БГ не в курсе, то малиновые пиджаки вошли в моду среди братвы лишь с 1992 года, то есть уже после смерти Цоя. БГ этот факт, завравшись, упустил из вида…”.

Проблема даже не в том, что Гребенщиков и ему подобные фантазируют, а в том, что многие их слова принимают за правду. Когда рассуждают БГ или любые “друзья детства” и тому подобные люди, – им верят. Чем они и страшны. Почему им верят, а другим нет? Вот интересный вопрос… Причем возраст тех, на кого рассчитаны подобные рассказы таких вот “правдивых” друзей Цоя, – максимум до двадцати лет. А это самое страшное. Если подростки, только начинающие слушать “Кино” и интересующиеся личностью Виктора Цоя, будут верить в подобные рассказы, то через десяток лет образ настоящего Цоя растает как дым. А ему на смену придет некое конъюнктурное чмо, любившее бабло, постоянно слушавшее “Ласковый Май” и игравшее за подачку перед братвой».

Как «отец советского рок-н-ролла» через US-таможню прорывался

В 1988 году Градский впервые выехал за границу. И сразу – в США. Выездную визу ему пробивал политобозреватель Генрих Боровик. Это был симпозиум Choices For The Future, и виза была валидна исключительно в штате Колорадо. Градский же забил на запрет и улетел в Нью-Йорк. Агенты ФБР нервничали. Саша дал несколько концертов для наших эмигрантов, накупил всяких дефицитных полезностей, включая запчасти к своему авто, но категорически отказался доплачивать в аэропорту за перевес, протаранив таможенный барьер нагруженной тележкой с зычным криком: «Я круче, чем Брюс Спрингстин!» Таможеннику ничего не оставалось делать, как оформить билеты всей делегации: с безумным русским связываться не решились.

Как в рок-группу Аллу Пугачеву рекрутировали

Во время гастролей по северным пределам СССР в 1973 году Павел Слободкин предложил подопечным музыкантам из «Веселых ребят» послушать вокалистку, сказав, что намерен ее пригласить в коллектив. Послушали. Потом было собрание/полемика. В названии ансамбля есть слово «ребята», поэтому «девчата» туда не вписываются. Таково было мнение вокалиста Лермана. Девушку взяли, Александр Лерман вскоре покинул состав из-за разборок с новенькой. Вскоре покинул «ВР» и его тезка Буйнов.

Певицу звали Алла Пугачева.

Как АБГ заменил БГ

Эту историю, достаточно известную в рок-тусовке, я предпочту оставить здесь в изложении Ильи Смирнова, одного из самых авторитетных основоположников «рок-андеграунда»:

«Обычно люди, сильно опередившие свое время, остаются неуслышанными. Про Градского, вроде бы, этого не скажешь. И простые граждане, и коллеги с электрогитарами слушали его с удовольствием, аплодировали, восхищались – то есть, демонстрировали внимание и уважение – а потом, как ни в чем не бывало, отправлялись на “сэйшен” “хиповать” под “Шизгару”.

Градский прошел через рок-культуру 60—70-х годов, никак не повлияв на основное направление развития, его невозможно причислить ни к какой стилистической школе или “волне”, у него нет учеников – продолжателей, все его открытия пришлось переоткрывать заново, в общем, перед нами, как его определила Марина Тимашева, “моноличность”. Когда бюрократические фортификации стали разваливаться (при Горбачеве), к нам приехали по линии “Гринпис” корифеи жанра из метрополии, шумно братались с русскими коллегами под экзотическое тогда “Кьянти”, потом гости предложили хозяевам, не отходя от кассы (стойки), прямо на кабацкой аппаратуре сыграть “джем” – классические рок-н-роллы. Испытание выдержал, причем с блеском, один человек. Догадайтесь, кто.

Такой контраст (он может, а мы нет) порождал в рок-сообществе смешанные чувства, не только белые и светлые. Отсюда сплетни и недоброжелательные (сквозь зубы) оценки, которые приходилось слышать в 80-е от неблагодарных внучат дедушки Александра Борисовича. Дескать, продался в официальную эстраду, поет песни советских композиторов. А мы-то не такие, мы герои…

Иллюстрация – из андроповских времен. Концерт АКВАРИУМА в ДК им. Русакова (большой конструктивистский дворец культуры в Сокольниках) в декабре 1983 года накрывался правоохранительными органами, уже с утра там дежурили милиция и ГБ, но само мероприятие не отменяли, поскольку знали, что ленинградцы выступать отказались, а замены в последний момент не найти, так что толпа может потребовать “деньги обратно!”, и найдутся оскорбленные в лучших чувствах меломаны, которые решат, что их просто обманули (“кинули на бабки”), и расскажут, где брали билет. Мы (организаторы) обращались тогда к разным музыкантам, и нам не в чем было упрекнуть тех, кто отказался от таких гастролей, со сцены в КПЗ. Согласился Градский. И потом (после концерта) стало понятно, что, пожалуй, только он один и мог заменить тогда главную питерскую группу. Представьте: ДК оцеплен, по коридорам уже волокут задержанных, а в центре пустой сцены стоит красивый человек, к которому никто не смеет подойти как к прокаженному, потому что любого, кто сунется, заподозрят в причастности к организации концерта. Несмотря на всю разъяснительную работу с публикой (и очевидные признаки вмешательства высших сил), в зале находится идиот (или провокатор), который вопит: “АКВАРИУМ давай!” На что Градский отвечает: “А ну, заткнись, пока я тебе голову не оторвал!” И выдает в ошеломленный зал (уже под музыку) нечто совершенно непроизносимое по тем временам:

“Благодарю тебя, Создатель,
что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель,
и не сижу еще в тюрьме…”.

Сашу Черного тогда знали не очень хорошо (хуже, чем Гребенщикова). Соответственно, большинство слушателей (как с самодельными билетами, так и с официальными служебными удостоверениями) пришло

к выводу, что стихи написал только что сам Градский про нашу советскую действительность. Не только смелостью – потрясающим артистизмом и необычным для подполья качеством исполнения он в первые же минуты переломил настроение аудитории, разочарованной тем, что не увидит ленинградцев, а потом многие уже и не жалели, что в программе произошла замена. По-настоящему пострадали только те, кто рассчитывал возбудить по материалам ДК Русакова большое уголовное дело, вдогонку к делу группы ВОСКРЕСЕНЬЕ. У них получился, как тогда говорили, “облом”. Потому что на пути встал один конкретный человек».

Раздел предметный: про гимны

Как Градский сорвал запись гимна СССР

В последний год существования СССР (1991) Игорь Угольников задумал в своем ТВ-проекте «Оба-на» запись гимна державы («Прощание с гимном СССР»). Планировалось сделать «продвинутую» шестиминутную аранжировку плюс записать тему в исполнении отечественных рок-музыкантов. Естественно, все это дело позиционировалось телевизионщиками как рафинированный стеб «на смерть страны». Узнав о стебном характере начинания, Градский поднял волну. Отказался от участия в записи сам и энергично отговаривал своих рок-товарищей. В результате кворум «обанаты» не собрали. Макаревич в записи не участвовал, хотя все остальные «машинисты» вписались. «Секрет» тоже выступил без своего лидера. Построчно исполнение выглядело так:

Союз нерушимый республик свободных – Игорь Угольников

Сплотила навеки великая Русь – Дмитрий Маликов

Да здравствует созданный волей народов – Фоменко, Заблудовский, Мурашов (пиит-квартет «Секрет» без Леонидова)

Ва-ва-ва-е-е-е – «Несчастный Случай» (Кортнев, Мордюков, Пельш, Чекрыжов, Морозов)

Единый могучий Советский Союз – «Несчастный Случай»

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы – Никольский

И Ленин великий нам путь озарил

На правое дело он поднял народы – Катя Семенова

На труд и на подвиги нас вдохновил – Анжелика Варум

Славься, Отечество, наше свободное – Катя Семенова

Дружбы народов надежный оплот

Партия Ленина – Александр Савин

Сила народная – Александр Савин, Александр Цекало

Нас к торжеству коммунизма ведет – Александр Савин, Цекало и Лолита Милявская

Мы армию нашу растили в сраженьях

Захватчиков подлых с дороги сметем – Сергей Минаев

Мы в битвах решаем судьбу поколений – Евгений Маргулис

Мы к славе Отчизну свою приведем – Александр Иванов

Славься, Отечество, наше свободное
Дружбы народов надежный оплот
Партия Ленина
Сила народная – Александр Кутиков

Нас к торжеству коммунизма ведет
фортепиано (импровизация) – Дмитрий Маликов
фортепиано (проигрыш) – Петр Подгородецкий
гитарное соло
вокализ – Ирина Отиева

В победе бессмертных идей коммунизма
Мы видим грядущее нашей страны – Сергей Пенкин

И красному знамени славной Отчизны
Мы будем всегда беззаветно верны – Дмитрий Варшавский

Славься, Отечество, наше свободное – Андрей «Лукич» Лукьянов (группа «Окно»)

Дружбы народов надежный оплот – Фоменко, Заблудовский, Мурашов («Секрет»)

Партия Ленина, сила народная – Ирина Отиева

Нас к торжеству коммунизма – Александр Кутиков

Славься, Отечество, наше свободное – хором

Дружбы народов надежный оплот,

Знамя Советское – «Несчастный Случай»

Знамя народное – Евгений Маргулис

В путь от победы к победе ведет – хором

фортепиано (стаккато) – Сергей Чекрыжов («Несчастный Случай»)

соло-гитара – Константин Никольский

* * *

Уже после официального распада империи «Независимая газета» (28 декабря 1991 года) опубликовала такой вот текст (под заголовком «Игорь Угольников и конец российского классического телевидения»):

«То, что словом “воруют” описывается все творящееся в этой стране, – отметил еще Николай Карамзин. 15 ноября сего года процесс всеобщего заимствования дошел, кажется, до высшей своей точки – у еще существовавшего тогда Союза ССР на его Центральном телевидении был украден Государственный гимн. Тот самый, на музыку Александрова с текстом Михалкова и Эль-Регистана, но, правда, не канонический его вариант, а роковую аранжировку, сделанную по замыслу Игоря Угольникова, руководителя входящего в состав “Авторского телевидения” клуба “Оба-на”. Дело было так: Угольников по-соседски ссудил свой клип “ВиДу” только на один раз. Для того, чтобы он прозвучал ровнехонько 8 ноября, справедливо полагая, что это музыкальное яичко должно быть особенно дорого к государственному дню. Тем более что яйца и в самом деле сильно подорожали, а с Красной площади накануне вместо парада и народного шествия транслировали столь напоминающую места общечеловеческого каждодневного уединения “Будку гласности”.

Но уже через неделю без всякого спроса хозяев и без лейбла “АТВ” “Гимн…” прокрутили озорники из программы “13–31”, а потом и еще кто-то, кого схватить за руку было уже никак невозможно – процесс признания принял обвальные формы. Угольников и его команда, впрочем, не слишком обижаются. Раз их произведение сразу же было признано народным, то чего же было еще ожидать; народ, воспитанный колхозным принципом “Сначала отдай все, а потом уже тащи то, что нужно”, по-другому поступить просто не мог. Раз укради, значит, не могли не украсть, значит, жить без этого уже никак невозможно.

А еще недели через две фрагменты из “Гимна…” уже прошли в виде режиссерского гарнира к теме судьбы страны, поданной в серьезнейшей по замыслу программе “Клуб главных редакторов”, первый

выпуск которой был осенен присутствием Михаила Горбачева, ну а второй напоминал, скорее, передачу “Монтаж” – так же трудно здесь было определить, где заканчивается наша с вами непростая реальность, а где начинается изящный и легкий абсурд. Быть может, это произошло помимо воли авторов “Клуба”, но, как видно, уже вполне по велению времени, отчетливо показавшему, какой, по сути, пародийной была эта страна, в которой все, что можно описать словом, так или иначе, но всегда превращалось в свою противоположность.

Решение соединить в одном произведении имперскую монументальность гимна и роковое его исполнение было просто, как политический анекдот, и так же народно по сути. Никакого покушения на святыню тут не было – ведь слова гимна по высочайшему повелению то вовсе отменялись, то переиначивались, и сделать то же самое с мелодией подсказала собственная история базового произведения. С легкостью прорастания травы через асфальт главная песня великого и могучего Союза, долго и упрямо не желавшего жить, как все, и искавшего какой-то необыкновенный свой путь, была принята в лоно символизирующегося роковой культурой всечеловеческого гуманистического движения, от которого мы, видя в нем чьи-то проступки, долго и угрюмо отпихивались. Эта культура, отстаивающая человеческую свободу в любом ее проявлении от всех форм насилия, утвердилась в 1960-е годы. Нежные хиппи, призывавшие делать любовь, а не войну, объявили себя гражданами человечества. Тертые джинсы, бросив вызов всякой, в том числе и военной, парадности, покоряли всех домашней идеей братства. СССР же, насупя брови, отправлял танки в Чехословакию и Афганистан, воплощая суровую идею справедливости с кулаками.

Суровость эта не могла не царить и на советском телевидении. Последние двадцать лет оно словно бы проглотило аршин программы “Время” с ее центральной фигурой – диктором, неподвижно, как египетский жрец, зачитывающим со скрижали тексты, в смысл которых были посвящены немногие. Шевелящийся рот диктора был единственным движением, сопровождавшим государственное волеизъявление, как, впрочем, и еще один рот, изношенные челюсти владельца которого мгновенно превращали в пародию все, что бы он ни произносил.

И когда эта страна, уставшая от поступательного движения в никуда, затопталась на месте, после того как в той же программе “Время” Горбачев шокировал всех, подойдя во время визита в Ленинград к толпе на расстояние вытянутой руки охранника, то в “Покаянии” Тенгиза Абуладзе, телепроизведении важнейшего из искусств, появился в качестве символа рот диктатора, столь блистательно исполненного Автандилом Махарадзе. Внешний облик его персонажа был малоподвижен – тиран не умел двигать шеей, он разворачивался всем корпусом, тяжело, но, как танк, несокрушимо, при этом же рот его был всегда феноменально подвижен. Глаза – зеркало души – совершали только короткие перебежки, ротовое же отверстие постоянно находилось в беспокойном движении. Оно как бы пожирало все, что имело вокруг него хоть какую-нибудь ценность, выбрасывая обратно лишь бездарную, но подавляющую своим обилием труху слов.

Таким же подавляюще говорливым было и советское телевидение, призванное пародийно заменить для населения представление о настоящей жизни. Но внутри самого ТВ шло, спотыкаясь и падая и снова поднимаясь, начатое первым КВН движение к разрушению всеобщей серьезности. И когда год назад появилась на уже достаточно осмелевшем телевидении программа “Оба-на”, то, с ходу вобрав в себя весь опыт предшествовавшей ей истории телевизионной пародии, она первый же свой выпуск, направившись сразу к Красной площади, начала с похорон еды, абсолютно карнавального шествия, перевернувшего, однако, вверх ногами аж самую атрибутику древнего осеннего культа сбора урожая, породившего все карнавалы. “Обанавты”, люди, помеченные, как и все в нашей стране, крупной клеткой, вдруг перестали, несмотря на этот признак, бояться и начали жить. Они, замешанные, подобно булгаковскому Лариосику, на первородном детском оптимизме с совершенно инфантильной капризностью, всем своим обликом – обликом, заметьте, а не словом – демонстрировали, что бояться им просто надоело. Название их содружества, напоминающее традиционную совковую аббревиатуру, какой-нибудь “Мособлдырбулщил”, восходит одновременно и к напевному слову “обэрцу”, и к клоунской лексике. Как пародия на всегда подвижное в нижней своей части лицо диктатора выглядит лицо их лидера Игоря Угольникова, помимо чьей-либо воли и любых обстоятельств раздвигающееся в улыбку столь широко, неудержимо и самодостаточно, что вызывает в памяти улыбку чеширского кота из страны кэрролловских чудес, страны, абсурдно построенной на буквальном толковании проскакивавших мимо разума идиом.

А потом был август без президента, а потом наступила осень, и великая страна, не выдержавшая

своего собственного, длившегося почти три четверти века, внутреннего напряжения, распалась, и над ранящими друг друга обломками, как вороны над свалкой, закружился страх. Высвободившаяся энергия распада пугала, и телевидение транслировало и множило отчаяние при помощи уже не одного, а множества ртов, принадлежавших людям разных политических направлений и взглядов. Рассудок при этом переполнялся словами и отказывался работать, как изношенный мотор на подъеме.

И вот, в еще привычный день государственного праздника, был исполнен как шлягер и одновременно как прощание гимн уходящей страны. И его новая редакция вдруг никого не потрясла – все и так двигалось к последней точке распада символа силы. Год назад он, может быть, прозвучал бы издевательски, но сейчас переведение его когда-то, в легендарные уже времена, несокрушимых мелодии и текста в нежное “тусовочное” измерение, отсутствие фигур вождей в сопровождавшем их видеоряде, наполненном лицами обычных, советских когда-то людей, умудрявшихся хоть иногда, даже вопреки собственной воле, быть счастливыми, он только растрогал сочувствием. И потом, в том самом проблемно-публицистическом “Клубе главных редакторов”, куда “Гимн…” был вмонтирован, уже как цитата, прозвучала другая фраза, произнесенная знатоком Достоевского: “Что бы ни делал человек в России, его все равно жалко”. Нас больше не призывали ни к чему, нас не учили жить, нас не пугали □ нас просто и всенародно пожалели, дав надежду, что после стольких лет самоистязания мы, может быть, когда-нибудь заслужим покой. И, допустив такое отношение к зрителю, буквально на днях закончило, выполнив свою историческую задачу, свое существование в качестве пародии на жизнь Центральное телевидение».

Вот такой вот текст. Видео с гимном без проблем можно найти на просторах видеохостингов. Как правило, без комментов. Меня там ничто не возмущает. Впрочем, и не вдохновляет.

На излете нулевых появилась еще одна версия: западные музыканты сделали подарок России к очередной годовщине Победы в Великой Отечественной войне: рок-гимн России исполнили Крис де Бург и Тони Кэри, аккомпанировали им виртуоз-гитарист, работающий в жанре джаз-фьюжн, Эл ди Меола и знаменитый басист Виктор Бейли (игравший в культовой группе Weather Report), венгерско-германский вокалист/барабанщик Лесли Мандоки (из команды Dschinghis Khan;) нашу страну в проекте представляли группа Che и Николай Носков.

Как Петр Подгородецкий потерял работу

Эта история, в отличие от нескольких изложенных выше, ни разу не была тайной и даже обсуждалась в прессе. После скандального эфира с Вадиком Степанцовым была ликвидирована дневная программа «Хулиган-шоу Петра Подгородецкого» радиостанции «Серебряный дождь».

Работы лишилась вся бригада. Слили не только Подгородецкого, но и его соведущую Юлию Солнцеву. Плюс и ди-джея Макса.

Вадик тогда комментировал:

«Нам с Петей по фигу, мы панки, а вот людей, которые попали под раздачу, жалко. Конечно, на фоне событий с НТВ наш конфликтик потонул, но, как сказал Лимонов, и у нас была своя великая эпоха».

Многие считают, что столь радикальные меры были приняты именно из-за околополитического контекста: тогда команда Коха отжимала у Гусинского НТВ и все воспринималось через призму самого обсуждаемого медиа-конфликта. Степанцов тогда высказался и насчет НТВ:

«Со стороны коллектива НТВ некрасиво раздувать такую бучу из-за чьих-то неоплаченных долгов. Все на телевидении происходит из-за бабок, начиная с убийства Листьева. Конечно, это самый правильный, интересный канал, но по-настоящему таковым он был лет пять назад, когда не занимался политиканством и не выполнял платные заказы. Я считаю, что первую чеченскую войну и начало второй НТВ освещало на деньги Басаева и Удугова. А это политически неправильно. Не можешь платить долги – не бери взятки от чеченцев. А берешь – выплачивай из них долги».

По согласованию с автором воспроизведу здесь полный текст хулиганского сочинения:

Человек я, бля, хуевый, бога я не уважаю,
сру на все авторитеты, пидорасов не люблю,
на базаре пизжу чурок, и евреев обижаю,
и ебу бесплатно девок, хоть сперва им мзду сулю.

Я хочу, чтобы Гусинский и дружок его Басаев
в телевизоре ебаном на ток-шоу собрались,
чтоб Укупник и Киркоров, и Кирилл, блядь, Немоляев
станцевали перед ними и на них обосрались.

Чтобы Путин с Пугачевой тоже были в этом шоу,

чтобы их толкнул друг к другу из говна внезапный дождь,
чтоб потом пришли ребята хуеплета Баркашова,
привели с собой Кобзона и сказали: вот наш вождь!

А потом, блядь, мудрый Сталин, влитый в пурпурную тогу,
пусть внесет свое рябое и усатое ебло,
и в руке пусть вместо трубки держит он Шамиля ногу:
«Вот тебе, орел чеченский, я нашел твое крыло!»

И шеф-повар Макаревич, поваренок Шендерович
и крупье, блядь, Якубович пусть напитков принесут,
пусть жопелью на рояле гимн хуячит Ростропович:
«Славься, сука, бля, Россия! Гряньте, бляди, бля, салют!»

Вскочит Путин со скамейки, отпихнет, бля, Пугачеву,
ебанет из глаз разрядом: «Кто, бля, автор, чьи слова?
Михалкова, Преснякова? Шевчука, Гребенщикова?» —
«Нет! Вадима Степанцова!» – пронесется вдруг молва.

И из строя, блядь, поэтов, тушку вытолкнут скорее —
вот он, наш Вадим Гандоныч, куртуазный маньерист!
И обрадуется Путин, что не чурки и евреи
написали гимн российский, а нормальный, бля, фашист.

И начнут ебать всухую сочинителей и бардов,
Резника и Михалкова, Шевчука и Шахрина,
и Земфиру с Мумий Троллем, и Жечкова с Пеленягрэ,
а особо тех уебков, что писали для «На-на».

«Что ж вы, суки, пидорасы, нерадивые козлины,
не могли хуйню такую, гимн российский навалять?
Пусть ебут вас все грузины, абазины и лезгины,
а придурку Степанцову сто рублей, ебена мать!»

И подскочит Березовский с акциями «Логоваза»,
попытается Вадюхе вместо денег их впихнуть,
но Вадюха олигарху навернет в еблище сразу:
«Врете, гнойные мутанты! Нас теперь не обмануть!»

Многих из помянутых уже нет в живых, но стихи по-прежнему востребованы, хотя Степанцов и не читает «Историю» на своих творческих вечерах. Более того, он и в эфире у «Хулигана» ее не читал, хотя и был гостем студии.

На самом деле ведущий к этому моменту созрел для расставания с проектом и, представляя провокационный номер, объявил:

«Дорогие мои радиослушатели, скорее всего, мы с вами больше не услышимся, поскольку я сейчас поставлю компакт-диск со стихотворением Вадима Степанцова. Кто может, заткните уши женщинам, кто может, уведите детей от радиоприемников, но послушать это вы должны! На этом я окончательно прощаюсь с вами!»

NB. Анатолий Демидов (старший брат незабвенного «Рулевого МузОБОЗа» Иван-Иваныча) вскоре рекрутировал Петр-Иваныча на канал «М-1», вести шоу «История сбитого летчика» вместо человека по фамилии Дубина.

Как Градский над гимном России работал

Градский никогда не угождал поклонникам и/или журналистам. Автор документального фильма, который Первый канал снял в 2014-м к 65-летнему юбилею АБГ, Таисия жаловалась мне, что при записи беседы юбиляр на нее попросту наорал, не давал дочери Марии Александровне со съемочной группой общаться и вообще замирились они лишь спиртным на кухне. На него коллеги вообще часто жалуются. Жалуются и люди из музыкального цеха. Градскому за это порой приходится – условно говоря – платить. Помню, в эфире своей «Правды 24» беседовал с Дробышем, и Виктор меня просто сразил заявлением, что у «Градского нет хитов». После передачи я написал у себя в Facebook'е:

«Смутил меня здесь Дробыш, заявивший, что разденется в студии догола, если я назову ему 10 хитов Градского. Ведь если понимать под хитом то, что навязчиво в голове воспроизводится (ну, как тема Меладзе из "Оттепели"), то вроде как – действительно нет. И если брать более определенные дефиниции, ну, допустим, рекорды хит-парадов, то, пожалуй, вспомнится только пахмутовская "Как молоды мы были". При этом ведь у АБГ есть целые альбомы гениальных произведений (ну, например, "Сатиры" или "Фрукты с кладбища"); однако напеть я ничего не могу, разумеется. Слушать могу часами, намурлыкать – нет. И главное – не производит Дробыш впечатления завистника. Похоже, искренен был вполне. Ясно, конечно, что Время все четко расставит по местам, по полочкам аккуратно разложит и по мордасам хлестко надает, но поговорил я с "хит-мейкером", осчастлививших "Бурановских бабушек", и… Много думал».

Мой экс-коллега по «МК» Олег Старухин мне тогда ответил:

«У Градского и Дробыша – разные профессии. Градский – шеф-повар хорошего ресторана, а Дробыш – главный технолог в "МакДоналдсе". Про биг-мак знают все, но нормальные люди предпочитают не принимать там пищу, а ходить в те заведения, где вкусно. Специально погуглил, какие песни написал Дробыш (вернее, каким шедеврам приписано его авторство). Хитов – только 2. Да и те – однодневки. На "Дискотеке нулевых" в лучшем случае в пелотоне пойдут. Остальные – вообще не слышал. А ведь хитом песню можно считать лишь в том случае, когда ее знает даже такой "любитель" попсового ширпотреба, как я».

Сын Маэстро, Даня Градский, в той сетевой полемике тоже вступился за своего родителя:

«Послушав великого "хит-мейкера" Дробыша, решил узнать, какие же суперхиты он написал для других артистов, и оказалось, что хитов у него аж целых 12:

Party for Everybody – «Бурановские бабушки»

Обожженная душа – Лариса Долина

Свет твоей любви, ДаДиДам – Кристина Орбакайте

Просто любить тебя, Любовь, которой больше нет – Кристина Орбакайте и Авраам Руссо

Часики, Нежность моя, Была любовь – Валерия

Одиночество – Слава

Берега твоей любви – Виктор Салтыков и Татьяна Овсиенко

Любовь-красавица – Зара

Чужая невеста, Любовь всегда права – группа «Челси»

Я тебе не верю – Ирина Аллегрова и Григорий Лепс

Она не твоя – Григорий Лепс и Стас Пьеха

Первая любовь – Любовь последняя – Слава и Ирина Аллегрова

Только вот, не очень понимаю, как человек, который не является исполнителем своих супер хитов может вдаваться в подобные сравнения. Из 12 его песен – реальных 2 хита в исполнении Лепса, а 80 % – это вещи “поющих трусов” и раскрученное за бабки музтелеговно… Говорить о музыкальности, вокале, стихах, наверное, не стоит».

Вот такие дела. Ну и своих почитателей из числа так называемых фанатов АБГ, как, впрочем, и большинство рок-музыкантов, не сказать чтобы ценит. Понимает, что польза от них очевидна, однако дистанцию держать надо – среди этого сословия велик процент безумцев. И несдержанных дам. Известный астролог Вадим Левин, тусовавшийся на излете 60-х со «Скоморохами», вспоминал, что фанатеющие студентки срывали с себя лифчики и кидали белье прямо на сцену Градскому, игравшему зубами на гитаре, не вставая с колен. Он зажигал в полный рост. При этом девиц, ломившихся за кулисы, порой хамски отгружал: по словам Левина, мог пробросить что-нибудь язвительное про «кривые ноги». Обиженных «подбирали» менее требовательные «скоморохи». Все это было. И прошло.

Но! Но даже когда в 90-е Градский практически полностью выпал из медийного пространства, его это не обеспокоило. Порой он резко высказывался по поводу качества музыки, льющейся с телеэкранов и из радиоприемников, но в этом не было досады человека, которому не воздают должных, по его мнению, почестей. В АБГ скорее говорило оскорбленное «чувство изящного», неприятие фальши и уродства, но многие, тем не менее, трактовали его критичность как зависть к более востребованным исполнителям.

Вообще понятия «зависть» и «Градский» очень интересно рассмотреть в паре. Зависть рождается из соизмеримости. Ведь чтобы испытать гнев по поводу успехов другого, надо сначала себя с ним сравнить и сделать вывод, что твои заслуги/таланты выше, а результат скромнее. Субъект должен задаться вопросом «а почему не я?» или «а почему не мне?». В случае Градского такой вопрос не встает. Хоть он никогда не признает, но точно знает, что «иной». Не единственный на этом свете «иной» – в системе координат Градского есть масса великих, которыми он искренне восхищается (Джоном Ленноном, допустим), но все же «иной». А следовательно, несоизмеримый.

Иногда кажется, что закрыть глаза на его колючесть могут лишь сопоставимые с ним персоны, вроде первого мужа его второй жены Насти Вертинской, коего она звала Никитоном: Никит-Сергеич Михалков, похоже, относится к музыканту, ставшему на несколько лет отчимом его первенца Степана, как к беспокойному enfant terrible, чьи таланты не оценить невозможно, а недостатки приходится терпеть. Хотя врагов АБГ нажил в тусовке предостаточно (может легко пробросить, допустим, про номер Натальи

Подольской на «Евровидении»: «Да, слышал, что-то там пищала»).

Помимо дара было в его жизни везение. Хотя он сам так и не считает. Но если бы его, молодого и дерзкого, в свое время не заметили и не оценили маститые авторитеты, неведомо, как сложилась бы биография АБГ.

Его композиторский дар узрел и пропагандировал известный теоретик джаза Аркадий Петров. Александра Пахмутова подарила Градскому «Как молоды мы были», и по сию пору эта песнь есть визитная карточка АБГ. А зимой 1973 года Петров привел Андрона Кончаловского (который занимался кастингом для «Романса о влюбленных» – искал неизвестный голос) в Дом радиовещания и звукозаписи на улице Качалова, где Александр со своими «Скоморохами» в студии № 2 накладывал трехголосный вокал на уже прописанные дорожки. В результате режиссер нашел не только вокалиста, но и автора саундтрека. А ведь изначально Петров сватал для этой работы дагестанского композитора Мурата Кажлаева, тем более что последний был знаком с Андроном, желавшим заказать нечто в жанре симфоджаза а-ля Love Story. Но Кажлаев отказался, и Петров показал кинематографисту юное рок-дарование.

Сам Петров вспоминал: «Это был беспрецедентный случай, ведь к тому времени он был студентом четвертого курса, причем не композиторского, а вокального факультета. Написанные им шесть песен и несколько оркестровых номеров оказались важными и для “изобразительного ряда” картины». Градский признает: «Тогда я не умел писать музыку в кино. Надо было научиться, и Кончаловский меня натренировал. Самой ситуацией, в которой я оказался, а вовсе не знаниями своими могучими. Он сам ни хрена не знал, как музыка в кино делается, хотя везде рассказывал, что окончил два курса консерватории, на пианино играет и в классике разбирается».

Был в этой истории и меркантильный параметр. АБГ в ту пору зарабатывал где-то 80—100 рублей в месяц, а тут получил разом 600, полугодовой оклад за одну запись фактически. Однако знакомый

музредактор просветил новичка: «Санек, они тебя надуют: из твоих песен кто-нибудь сделает музыку к фильму, а это стоит в десять раз больше». Градский тут же отзвонил Кончаловскому: «Это правда? Так вот. Или я буду автором музыки к фильму и получу все деньги, или идите…!» Так Саша стал самым молодым сочинителем саундтрека в истории советского кинематографа и купил свой первый автомобиль. Тем не менее, как мне кажется, обиделся на Кончаловского: тот в порыве режиссерского энтузиазма даже желал пригласить его на главную роль, но затем, разглядев профиль бунтаря-композитора, предпочел кандидатуру Евгения Киндинова, который старше Градского на четыре года.

Самоуверенность или, точнее, понимание «своей цены» помогло юному дарованию прорваться на олимп советской богемы, однако именно рецептор, позволяющий оценить гениальное, которым наделены были старшие товарищи АБГ, сыграл определяющий роль в судьбе Маэстро. Таким же рецептором, очевидно, наделен и сам Градский, умеющий выбирать из соискателей те голоса, которые становятся победителями.

Можно ли считать везением участие АБГ в проекте «Голос»? Тут у каждого свой ответ. Когда выбор руководства Первого канала (точнее, Константина Эрнста и Юрия Аксюты) пал на Градского, можно было бы предположить, что тот будет счастлив засветиться на самом-самом канале державы, но не тут-то было. Александр-Борисыч вел долгие переговоры, суть которых сводилась к тому, что все телевидение – подстава, оно куплено и продано, а выигрыш никогда не достается лучшим. Градскому нужны были гарантии и уверенность, что в этом проекте все будет по-честному… Каковые и получил.

Жизнь причудлива в своем течении. Градский часто повторял (особенно пока писал свою оперу «Мастер и Маргарита»), что в стране нет приличных вокалистов, а потому оперу его поставить в принципе невозможно. А в результате убедился в обратном – талантов столько, что не знаешь, кого выбрать, и недаром у наставников нет-нет да появляются слезы на глазах: ведь, выбирая лучших, они отказывают не менее талантливым.

«Голос» стал важной вехой в биографии певца. Проект предъявил Градского тем, кто не был знаком с его творчеством, и дал ему самому возможность воочию убедиться в том, что вокалисты в стране есть. И не только в Большом театре. Кстати, именно по «Голосу» Градского узнал наш «культурный» министр Мединский и даже обратился к нему с неожиданной просьбой – переделать аранжировку российского гимна.

Я Сашу спросил:

«Знаю, что Андрей Макаревич, прослушав материал, заметил, что “встать хочется”. Мне и самому показалось, что в этой версии “от Градского” звучание стало торжественней. Можно поделиться профсекретами? Какими средствами достигается “державность” саунда? И ознакомлен ли с upgrade’ом президент Путин?»

Ответ был такой:

«По поводу гимна России был разговор с министром культуры Мединским. От Президента было поручение записать гимн России как-то так, чтобы охотнее пели обычные люди при воспроизведении фонограммы вместе с оркестром и хором, записанными профессионально. Состоялась встреча министра с тремя музыкантами, назову их: Владимир Минин, Владимир Федосеев и я. Плюс руководство Сретенского хора (по моей инициативе). Поначалу попробовали записать вариант, как обычно. На мой взгляд, неверная мысль. Затем я предложил сделать свой вариант, объяснил, что и как надо делать. Мне пошли навстречу, и запись в соответствии с моими идеями состоялась. Впервые нами гимн был записан многоканально с возможностями править и дописывать, а заодно “чистить” звук в неточно исполненных отрывках. Полгода я это все доводил до идеала, результат, на мой взгляд, достигнут. Гимн звучит в более низкой тональности,

медленнее и торжественнее. Трудно сказать, кем я себя считаю в данном проекте… скорее всего продюсером, что ли…».

Как «Скоморохи» написали «первую в мире» рок-оперу и свой гимн

Ну и еще про Градского и гимн. Буйнов вспоминает:

«Мы еще не назывались “Скоморохами”, хотя уже выступали втроем: Градский, Полонский и я. Это было в какой-то школе. Градский кричал без микрофона так, что было слышно на все здание. А я так громко старался играть на фоно, что ломались молоточки… Полонский изо всех сил молотил на барабане, и мне, чтобы было слышно, приходилось брать в руки эти молоточки и долбить ими по клавишам. “Завод” был страшный! При этом надо было и топот ног перебить… Градский рассказывал мне, как он до нашего объединения в “Скоморохи” уже поиграл и даже погастролировал в составе созданного им трио “Лос-Панчос” вроде бы по Донецкому краю. Все это производило впечатление, и мы, кроме обычных чисто музыкальных обязанностей, доверили ему роль менеджера “Скоморохов”. Большая часть из зарабатывавшихся и тогда и позже денег вкладывалась нами в общий котел, который находился в диване на квартире у Градского на Мосфильмовской. Когда мы приходили к нему домой, Градский, бывало, открывал диван и говорил: “Вот наши деньги!” На дне серели потертые и смятые рубли, трояки и пятерки, и совсем редко краснели замусоленные до неузнаваемости и когда-то розовые десятки. Деньги хранились у Градского, потому что из нас он был человек самый экономный: мог спокойно прожить на 30 копеек в день, впрочем, чаще всего он так и жил. Но самое главное, находясь у Вилена, мы имели четкую возможность репетировать в свое удовольствие столько, сколько сможем, и при этом не голодать: кофе и картошка, иногда со шкварками, нам всегда были обеспечены… Не помню почему, но Градский поиграл с нами там немножко и куда-то уехал. В общем-то музыкальное путешествие по Владимирской области не только принесло нам деньги (рублей по 500 на брата) и имя, но и дало профессиональный подход к делу. По возвращении в Москву мы по Чуковскому создали “Муху-цокотуху”, как я теперь понимаю, первую в Москве, а может, и в мире, рок-оперу, хотя тогда мы ее такой совсем не считали, потому что само слово “опера” для нас плохо сочеталось с уникальной музыкой The Beatles. Писали эту рок-оперу, как и “Гимн “Скоморохов»”, все вместе, и мне непонятно, почему вдруг Градский, выпустив пластинку с гимном, поставил под ним только свою фамилию. Есть у Саши такая манера… Когда писался “Гимн “Скоморохов»” – это было у меня дома, – с нами рядом находились и Лерман, и Шахназаров, и они-то не дадут соврать!

Короче говоря, первую часть написал Градский, а вторую часть написал я. Я обиды не держу, но факт есть факт».

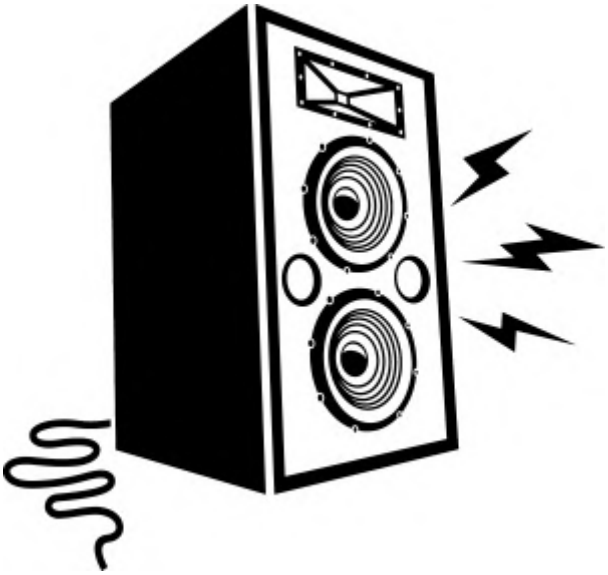
По моей просьбе Градский все это дело прокомментировал:

«Насчет совместного сочинения скажу так: песни Шаха и Буйнова подвергались моему “профессиональному” критицизму в некоторых моментах, и создавалась ситуация, похожая на творчество коллективное, на манер того, как делали музыку многие западники. Конечно, и Шах и Буйнов многое предлагали в моих первых опытах изменить, и иногда я их мнение принимал, иногда посылал куда подальше. Они, разумеется, делали так же с моими предложениями. И несмотря на то что я придумал многоголосие и в “Мемуарах” в “Бобре” Шахназарова, а также в “Аленушке” Буйнова и многое менял в гармонии у них обоих, все равно считаю их песни именно их продуктом. Так нам было удобнее: кто принес и придумал главное – тот и автор. Потом мне эта чехарда надоела, и я стал работать самостоятельно. “Муху-цокотуху” мы создали так: ко мне пришли Шах и Буйнов с портвейном, и я сыграл им “Муху” от начала до конца. Мы никогда с группой ее не играли, ни в одном концерте. Иногда я пел и играл ее один в своих сольниках, эта вещь (семнадцатиминутная) не записывалась и вряд ли когда-нибудь будет реализована… Кончился этот веселый период весьма грустно. Этот состав группы “Скоморохи” себя исчерпал. Денежные отношения вконец были разрушены. Мне надоело во всем себе отказывать, в отличие

от моих коллег, и лошадка устала везти общий наш воз в одиночку… Кстати, по поводу… помню, что при первом прослушивании Abbey Road, от которого я умирал от кайфа, Буй заявил: “Вот, наконец “Битлы” сделали какое-то дерьмо!” За что я захотел его уничтожить на месте, но сдержался, понимая, что время его “вылечит”, что и произошло… Шах песен, к большому сожалению, теперь не пишет, а Буйнов пишет и поет совсем другую музыку, я бы так выразился, в ином жанре».

Раздел почти семейный

Как Владимир Кузьмин институт оставил



Кузьмина я знал, когда он еще звался «Джеймсом». И учился вместе с Толей «Крисом» Кельми.

– Я хочу вспомнить, Владимир, те времена, когда ты поступил в МИИТ (сейчас – Московский государственный университет путей сообщения). И ты там учился с Крисом Кельми.

– На одной парте сидели. Да. И меня спросили, почему ты поступаешь в этот институт? Я сказал, что у меня любимая группа Grand Funk Railroad. Поэтому железнодорожный институт.

СПРАВКА

– А там ведь еще в те годы была песня Shocking Blue, «Никогда не выходи замуж за железнодорожника» (Never Marry a Railroad Man).

– Это я тоже назвал. «Не выходи замуж за железнодорожника» – это тоже, это была вторая причина моего поступления в институт.

– И ты его не закончил, в отличие от Кельми?

– Ну, я подумал, что не хотел подставлять под угрозу жизни моих соотечественников, потому что инженер из меня был никакой. Потому что я на лекциях писал какие-то ноты, какие-то тексты.

– Значит, ты ушел из вуза, но при этом в армию тебя не забрали? В те времена ведь сразу забирали в армию студентов, которые были отчислены.

– Я 17 лет прожил в военном гарнизоне. Я свое отслужил. Там не буду выдавать тайны, но мы жили на границе. Поэтому я слушал постоянно музыку западных радиостанций, которые не глушились, в отличие от Москвы.

– А, ну да, ты же в Мурманске жил…

СПРАВКА

– Да, это было в Прибалтике, на Севере, на Юге, на Востоке… Солдаты меня научили играть на гитаре, на кларнете, на флейте. В общем-то, в шестом классе мы уже играли «Битлз», «Роллинг Стоунз» и свои песни на школьных вечерах и на солдатских в Доме офицеров. То есть и для меня вот эта музыка («Битлз», «Роллинг Стоунз»), это было, как, в общем-то, для других ансамблей. «Самоцветы» там и так далее.

СПРАВКА

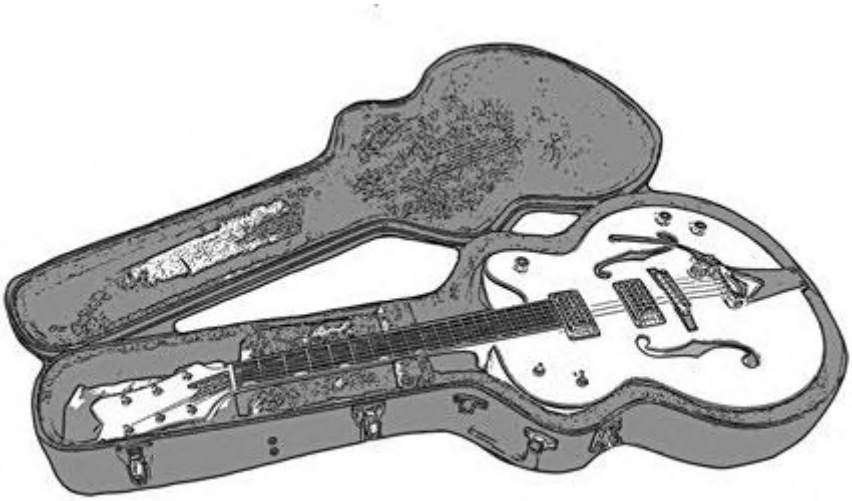
– Вы старались каверы один в один делать или что-то свое?

– Да нет, я даже сочинял русские тексты.

– К битловским песням?

– Да, было такое.

Как Градский свою бабушку спас



Это не было «разговором для интервью». Мы с женой просто приехали навестить Александр-Борисыча, а по дороге созвонились с Мишей Леонтьевым, и он присоединился к нам в привычном формате кухонных посиделок. Точно даже не скажу, когда это было, помню только, что Михал-Владимыч должен был в ночь улететь куда-то с Путиным, но в результате проебал все это дело и президентский борт поднялся в воздух без ведущего программы «Однако» и вице-президента «Роснефти». Говорили мы о многом, но эпизод с бабушкой я по-партизански записал на iPhone, поскольку история показалась мне живописной и поучительной. Но поскольку она была как бы off record, то «ненорматив» представлен в ассортименте, Градский этим знаменит, чего греха таить.

– Бабушка по материнской линии – Градская, урожденная Павлова, Мария Ивановна, домохозяйка, умерла в 80-м году. Чего ты про нее можешь сказать?

– А че надо говорить?

– Ну, какая она была? Нет, ну реально – расскажи про бабушку?! Ты же ее скрывал.

– Здрасьте вам! Ничего я не скрывал. А про Розу Ильиничну сказано там в энциклопедии этой что-нибудь?

– Да, что она «бабушка рок-н-ролла».

– Все правда: она котлеты всем делала. Фрадкина Розалия Ильинична. Работала секретарем-машинисткой. Умерла в Москве в возрасте 100 лет.

– Розалия Ильинична где жила-то физически?

– Со мной. Чверткина она, урожденная Чверткина. Ну она умерла… В 96-м году. Она уже лет 6–8 жила у дяди Яши.

– А вот про дядю Яшу вообще ничего в энциклопедии нету. То есть она жила с тобой до какого-то момента…

– Всю жизнь жила.

– То есть она и Ольгу знала?

– Здрасьте, она ее учила готовить.

– А, то есть она была такой бабушкой, которая тобой занималась? Ты вообще бабушкин сын-то или родительский? Вот кто тебя растил, когда ты ребенком был?

– Мама.

– Она разве сидела с тобой?

– Ну, до 14-ти, а потом все, пиздец, я уже сам себя растил. Ну, бабушка меня не растила, мы с ней вместе жили. Я ее сам в какой-то степени растил.

– Она реально до 100 лет дожила?

– Да. На 101-м скончалась. Я в 86-м году ее… ну как сказать? Спас, считай.

– ???

– Ну она заболела. А я был в Крыму. Ее в больницу папа положил. Не могли ее вылечить от воспаления легких. И закололи ей всю жопу так, что у нее все там в синяках было, в пролежнях. Два с половиной месяца. У нее просто было воспаление легких. Они лечили какой-то хуйней ее. Папа мне телеграмму прислал, что типа «бабушка еще чуть-чуть и ку-ку, давай возвращайся…».

– А ты с Ольгой там был? С детьми?

– Да, конечно. Я вернулся.

– А Ольгу оставил?

– Нет, все вернулись, прилетели. Это было там два дня. Пошел в больницу. Врач вдруг меня видит – у меня ж другая фамилия, извините. А он мой поклонник. И доктор говорит: «Это что же, ваша бабушка? Чего у нее другая фамилия?» Я говорю: «Блин, а почему у нас должна быть одна фамилия?» Она – Фрадкина. Но я-то Градский. Я спрашиваю: «А чем вы лечите?» Он говорит: «Вот так-то, так-то…» Я говорю: «И чего?» «Ну вот, температуру не можем сбить». Я звоню папе. Он говорит: «Сань, ну давай с квартирой чего-то будем делать. Переоформлять». Я говорю: «А чего переоформлять?» «Ну, вот, бабушка ку-ку уже, видимо». Там как бы уже все решили, договорились, конец ей. Но она действительно в отключке была. Ей закололи все, что можно было заколоть. И температура не уходит. И она лежит, и вроде и не умирает, но и не выздоравливает.

– В сознании при этом?

– Да. Но плохо ей, стонала. Иду к врачу. Он уже бздит, типа, как быть-то? Но сделать ничего не может, как я понял. А вечером звонит отец, говорит: «Слушай, у нас тут на работе одна женщина вылечила своего 90-летнего папу таким вот каким-то лекарством. Потому что есть антибиотики сильные, которые лечат, но пожилым людям нормально. Называется “Клафоран”». Я еду опять к врачу. Говорю: «Вы такое знаете лекарство “Клафоран”?» Он говорит: «Знаю». Я запомнил все о нем. Я говорю: «А оно есть у вас?» «Да что вы?! Это дефицит-хуецид, дорогая хуйня». Всего 100 рублей стоят 20 ампул. «У нас таких денег нет. Вот колем ей “Амидопирин”, хуйню, поэтому не действует». Они колют, и не действует. Я звоню Боре Кочерову, такой у меня был друг, мы с ним в Алуште тусовались в лагере партийном. А он зав. начальника аптекоуправления города Москвы. Говорю: «Боря, мне нужен “Клафоран” срочно». Он говорит: «Щас». В трех аптеках: в одной 6 ампул, в другой – 2 и еще две в третьей аптеке.

– По сусекам? Проблема в том, что это дорого или нет нихуя?

– И дорого, и нет. Все сразу. Ну, СССР, епта. Я купил этот «Клафоран». А чего мне 100 рублей? Я полторы тыщи в день получал. Из-за каких-то ста рублей человек мог отправиться на тот свет. Ей стали колоть, и через пять дней она домой пошла. И пятнадцать лет она еще прожила после этого. Да. А могла бы вообще и еще протянуть. Ее брат, тоже в возрасте, решил себя обследовать.

– Это который брат? Имя забыл.

– Яков Ильич. Пошел в больницу. А меня не было – я был в Италии. Ну, не совсем в Италии, а у нас круиз был, я – посреди моря. И она осталась одна. И папа говорит: «Давай, у меня поживи несколько дней, пока Яша там в больнице будет».

– А у него – это где?

– На Кленовом бульваре. Кленовый бульвар это где Автозаводская… Недалеко от Ленинского. А она как среагировала – перемена места, не свои кастрюли, и все. Пять дней, и ее нет. День-два, она перестала уже сопротивляться. И все. И я посреди моря нахожусь. Самое веселое – телефонов же нет никаких. А утром мы с космонавтом Леоновым идем к капитану завтракать. Где-то в 8 часов. И сижу я, Оля (Ольга Семеновна Градская-Фартышева, жена гения. – *Е.Д.*), Леонов, еще два-три каких-то, ну VIP типа – с капитаном завтракать. Он говорит: «Алексей Архипович, можете позвонить…». У него там связь. Я говорю: «Ой, товарищ капитан, давайте я тоже позвоню», – чего-то мне взъебенило позвонить. Не звонил недели три домой. И я в 8:20, что ли, после завтрака, сажусь звонить. Снимаю трубку, а мне папа говорит, что бабушка сейчас умерла, полчаса назад. А Даня с Машей (Даниил Александрович и Мария Александровна, дети гения. – *Е.Д.*) в Москве были. Даня ее хоронил.

– Сколько же сыну твоему лет было?

– 14.

– Ребенок еще.

– Да. А я вырваться не могу.

– Оттуда же не приедешь. Там же виз не было.

– Там два дня надо ждать, пока приедешь в порт, а потом паспорта – лететь. И я говорю: «Ну, вы подождите». «Нет, нет, Саш, мы не можем ждать, потому что негде ее держать». Ее в крематорий, и все.

– А похоронили где?

– Там же, где все остальные, – Востряково.

– Семейный склеп есть?

– Это там, где линия лежит еврейская вся. Фрадкины. Чверткины. Там бабушка, ее две сестры. Их мать

– моя прабабушка. И брат.

– А две сестры – это значит твои двоюродные бабушки?

– Они как бы бабушки считаются, да.

– У того поколения было много детей.

– 11. Да, 10 братьев и сестер их было. У них – 11. Из них: пятеро осталось живыми, один из пяти умер в 19 лет. А остальные умерли прям сразу. Прабабку звали Анна Абрамовна. И она вообще по-русски не разговаривала.

– Только на идише?

– Да.

– Круто.

– Она лежала восемь лет в кровати, не вставала. Там они все за ней ухаживали. Я под ее кровать залезал, когда спать не хотел идти. И кидался картошкой, блядь, во всех. У нее под кроватью лежал… чтобы от меня отебались все.

– Сколько ж тебе лет было?

– Не знаю. Мало.

– Ты когда-нибудь детство вспоминаешь свое?

– Очень плохо помню, у меня как бы слайды такие в голове.

Как Сергей «Буба» Бобунец на 15 кило похудел

С лидером команды «Смысловые галлюцинации» Сергеем Бобунцом мы встретились в год их четвертьвекового юбилея. Два момента в той беседе было примечательных, фрагмент нашего разговора воспроизвожу.

– Сергей, сына вашего Никита зовут, по-моему?

– Никита, спасибо за детали…

– Никита Сергеевич.

– Никита Сергеевич, да. Я, кстати, один раз эту тему хорошо обыграл, когда подошел к Никите Сергеевичу Михалкову и сказал, знаете, я ведь сына назвал просто в честь вас. Мы обменялись любезностями.

– Ему сколько лет сейчас, 15–16?

– 16, да.

– Он музыкант?

– Вот, кстати, удивительно, но больше футболист. Я, кстати, занимал сразу же позицию, что давать все, что возможно, как, в принципе, поступала моя мама, которая втюхивала в меня все, что вот здесь. Никита при том, что он очень любит музыку, увлекся футболом.

– Лучше бы хоккеем – в контексте всего расклада с этими видами спорта в нашей стране.

– Но очень прикольно, что молодые люди, я смотрю, они ходят в качалку, группируются, они не профессионально занимаются, а прямо вот там через день они собираются, несколько школ как-то. Это круто, здорово.

– Уж коль скоро вы упомянули качалку, есть такой штамп журналистский. Вы как человек, который практиковал журнализм, знаете про эти штампы. Итак – «мне не простят, если я не спрошу». Так вот, мне девушки наши, мои коллеги не простят, если я не спрошу, каким образом вам удалось так сильно сбросить вес?

– Да, конечно, легко вообще. Дело в том, что у меня уже был такой период где-то лет 10 назад, может, чуть меньше. Все очень просто. Первое, вообще убираешь алкоголь из своей жизни, это раз. А второе, удаляешься из социальных сетей.

– Вот это и есть способ похудеть?

– Да, и у тебя появляется куча времени для того, чтобы осмотреться. А дальше человек может все, ребята.

– Вот это рецепт!

– Потому что вот это главное, на самом деле.

– Ну, на самом деле, сколько сбросили?

– Килограммов 15, честно говоря, мне кажется.

– В течение какого срока удалось это..?

– За полгода.

– Ничего себе. То есть это рекорд. Люди книжки пишут с такими рекордами. Когда книжка выйдет «Как я похудел на 15 килограммов»?

– А я, кстати, не думал об этом.

Как Градский на Цое подорвался

21 июня 2012 года я пригласил в студию своего проекта «Правда 24» Александра-свет-Борисыча Градского… Наши СМИ дружно отмечали полувековой юбилей Виктора Цоя. И канал «Москва 24» устроил «именной день». Не обошлось, конечно же, без накладок. Во время трансляции от знаменитой арбатской «Стены Цоя» какой-то нетрезвый революционер в прямом эфире выкрикнул: «Путин и Медведев пидАрасы!» Такое случается, но в целом ТВ-эвент закончился без скандалов. АБГ я пригласил, чтобы порассуждать о музыке «Кино». Но «отец советского рок-н-ролла» свел беседу к полемике: Москве нужнее памятник композитору Цою или композитору Мусоргскому? Ну, и без так называемой «политики» не обошлось. Борисыч напомнил зрителям, что и Ленинградский рок-клуб, и Московская рок-лаборатория организовывались под непосредственным патронажем городских управлений КГБ СССР. И рассказал, как Артемий Троицкий сочинил письмо в горком КПСС, дабы поссорить рок-ветеранов типа Андрея Макаревича с героями новой советской рок-волны (включая Виктора Цоя, естественно). Такие дела. И надо ли было тогда стараться? Ведь эти рок-легенды и ныне – в разных вселенных. На разных частотах внимают разным ритмам по-разному.

Увы, так получилось, что во время беседы АБГ совершенно игнорировал торжественный контекст даты. И вещал преимущественно (если не исключительно) о значении музыкального профессионализма, категорически не желая признавать очевидное: феномен популярности потому и называется таковым, что от сугубо профессиональных параметров пропорционально не зависит.

Эфир был прямой, и поэтому моей задачей было возвращать Александра Борисовича в русло разговора, напоминая о том, что сегодня не простой день, а «датский». Я отчетливо понимал, какое негодование цоевских фанатов вызовут уверенные реплики Градского. То есть просто на грани приличия приходилось все время перебивать собеседника.

Я воспроизведу здесь финал нашего неровного диалога с полным осознанием того факта, что монолог Градского был бы лучше.

– Твой тезис, Александр, что платят хорошо тем, кто хорошо играет и хорошо поет?

– Да. Так оно и получилось. Ну, так оно и вышло. Все, кто был интересен, им стали платить.

– Ну, вот Цой зарабатывал все-таки больше, чем ты, вот в тот период.

– Что ты, смеешься, что ли?

– Ну, конечно.

– Да перестань. Перестань, не смеши меня.

– Разве нет?

– Больше меня только Высоцкий зарабатывал. Ну, не надо. Не надо вот придумывать. Сейчас придумывается колоссальное количество историй. У него было два или три великих концерта. Понимаешь, удивительных. И по приему публики, и по драйву, и по заработку. И вот человек на взлете вдруг уходит из жизни. Понимаешь, это жутко, ужасно, это просто отвратительно, понимаешь, просто у нас это все трагедийная ситуация. Ну, кто знает, кем он был бы сейчас?

– Ты можешь его представить на корпоративах, Виктора Цоя?

– Почему нет?

– Ты считаешь, он мог бы вписаться в эти дела?

– А какая разница? Ты делаешь свою музыку. Ты делаешь свое искусство. Ты его делаешь вне зависимости от того, где ты находишься. Это не имеет значения. Настоящий профессиональный человек делает так. Это однозначно.

– Но с Цоем было четкое ощущение, что он проводник из космоса.

– Да это ваши такие штуки, медийные штуки. Ну, давай я тебе объясню в двух словах, что происходит. Вот ты же знаешь эту историю, когда его горячие поклонники пишут «Цой жив», да. На стенках и везде. Почему они это пишут? Потому что им нужен живой герой. И именно Виктор Цой для них живой, потому что он живой герой. А почему его сейчас со страшной силой раскручивают средства массовой информации?

– Так где же его раскручивают? Ну, о чем ты говоришь?

– Ты просто посмотри телевизор. Ты просто не смотришь телевизор.

– Сегодня 50 лет, сегодня да.

– Да нет, постоянно его раскручивают в СМИ, все. Как героя настоящего…

– Я не соглашусь.

– …Но только мертвого. Женя, мертвый герой удобен начальству для того, чтобы чем больше ты поднимаешь мертвого героя, тем меньше в глазах общества живые герои, разные. Не важно, в музыке или в поэзии. Тем они меньше. Потому что живого героя всегда можно упрекнуть в величии мертвого героя. А поклонникам Виктора как раз нужен живой Цой, поющий, общающийся и так далее. Поэтому это и есть вот это вот противоречие дикое между тем, как из Вити лепят какой-то, бронзовую хренотень, чуть ли не памятник собираются установить в то время, когда нет памятника Мусоргскому, нет памятника, извини, Рахманинову.

– Вот здесь вот извини. Я помню, как Анатолий Лысенко говорил Володе Мукусеву, что Льва Толстого знают 50 миллионов в стране, а тебя, Володя Мукусев, знают 170 миллионов.

– И что?

– При чем здесь Мусоргский? Мусоргского знают гораздо меньшее количество людей, чем Цоя. И Мусоргского 15-летние не поют.

– А почему?

– Ну, я на этот вопрос не могу ответить.

– Потому что средства массовой информации…

– Да я тебя умоляю. 70 лет коммунисты навязывали стране субкультуру творческой интеллигенции. У нас по Центральному каналу только и был Мусоргский, Чайковский и классика, а люди пели Высоцкого, Градского, «Машину Времени». Потом пели Бутусова, Шевчука, Цоя…

– Могу сказать на это очень просто. Смотри. Есть вещи, которые нужны многим людям. Почему они нужны многим людям, почему многим людям интересен Виктор или Цой, Виктор Цой и почему интересен Макаревич, там, или даже иногда я. Потому что это более современная форма донесения музыки и стихов до человека.

– То есть ты считаешь, что дело именно в форме, подаче, а не в месседже, который есть у Цоя?

– Нет, конечно, в форме. Это более демократичная форма. Она не требует специального музыкального, или поэтического, или какого-то другого образования. Она прямо доходит до людей. Это прямой месседж, как ты говоришь, да. Есть более сложный месседж. Для того чтобы понять, по-настоящему оценить серьезную музыку, серьезную большую поэзию, нужно иметь образование. Для этого это образование человек должен где-то получить. Если он образование в школе или в институте настоящего не получает, да, у него есть какие-то, ну, простые вот такие рецепторы, которыми он воспринимает искреннюю, жесткую, ритмичную, активную музыку и стихи.

– Очень многие делают такую музыку, поют, но при этом Цоя…

– Я же тебе про это и говорю. Живой герой. Он сегодня. Даже для меня он в какой-то степени живой. Потому что он сегодня существует, понимаешь, в сегодняшнем языковом кластере, если хочешь. Понимаешь? Мусоргский – это другой язык. Но заметь, Мусоргский, Хлебников, поэт, да, Анненский – эти все люди не уходят из русской культуры. Потому что это генетика, которая передается элитой своему потомству, скажем так. И Хлебникова знают 40 тысяч…

– Вот я сомневаюсь, что Даня и Маша, дети твои, знают Хлебникова.

– Они знают. Ну, Хлебникова знают 40 тысяч человек все время в течение ста лет. А Витю Цоя сегодня знают миллионы людей. Правильно?

– Десятки миллионов.

– Наверное. Но не факт, что через сто лет их будет сто миллионов, десять миллионов и даже миллион. Это не факт. Понимаешь? Может быть, вообще будут знать 150 человек только через сто лет. Потому что Цой современный…

– В прошлом году было…

– Твой сосед по даче душит и не дает возможности, правообладатель…

– А, Саша Морозов.

– Да. Публиковать. Делает все возможное, чтобы книги о Цое не выходили, фильмы не снимались. Но выросли уже поколения, которые после Цоя родились. И они слушают группу «Кино».

– Это же все время игра. Люди, которым сегодня 40 лет, которые 20 лет назад вот так вот смотрели этот концерт, они обучили своих детей этому.

– Да, ладно. Ну, разве возможно детей обучить слушать?

– Конечно, конечно, можно.

– Наоборот, отторжение всегда.

– Да, ну, ладно, перестань. Он такой энергетически классный, что это невозможно не полюбить.

– Вот здесь я соглашусь. Да.

– Но, но, но. Со временем это все немножко в другую сторону что ли уйдет. Когда человека уже нет давно, и язык его…

– «Давно», извини, это про что мы говорим, про сто лет или про 20?

– Про 30–40—50.

– Так, хорошо, о'кей.

– То этот язык, которым он общался, он ведь меняется. Язык 50-х годов, 60-х, 80-х, 90-х и сегодняшний язык, они разные, эти языки. Язык 90-х, 80-х и сегодня для молодежи почти один и тот же. Ничего особо не изменилось. Когда поменяется язык общения, полностью, да, тогда не будет этой, ну, как сказать, подпорки что ли у меня, или у Гребенщикова, или даже у Цоя. Понимаешь, этой подпорки не будет. И останется только выжимка. Профессионально или не профессионально.

– Ой, ой, не соглашусь.

– Ну, не согласишься, проверим. Я умру раньше, чем ты. Ты проверишь. Я тебе могу сказать, что это происходило всегда. Например, песни Петра Лещенко. Два поколения умирали от этого исполнителя. Просто умирали. Это был кумир всех, так сказать, простого человека. Я про Вертинского не говорю. Но, понимаешь, Вертинский из кумира миллионов превратился в кумира, может быть, одного или двух миллионов, да. Но, тем не менее, он остался. Потому что там и высокое исполнительское искусство, и высокая поэзия, и так далее, и тому подобное. Вот это количество людей, умирающих, от кого-то там из наших, так сказать, героев, да, оно уменьшится, но оно будет. В этом же все дело. Сумасшествие проходит. Остается выжимка.

– Дело, конечно, не в профессионализме, потому что ты прекрасно знаешь, что Сальери писал музыку, ну, не намного хуже, чем Моцарт.

– Намного хуже. Знаешь, он профессионально был такой же. Но вот маленькой штучки не было.

– Вот не было маленькой штучки. Значит? Не в профессионализме дело? У Цоя была эта штучка.

– Тихо. Не было так называемых «профессионалов», Женя. Непрофессионалов не было. Они просто не попадали в этот разряд.

– Группа «Кино», считаешь, они не были профессионалами?

– Ну, конечно. Конечно, нет. А у них не в этом кайф. Не в этом кайф. Кайф не в этом. Кайф в том, что в этой команде вот было то самое, о чем ты сказал, чего начинаешь смотреть в других, а этого нет. Есть то, се, умение.

– А что это вот такое? Что вот, ты говоришь «штучка»?

– Ну, я не знаю. Честная эмоция, понимаешь, честная, открытая, бьющая наотмашь. Понимаешь? И это убивает абсолютно любую конкуренцию. Это очень сложно. Но когда проходит время, Женя, честная эмоция, конечно же, сохраняется. Но язык становится другим, очень сложно заставить человека через 50 лет слушать, скажем, 8 песен того же замечательного Вити, которые в одной гармонии. Это очень сложно объяснить.

– Но слушают. Знаешь, слушают, и…

– Я сам буду слушать.

– И я думаю, что будут слушать.

– Я сам буду слушать.

– Еще, да. Ты будешь слушать.

– Конечно, буду.

– И дети наши будут слушать. И внуки.

– Конечно, будут.

– Вот я глубоко в этом убежден.

– Потому что это замечательно.

– Спасибо тебе.

– Жалко только, что мы не можем Витьку сюда посадить и посмотреть, что он мог бы сегодня сделать и написать.

* * *

Мне потом прислали ссылку на пост Алексея Вишни в ЖЖ. «Ведущий жжет напалмом» сказано было в одном из комментариев. И это, замечу, самое мягкое из высказываний в мой адрес. То есть, пытаясь нивелировать гнев поклонников Цоя в адрес собеседника, я «вызвал на себя».

Однако это не помогло. Ролик в Сети до сих пор комментируют так, что, надеюсь, Борисыч никогда не прочитает злобные вбросы, ведь, по сути, он был прав и ценит Цоя именно за то, за что лидера «Кино» можно и нужно почитать. Только на моем персональном аккаунте YouTube сюжет набрал треть миллиона просмотров за месяц (выложено было осенью того же года; сейчас под полмиллиона). И к моменту написания данного текста число комментариев достигло тысячи. И это, повторю, всего лишь на одном аккаунте, а ведь беседа была растиражирована в Сети.

Процитирую некоторые из комментов.

Александр Бестужев:

«Очень сильно просматривается огромная зависть Санечка к Цою, некрасиво! Саша стыдно должно быть, никогда ты не станешь известней даже мертвого Цоя, потому как не на столько талантлив господин градский».

Вадим Ялилов:

«Цоя я первый раз я услышал как он пел в магнитофоне в 1995-м и помню до сих пор (и слушаю). Градского я увидел и услышал первый раз сегодня в ютьюбе, завтра я про него уже забуду скорее всего. О чем он говорит вообще???».

Askold Nicolosi:

«Какого ведущий все время спорит и пытается развить полемику??? Ты кто??? Сиди, молчи и слушай! Задавай вопросы, когда гость закончит мысль! Тем более, что каждое пререкание глупо и безосновательно! Закомплексованному ведущему напоенным духом противоречия неуд!».

dmitry nik:

«Градского все забудут, а Цоя будут помнить. Цоя слушают и сейчас в школе, а Градский только базарит только много. У Цоя было мало интервью больших, потому как он этого не любил, а делал просто свое дело, в то время как кто-то только языком треплет».

Рудаев Леонид:

«Моськи на Градского накинулись. Хотя он несколько заносчив (или просто эпатажен?) в интервью. Ну да спишем на ведущего и его поганомодную “скандальную” манеру. Замечательно сказал про “язык

поколений”. Браво, Александр Борисович!».

N Bakhtiyar:

«У Градского замечательный голос, исполнение и он профессионал, а КИНО для миллионов простых обывателей без музыкального образования с честными эмоциями, к коим себя отношу. Мусоргского и Чайковского также будут помнить те 40 тысяч человек и через 100–200 лет только потому, что их будут играть и слушать люди с профессиональным образованием, с утонченным слухом, кто обязан нести высокое искусство в массы, а КИНО также будут слушать миллионы с честными эмоциями, также как и многие поколения слушают Битлов».

Vasa Tegus:

«скажу простую вещь. цой сродни таким людям как высоцкий, как клинских… градский умеет петь… десятки алис, бутусовых, моральных кодексов, машин времени могли собрать стадион, сотни пугачевых, лолит, киркоровых могли сделать кассу, НО на кассете у обычного человека играл цой (высоцкий на бобине) а позже сектор газа. градский прав – через 50 лет не будут слушать цоя, но кто слушает самого градского? и умри сам градский о нем забудут завтра же».

Alena Tarek:

«Градский, больше интервью! Где вы черт возьми эти интервью даете? Кто этот ваш интервьюер? Смутное воспоминание моей молодости 90х Градский, личность, музыкант, композитор и просто умнейший человек, почему долбанный телек не кишит такими людьми? это наши люди… и горжусь, что Александр и я говорим на одном языке».

Владимир Гудман:

«Градский слишком музыкально образован. “Горе от ума”). Виктор Цой полная противоположность Градскому. Градский пиарит свои плюсы, но за счет Цоя, что стремновато, конечно. А на память как ни крути не вспомнится ни одной песни, кроме той, что Градский пел на каких-то комсомольских собраниях-концертах про молоды мы были».

Pavel Bakhtin:

«То о чем говорит Градский в этом интервью не понять в 15–20 лет. Но похоже он уважает Цоя, гораздо больше многих тутошних комментаторов, которые вроде как обожают Цоя, слушают его, но смысла песен понять так и не смогли и остались моральными уродами. Очень сомневаюсь, что Цой стал бы принижать Градского как вы».

Валентин Баламутин:

«Градский – это глыба. Это целый пласт. У него очень глубокая и сильная музыка. И стихи. Там много романтики, но и много очень взрывной сатиры и даже, если хотите, такой “священной злобы”, как у Григоряна было сказано. На вскидку так могу сказать, например, послушайте Песню О Друге (посвящение Высоцкому), или Антиперестроечный Блюз. Сколько фильмов прекрасных советских его музыкой “дышат”. Я даже не представлял, что кому-то нужно представлять этого музыканта. Что кто-то может считать его музыку скучной и не нужной…».

Elkhan Huseynov:

«Проводить параллели этого борова с Цоем и тем более сравнивать их – полный бред. Орать как

прирезанный еще не повод претендовать на “величие”. Я … да я … да их разнес… да мне. а вот я… Вопли на сцене это в его понимании профессионализм. А все дело в обычной зависти, я тут понимаешь воплю во всю глотку на сцене, вылизываю всевозможные задницы ради карьеры, а тут какой то кочегар всех крикунов перепел. Цой не просто пел. Он оставил свой “след” во всех тех к кому обращался. Он пел о том, что для твоих мозгов и душе – тридевятое царство, игольное ушко. Далеко тебе до Цоя как до границ бесконечности. Чувак».

Латфуллин Илья:

«Вы, все кто здесь гонит на Градского и оскорбляет его – полные дебилы и бараны! Послушайте внимательно ушами, а не жопой, что он говорит, все в точку. Градский охренительно талантливый певец и музыкант, таких музыкантов в нашей огромной стране можно по пальцам одной руки пересчитать. Его любят и уважают миллионы и в России и за рубежом. При этом он нигде не пиарится и ведет себя очень достойно, в отличии от всякой попсовой швали! Слушаю Кино уже много лет и для меня это лучшая российская рок-группа до сих пор. Цой был очень талантливым, честным, смелым и скромным парнем, который всегда оставался самим собой и в жизни и в творчестве, а это редкое качество! Он был по восточному мудрым и в своих песнях очень простыми словами говорил о важном и вечном. Но я думаю, что Цою сейчас бы не понравилось что из него делают гения и даже идола! Если Цой гений, то кто тогда Моцарт, Бах и др великие музыканты? Их уже нет в живых сотни лет, а их до сих пор слушают сотни миллионов во все мире! Цой и группа Кино просто честно писали и играли свою музыку и им было абсолютно похер, что о них думают и говорят, впрочем, как и Градскому!».

Panzer Kaiser:

«Где его талант? Градского твоего. Я лучше могу. Тыщи музыкантов могут лучше прокачать зал, зацепить словом или музыкой. Твоего Градского не смотря на его известность не слушает никто. Знают что он в “Голосе” в жюри и все. Спроси любого…!»

Pavel Bakhtin:

«Просто тролль тупой. Каждый концерт Градского собирает полные залы. Зацепить словом или музыкой на его уровне могут единицы и уж точно не ты. Вот Цой мог. Но цепляют они по разному, Градский цепляет и исполнением и словом, а Цой больше словом. Более того, я не раз видел комментарии про исполнения Градского, что у людей мурашки по коже. Про Цоя такого не видел никогда. А вообще их сравнивать очень глупо, все равно что Толстого и Толкиена».

Panzer Kaiser:

«Может тебе просто завидно, что я знаю больше чем ты? Что музыкально грамотен, имею слух и умею на приличном уровне играть на муз инструментах? Что лично знаю/знал многих известных музыкантов и играл с ними на одних и тех же концертных площадках в одном концерте? По моему твой кругозор, как раз, слишком узок. А оскорбление твое: собака лает – ветер носит. За светлую память Вити и других – порву зубами в клочья. И это не слова. А ты сиди и фапай на винилы своего Градского, – ценитель искуЖства… нужно иметь скилл и душу вывернутую наизнанку когда исполняешь академическую музыку. Как (если брать попсу) А. Малинин например. Баха или Бетховена тоже надо уметь сыграть – чтобы дернуло за душу. Не каждому дано, даже академическому музыканту. Градскому – не дано пусть он играет и поет в тыще крат академичнее. Баскову – никогда не стать оперным певцом. А Градскому – блюзовым. Фальшиво это все… слащаво-фальшиво. Блюз – это боль, рокнролл и панк – злая боль и ирония».

Pavel Maleev:

«Согласен полностью с Градским, и считаю что у каждого творческого человека есть своя аудитория, посмотрите концерты led Zeppelin, deep purple и pink floyd вот это легенды, и поучиться есть чему и

послушать, и больше чем уверен легендарные рок музыканты нашей страны брали пример именно с них. А группа Кино такой же примитив как и Beatles умерли когда появились группы вроде Ласкового мая и Modern Talking, эра электронной музыки подвинула их конкретно. Сам я фанат Пинк Флойд, и про них никто каждый год не трещит по телеку, а аудитория у них огромная и те кто слушал их слушают всю оставшуюся жизнь. Я слушал Кино, но перерос эту музыку уже в 30 лет а пинков слушаю до сих пор. А журналист сразу видно заядлый фан Цоя, это равносильно как со мной спорить кто лучше и круче Pink Floyd или Queen.PS. народная мудрость; НА ВКУС И ЦВЕТ ТОВАРИЩЕЙ НЕТ! и нечего тут больше сказать».

Алексей Печерский:

«Люди, кто тут гонит на Градского, вы вообще не слушаете что он говорит? Не завидует он никому, и не сравнивает, наоборот о Цое говорит, что у него драйв, честные эмоции и не любить это не возможно! Про то, что Градский получал больше Цоя, это просто тупо ответ на вопрос ведущего, который хотел таким образом Градского скомпрометировать, а вы тут сразу хай подняли. Градский супер музыкант, и не надо говорить что он визжит там и так далее, попробуйте сами так визжать, да так, чтобы вас к тому же слушали, знали, и на вас приходили, да и, кстати, звали на ТВ периодически!!! Так что включайте мозг, слух, отключайте эмоции, и будет вам счастье!!!».

Soundmac:

«Мусоргского и Рахманинова не слушают, потому что это стиль классический и старый, поэтому дело во вкусах, кому что нравится. И Цоя не пиарят, музыка и исполнение гениальное, подходящее под вкусы подрастающей молодежи во все времена. Не будет же слушать молодежь Градского: Как молоды мы были))) Под эту песню хочется спать и она тоску нагоняет. А молодежь всегда хочет встряхнуться – рок самое подходящее, тем более Цой лучший из отечественных рок вокалистов, нет ему в этом равных».

Irina Piccolinochka:

«Мне кажется, что настоящее искусство – это то, что делает человека лучше и неважно идет ли речь о массовом или элитарном искусстве. Настоящее искусство облагораживает, возвышает, учит пониманию, сочувствию, доброте, человечности. Оно противостоит жадности, снобизму, злобе, зависти, жестокости и прочим качествам, которые портят жизнь и самому человеку, и тем, кто его окружает. Цой был настоящим. И, в этом смысле, его не следует противопоставлять Рахманинову или Мусоргскому. Просто они оказывали свое благотворное влияние на людей разными средствами».

Балдуин Балдуинов:

«Как я понял пролистав все комменты: ни Цой, ни Градский оказываются неспособными изменить врожденный видимо долбоэпизм тысяч субъектов которых и людьми назвать то трудно… вся полемика под такими комментами это ор слепоглухонемых долбоэпиков (говнарей) с такими же “илитными” зазнайками которые в гробу видали все русское и советское в искусстве. писк людей которые хотя бы из интереса и самосовершенствования пролистали дискографии и Цоя и Градского никто не слышит, над всем болотом стоит неумолчный слившийся в гул звук разрывающихся пуканов быдла».

* * *

Повторю еще раз: ролик только в моей учетной записи набрал более шестисот тысяч просмотров. Хотя на корпоративном сайте его просмотрело чуть более шести тысяч.

Там же наша беседа с Рыжим из трио «Иванушки International» набрала три четверти миллиона зрителей. Я упоминал в начале книги конкурс «Мисс Пресса», где мы познакомились с Андреем. Ему было тогда 20, и он в составе танцевального тандема участвовал в круизе «Мисс Пресса СССР», который вместе

со спортивным журналистом Алешей Романовым организовал тогда экс-командир взвода оптической разведки Эрик Галумов.

Я, проговорю еще раз, снимал об этом мероприятии фильм, который Александр Любимов планировал поставить в пятницу вечером: программу «Взгляд» тогда закрыли и телекомпания ВИД искала альтернативные форматы, чтобы не потерять рейтинговое время на Первом (и фактически единственном тогда) канале ЦТ. Режиссером фильма был Иван Демидов. Ваня и предложил «Рыжему» сняться в клипе мегамодного в ту пору Криса Кельми. Там Андрей дебютировал на экранах Всесоюзного ТВ.

К чему это? А к тому, что, пригласив Григорьева-Апполонова в эфир, я попросил рассказать что-нибудь новое. Ну, он и рассказал. И страна узнала, что Игоря Сорина 4 сентября 1998 года… убили. То есть официальная версия о самоубийстве была растиражирована позднее по вполне объяснимым резонам. И все эти годы близкие Игоря знали об этой трагедии в доме № 12 по улице Вересаева, но молчали. Ну вот.

Честно говоря, я тогда про себя подумал: ну какая это сенсация? Ну кто помнит кумира 90-х? Его поклонницы обзавелись семьями, нарожали детей… И эти дети слушают совсем другую музыку. Не «Иванушек International» ни разу. Однако оказалось, что я заблуждался. Ролик с интервью всего за неделю просмотрело более полумиллиона зрителей! Потом еще четверть миллиона. Все рейтинговые ток-шоу федеральных каналов отэфирили выпуски, посвященные давней трагедии. Я, конечно же, приглашения поучаствовать отклонял, это не моя тема. И Андрей решил не пиариться на смерти друга. Ну что я могу сказать? Пусть этот всплеск странного интереса к драме более чем 15-летней давности не уйдет в плоскость скандальных ТВ-шоу, но реанимирует интерес к музыке того времени. Она была… разная. И, возможно, будет вечной, если кто-нибудь «сменит батарейки» (© Бутусов).

К слову, Андрея Генриховича Григорьева-Апполонова я приглашать для бесед люблю. Всегда «Рыжий Иванушка» фонтанирует забавными байками да невероятными версиями.

Мы беседовали как-то на радио MediaMetrics; Андрей с неприсущей деятелям шоу-биза откровенностью поведал, что его «завидная спортивная форма», которую поклонники (точнее, поклонницы) обсуждают в соцсетях, увы, результат не спортивных достижений, а всего лишь… диагностированной язвы.

Порадовал АГА слушателей/зрителей и старинным «баяном» про свое знакомство с легендарным Юрием Антоновым: узрев звезду в самолете, начинающий гастролер от волнения не только попутал имя-отчество, но и расклад, выпалив: «Михал-Юрич, я ваш кумир»; увидев побагровевшую физиономию ветерана, попытался исправить ситуацию и уточнил: «Вернее, вы мой фанат». Здесь много смайликов положено.

Мне в прямом эфире MediaMetrics рассказал эту историю сам «Рыжий»:

«Мы с ним как-то на гастролях зацепились.

Большой маршрут: 12 городов, 15 дней. Автобус подбирает меня на Ленинском проспекте по дороге в аэропорт. Я захожу, сидят “Блестящие” (полный самолет звезд и друзей, молодежи), и на первом кресле, сбоку от водителя, сидит Юрий Михайлович Антонов, которого я в первый раз в жизни вижу в глаза (вот так – метр на метр). Его концерты ежегодно (Юрий Антонов – кумир детства) посещал систематически в Сочи. Сидит Юрий Михайлович Антонов. Я его вижу и теряю дар речи, потому что мы только начали, мы только стали звездочками. Я теряю дар речи и говорю: “Михаил Юрьевич, здравствуйте! Я ваш кумир!” Потом – раз: “Ой, простите. Вы мой фанат!” И тут Юрия Михайловича переклинило. Он не оценил. Его переклинило, и потом организаторы делали все, чтобы ближайшие 15 дней гастролей мы с ним не пересекались. То есть разные автобусы, разные входы на стадион и так далее».

Забавная история у Андрея и про то, что Ваня Ургант когда-то работал барменом и отчасти именно с

подачи «Рыжего» пошел «в большое плавание» по волнам ТВ-эфира.

Впрочем, «песня совсем не о том» (©).

Самая удивительная штука связана с «Полем чудес».

Ну, может, для меня «самая удивительная». Мы с Ларисой Кривцовой тогда работали над фильмом о Владе Листьеве. Поэтому я спрашивал про Влада всех, кто с ним так или иначе был знаком. И Григорьев-Апполонов удивил меня рассказом про то, что Листьев пытался рекрутировать его на место… ведущего «Поля чудес»!

Я знал, конечно, что Влад изначально пытался соскочить с отчасти клоунского места рядом с барабаном, который был сделан его же собственными руками, но то, что до Якубовича он пытался затащить на кастинг «Рыжего», я не знал. Думаю, это было бы совсем иное «капитал-шоу». И Андрей с его темпераментом не смог бы продержаться в эфире те два тысячелетия, которые тянет «Аркадич», как будто бы рожденный для фразы «Есть такая буква в этом слове». Есть такие люди в нашем шоу-бизнесе. И каждый, похоже, на своем месте.

Как Дмитрий Ревякин миф о себе разоблачил

А тот наш разговор о Цое с Градским меня таки озадачил. И, беседуя с рок-легендами, я к нему часто возвращался. Приведу фрагмент нашей беседы со строителем «Калинова моста» Дмитрием Ревякиным.

– Миф гласит: Ревякин не идет на контакт с журналистами.

– Я могу сказать, что, когда, как это сказать-то, удается такой момент, что, например, я или «Калинов мост» оказался на телевидении, я это воспринимаю, как чудо.

– Да? То есть сейчас мы все свидетели чуда. Да вы приходите к нам почаще и чудес будет больше.

– Но это уже не будет чудом.

– Это правильно, кстати, да, вот вы сейчас продемонстрировали способность к логическим конструкциям очень оперативно. Ну, то есть у вас же на самом деле, давайте без кокетства, должно быть какое-то объяснение, почему вас, как вы считаете, не часто зовут на ТВ. Хотя я всегда считал, что это как бы не надо, что это такая позиция. И что вы сами не идете на контакт.

– Ну, объяснение здесь может быть только одно. Что в медиапространстве, кто этим пространством рулит. Им это неинтересно, им это не нужно.

– То есть это заговор против Ревякина?

– Ну, можно сказать, что это заговор. То есть уйти в сторону конспирологии. И там уже начать эту тему развивать. А можно отнестись проще, как я. Им это просто непонятно, неинтересно. И они лучше пригласят, ну, там, не знаю, Градского, например, который им все объяснит.

– Вот это да! Вот вы сейчас прямо раз и по Градскому проехались. Кстати, с Градским мне прямо в этой же студии приходилось биться очень жестко в день юбилея Виктора Цоя, 50-летия Виктора Цоя. У Градского такой тезис: главное в музыке все-таки профессионализм. Вот главное – не посыл, как вы говорите, а вот там количество октав, умение выстраивать гармонии, понимание, что такое слабая доля, бла-бла-бла. Что это гораздо важнее. Вот вы меня поддерживаете в том, что в рок-музыке важнее все-таки не профессиональная составляющая, она не самая главная? Мик Джаггер или тот же Джим Моррисон, они же вообще петь-то, ну, прямо скажем, не умеют.

– Ну, это ладно. Это я не согласен с вами. А что касается, профессионализм или посыл, то я всегда склонялся, что и профессионализм, и посыл.

– Ну, что-то всегда ведь должно…

– Превалировать?

– Да.

– Но в рок-музыке, я думаю, все-таки посыл должен превалировать. Но профессионализм никто не отменял. И это просто будет глупо, если будет посыл, а подано будет бездарно, неинтересно, немузыкально.

– Ну, хорошо. Тогда привлеку вас в качестве третейского судьи: с персональной точки зрения Дмитрия Ревякина, кто больше отпечатал отечественную культуру (мы не говорим сейчас ни про рок-музыку, ни про музыку вообще, мы говорим про масскульт) – Александр Градский или Виктор Цой?

– Цой, конечно. И что тут можно обсуждать вообще?

– Нет. Ну, поверьте, что можно обсуждать, поверьте, что дискуссии вокруг этого разговора достаточно бурные.

– Я недавно был в Новосибирске. И слушал пластинку Градского на стихи Саши Черного. Великолепная работа. Но кто о ней знает? А мы ее слушали еще в общежитии, когда учились в институте и еще пытались попадать на концерты Градского. Ну, как это можно сравнить с Цоем, который точно попал в

эпоху, который точно нашел слова, чтобы выразить состояние и ожидания массового населения той эпохи? Ну, кто лучше его? Я не знаю таких. И при этом он еще последний интергерой. Не надо об этом тоже забывать.

– А, вы имеете в виду расовую составляющую, что он наполовину азиат?

– Конечно, да. Это еще наложилось. Ну, куда тут? Ну, тут не надо соревноваться с Цоем. Это бессмысленно.

PS. Кстати, с Владимиром Кузьминым, в этой книге упомянутым, я тоже говорил на эту тему. Цитирую наш разговор:

«– Я, знаешь, когда с рок-музыкантами говорю, всегда пытаюсь один для себя вопрос понять. Вот мы в этой студии беседовали с Александром Градским, тебе известным, в день 50-летия Виктора Цоя. И он озвучил тезис: на самом деле в музыке важнее не посыл-месседж, а профессионализм. Что, мол, Цоя не будут вспоминать, потому что у него низкая была профессиональная планка, а был только вот, ну то, что называется, месседж. И мне приходилось его прерывать все время, потому что, ну, это был прямой эфир, и это день 50-летия, как-никак. Просто мне казалось неуместным именно в этот день про это говорить. Но Саша очень настаивал на своем тезисе. Ты-то как считаешь, в рок-музыке важнее какое-то послание или важнее все-таки техника, и важно как это сделано, то есть музыкальная составляющая, что важнее для рок-музыканта, скажи мне?

– Ну, важно и то и другое. Но посыл все равно важнее, я считаю.

– Чем исполнение?

– Совершенно верно.

– Вот я тоже так думаю. Я думаю, что Градский здесь не прав.

– Хорошо, ну, на то она и рок-музыка».

Как Крис Кельми нашу рок-тусовку оценил

Незадолго до распада СССР мы с Крисом Кельми отправились в Штаты снимать клип на его песню «Старый волк» (я выше уже упоминал наш незабвенный вояж в связи с «эффектом марихуаны»). Это было время тотальной депры и серого уныния – «страна умирала как древний ящер с новым вирусом в клетках» © и многие подумывали, что «пора валить» ©.

Мы бродили по Нью-Йорку, и Крис буквально зависал у каждого из уличных музыкантов. В шутку я пробросил что-то типа того, что, у меня, мол, профессия неконвертируемая, а вот он, Крис, всегда сможет пару баксов заработать, играя в переходе метро. На что мой товарищ с грустной усмешкой ответил, что, увы, нет: здесь бродячие гитаристы исполняют партии намного грамотнее, чем любой из советских рокеров.

До этого я слышал аналогичные декларации лишь из уст Градского, сертифицированного мизантропа, любившего заявлять, что пение его коллег по цеху есть просто «пердячий пар» ©. А вот от Кельми, человека душевного и совершенно беззлобного, столь категорический приговор услышать было необычно. Порасспросил Крисулю: он объяснил, что школа за океаном на порядок выше и реально в местных кафешках группы профессиональнее, чем в каком-то Ленинградском рок-клубе.

Забавно, что до этого Джим Рокко и Пол Боунстил, американцы из Creative Video, приезжавшие отсматривать наши рок-команды, восхищались слаженностью игры Крисиного ансамбля (дело было, как помню, в Ярославле): им не могло и в голову прийти, что на концерте рок-банда играет под фонограмму «минус один»!

Ну а вообще говоря, профессионализм проявляется не только в умении музицировать. Например, горячие финские парни из The Rasmus потрясли меня: беседа с рок-квартетом была запланирована с таким расчетом, чтобы музыканты после прилета могли прийти в себя после перелета и поужинать. Однако столичные пробки внесли коррективы: из Шереметьево в Grand Marriott они ехали три с половиной часа вместо предполагаемых сорока минут. Как результат, вошли в отель, когда свет уже был выставлен и операторы приготовились. Финны без всяких капризов сели. Просьба ко мне была одна: не говорить с ними про еду («Мы дико голодные, можно хотя бы минералки попить?»).

А если бы речь шла не о звездах мирового калибра, а о нашей рок-шелупони? Ну-ну. «Самая красивая скрипачка мира» Ванесса Мэй и гитарист Queen Брайан Мэй предельно пунктуальны, а наши «открыватели ртом и совершатели движений жопой под фонограмму» (©Лурк) Тимати и Джиган опаздывают на съемку (первый минут на семьдесят, второй на два с половиной часа). Самойлов из «Агаты Кристи» и Варнава из Comedy Woman просто забыли о съемке и не приехали в студию. Где их ждали люди. Патриция Каас, задержавшись всего на пару минут, с улыбкой приносит извинения, а Рената Литвинова, опоздав на

несколько часов, ведет себя по-хамски, отыгрывая свои комплексы на тех, кого позиционирует как «обслуживающий персонал» (администраторы, гримеры, etc.). Это примеры из моей практики на канале «Москва 24».

Почему так? Медиаидеолог Марина Леско утверждает, что все дело в объемах гонораров: западные звезды, дескать, зарабатывают солидно и поэтому ответственно относятся к работе, составной коей и является общение с ТВ, а наши работают за скромное вознаграждение и поэтому отрываются как могут. Вот не готов принять эту версию. Размер здесь как раз не имеет значения.

А вот отношение к потребителю, пожалуй, имеет. В той же энциклопедии «Луркоморье» про Тимати сказано: «выращен в подземных лабораториях “Фабрики Звезд” для очередного срубания профита с быдло-публики, в особенности с гламурных кис и прочей шелухи, глубокомысленная лирика Тимати воплощает в себе мечты всех VIP'ов этой страны – ничегонеделание, вседозволенность – и получение за это жирного профита».

Не могу я принять и предъявленный мне тезис № 2 – об отсутствии в нашем шоу-бизе культуры. Ведь наши легенды безупречны: знают, что «точность – вежливость королей». И Борис Гребенщиков, и Андрей Макаревич не считают возможным опаздывать, а «калифы на полчаса» как бы помнят, что имел в виду Луи-Станислас-Ксавье (Людовик XVIII), которому молва приписывает максиму «Точность – вежливость королей, НО обязанность для их подданных». При этом в разряд последних попадает помянутая «ТВ-обслуга».

Уверен, что все без исключения должны отвечать за слова. И ноты. Ну и, конечно, «базары». И люди публичные – в первую очередь. Политика – самая прибыльная отрасль шоу-бизнеса. Пусть политики пример «открывателям рта» подают. А публика подаст то, что найдет за пазухой своей.

Как Костя Кинчев меня на августовские баррикады звал

19 августа 1991 года. Рейс «Аэрофлота» № SU-176 приземлился в Шереметьево в три часа ночи, за полчаса до того, как главный чекист державы Крючков объявит руководству КГБ, что «перестройка кончилась». Да, мы с женой вернулись «в ночь на путч», что дало основание знакомому депутату намекать в постпутчевой публикации, что я-де был в теме и журналисты слетались «на путч как мухи».

Прошли погранконтроль, таможню, взяли такси и доехали до дома. Полпятого утра 2-я Таманская мотострелковая, 4-я Кантемировская танковая и 106-я Тульская воздушно-десантная дивизии подняты по боевой тревоге. Еще через полчаса командующий Московским военным округом генерал-полковник Калинин получает из КГБ чистые бланки ордеров на арест.

В двадцать минут шестого Шенин поручил председателю Гостелерадио Леониду Кравченко «работать, как в дни похорон видных деятелей КПСС и государства». В шесть утра дикторы зачитывают ГКЧП. И в стык – сцены из «Лебединого озера».

Дома распаковались, ванна, кофе, то да се. Только отрубились, звонок от тещи. Включайте, мол, телевизор… Снова кофе, но уже с коньяком. Недорогим, армянским. Через час еще звонок, по звуку ясно, что «межгород». Старинный (нас познакомил в свое время Юлиан Семенов) приятель Франсуа Моро, с которым мы тогда работали над рукописью Les coulisses du Kremlin, жаждал деталей. Да все спокойно, говорю, ничего не слышно. И тут же услышал. Услышал мерный гул: по проспекту катилась колонна БТР. Тогда в город вошло 362 танка, 427 бронетранспортеров и БМП.

Выпили еще по 50. Армянского, из АрмССР. И персиками закусили. Азербайджанскими, из АзССР. Ведь Союз-то был един и нерушим.

Полдесятого позвонил генерал Калугин. Тот, который, как позже оказалось, был злостным предателем. А тогда вполне себе соратник Ельцина да Собчака. Очень бодро отбарабанил абсолютно программный текст, явно рассчитанный на тех, кто записывает. Про то, что ГКЧП – преступники и «их точно будут судить». Призвал собирать народ журналистский в Белом доме.

Около десяти я сел за телефон. Звонил, видимо, всем подряд, судя по тому, что наткнулся как-то на интервью Кости Кинчева, где он рассказывал, что узнал о перевороте от меня. Более того, из той же публикации узнал, что рокер-пассионарий звал меня на баррикады, а я, пообещав подтянуться, так и не появился у Белого дома.

Помню, что, набрав Ване Демидову, разбудил его супругу Лену, которая спросонья буркнула, что вы все, мол, уже заколебали: хватит звонить, поспать дайте. Добавила: «Все в порядке, мальчики (это о ведущих “Взгляда” Листьеве, Любимове & Политковском. – *Е.Д.*) уже там, в Белом доме, работают». От ее будничной деловитости и непоказной безмятежности стало как-то не по себе.

Набрал Тельману Гдляну. Его жена Сусанна сказала, что он уехал часов в семь. Мобильных тогда не было, не говоря уже об Интернете. Никто не знал, что Тельман Хоренович уже арестован и вместе с Владимиром Комчатовым и Николаем Проселковым спрятан в казарме ВДВ. Стало ясно, что ничего не ясно. Да, было пряное ощущение куража. Нездоровая возбужденность носилась в августовском воздухе. Захотелось еще коньяка. Жена неохотно согласилась присоединиться в обмен на клятву, что за руль я сегодня не сяду. Созвонился со спецкором CNN Морикой Олсон, с которой познакомился за несколько недель до этого в Атланте. Ей, говорит, совсем не страшно. Решил для себя, что протуплю дома, в Белый дом не поехал. Супруга аплодировала.

На следующий день поехал в суд. Так было запланировано. 20 августа 1991 года в два часа дня я судился в Ленинском райнарсуде. По так называемому «делу Рыжкова» (иск к бюллетеню «Совершенно секретно» по поводу моей статьи «Кто такой этот Рыжков?»). Здание суда расположено за гостиницей «Белград». Недалеко, в общем-то, от Белой Цитадели Ельцина на набережной. По дороге от дома до Смоленки я видел штук восемь БТРов, полдюжины танков и… примерно полсотни очередей за дынями. Дыни почему-то давали 20-го. Дыни. И многие больше были обеспокоены ценами на бахчевые, чем громыхающим по соседству путчем. Вспомнил мемуары ровесников доктора Живаго: они испивали кофию в бистро на набережных Питера, когда мимо маршировала обкокаиненная матросня на штурм Зимнего.

Утром 21-го мы с женой выехали за сыном-школьником, которого пасли наши друзья на даче под Ригой (ЛатвССР). Телефонную связь с Прибалтикой путчисты зачем-то обрубили, и как (и главное – когда) это закончится, было не вполне понятно. Часа в три дня слетели в красивый кювет на скорости явно больше 140, срезая стволы хилых придорожных деревцев. Мы с женой отделались сотрясениями мозга, сплющенными позвоночными дисками и вполне кинематографичными царапинами. Но гораздо больше мозг сотрясла веселая реакция гаишников (дело было в поселке Кунья под Великими Луками). На наш вопрос, как там, мол, дела у Ельцина, разбитной капитан хохотнул:

«Дела, бля, в прокуратуре, а у них там в Москве – делишки».

Долго я потом возмущался. Как же так! Судьба страны решается, а им насрать. Теперь тот офицер выглядит куда мудрее. Он-то понимал, что лучше в этой стране уже не будет, все перемены и пресловутые новые повороты – только к худшему.

Но тогда, в 1991-м, лично мне все было как бы ясно: кто – справа, кто – слева. Кто прав, кто виноват. Кто хороший, кто плохой. Я ненавидел узурпатора, понимаешь, Янаева с его пестрой командой и не одобрял поведение экс-коллеги по «Взгляду» Сергея Ломакина, к которому вице-президент обратился на «ты». Я гордился многочисленными своими друзьями, что нешуточно рисковали жизнями в коридорах Белого дома. Не надо тогда было мучиться с выбором. А сейчас, похоже, не то что надо, но приходится.

Конечно, я не мучим ностальгией по застойным временам; меня Родина-мать засадила за тюремную решетку, когда мне было 20, – и фактически за что? За чтение неправильных книжек. Однако чувство уверенности в завтрашнем дне тогда было. Была уверенность, что будет так же хреново, как всегда. Есть два способа прожить жизнь. Две основные мули, как говорит один мой знакомый.

Две. Можно либо БЫТЬ, либо ИМЕТЬ. Россияне всегда выбирали первое. Поэтому не могло быть и речи о конкуренции Запада. Сейчас что-то непонятно. Стало быть, мы можем проиграть. И зачем тогда нужно было побеждать тем августом?

Как Сергей Бобунец Костю Кинчева любил

Про Кинчева, кстати, любопытный был пассаж в моем разговоре с основателем «Смысловых галлюцинаций» Сергеем Бобунцом (см. выше).

– Сергей, в одном из ранних интервью вы говорили, что у вас «Алиса», ну, в частности, Костя Кинчев, перепахали. Вы дружны?

– Нет.

– А переоценка произошла вкусовая?

– Нет, ну конечно, ну вы представляете, я ребенком, не знаю, сколько мне было, 14 лет или 15, получил альбом «Энергия» группы «Алиса», который еще не хард-рок, а что там, новая волна, да, то есть вот электронные звуки там, безумно красиво, модно, как-то невероятно, да. И сейчас ну, совсем другие ощущения. Во-первых, я вырос. Во-вторых, группа «Алиса» изменилась, и так далее. Но, в принципе, как сказать, я действительно очень любил «Алису» и люблю рассказывать историю, как надо любить группы. Ну, то есть вот приезжает группа «Алиса» и дает вот во Дворце спорта три дня, значит, то ли 8, то ли 7 концертов за три дня.

– И вы на все, да?

– Ну, я не на все, но на пять я сходил, то есть каждый день и не по разу. Вот так я Кинчева любил… <…> И хотел сказать, про Костю Кинчева и вообще про отношение. Я всегда людям, которым могу сказать, говорю, что, ребята, не приближайтесь к звездам, к своим кумирам, пожалуйста, ну, не дай Бог. То есть я не к тому, что там все ужасные, но просто, не дай Бог, разочаруетесь. То есть я до сих пор, например, когда смотрю на Славу Бутусова, когда я в Питере выступаю, я смотрю – боги, боги. Просто как бы до сих пор у меня такое трепетное отношение. И вот пусть оно такое и остается.

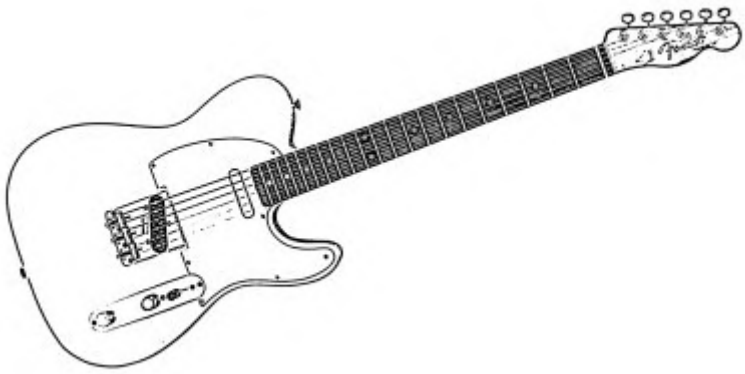
– Ну, как бы существует тезис, что талант не облагораживает своего носителя, что личное знакомство близкое может разрушить.

– Нет, ну, есть другая теория, что процент хороших людей одинаков, поэтому как бы…

– В шоу-бизнесе говорят, что меньше.

– А мы не из шоу-бизнеса. У нас нет шоу-бизнеса. В Екатеринбурге.

Как Юрий Лоза свою овчарку спасал



Юрий Лоза рассказывает:

«Когда-то у нас была собака – добродушнейший пес швейцарской породы с красивым названием “бернский зенненхунд”. Защитник из него был никудышный, мало того, если бы к нам залезли воры, он облизал бы их с ног до головы. Но все менялось, когда он видел на улице кобелей сравнимой с собой комплекции – бросался в бой сломя голову, и удержать его было крайне сложно.

Однажды он “нарвался” на стаффордширского терьера, понятия не имея, с кем имеет дело, причем полез в драку сам. Закончилось все предсказуемо – вместе с хозяином питбуля мы еле вырвали моего забияку из железной хватки “стаффа”.

Я вызвал знакомого ветеринара, тот обработал раны и объяснил, почему у швейцарской овчарки нет шансов против собак бойцовских пород. Бернский зенненхунд воюет до первого укуса (до первой крови, до бегства противника, до удовлетворения самолюбия и т. п.), питбуль же – до полной и окончательной победы. Изначально выведенный как пастух, “швейцарец” должен только прогнать волка, поэтому время битвы у него ограничивается двумя-тремя минутами, а у питбуля – смертью врага, и время здесь несущественно.

А вспомнилось мне все это из-за войны, где точно так же заметна разность в мотивации. Одни воюют за деньги (за "целостность страны”, “против сепаратистов”, и т. п.), другие – за свой дом. Время военных действий одних – пока не кончится финансирование (до октября, до первых поражений, предательств, дезертирств и т. п.), у вторых – до смерти, желательно чужой, потому что отступать им некуда».

Вообще говоря, Лоза недооценен как рассказчик, мне кажется он свой литературный дар похоронил в недрах соцсети Марка Цукерберга. Воспроизведу, в качестве иллюстрации, его первомайский пост:

«В моей памяти все Первомаи слились в один, выделяется только 1977-й год в Алма-Ате, и вот почему.

Я работал солистом в кабаке. На 1 мая мы договорились с одной воинской частью, что дадим им дневной концерт за весьма неплохие наличные деньги, что было явной удачей. В 11 утра военные машины подъехали к ресторану, мы погрузили аппаратуру и уже готовы были стартовать, но тут позвонила жена барабанщика и сказала, что “Сашка пьяный в дупель и спит как убитый”. Поняв, что концерт может накрыться медным тазом, мы рванули в место, которое знали все музыканты города, – дворик возле дома одного из лучших барабанщиков Азии Тахира Ибрагимова. В этом дворе частенько тусовались музыканты,

и была надежда кого-нибудь перехватить. Там никого не оказалось, но (о, чудо!) мы встретили самого Тахира, который с висящим на пузе дорогущим малым барабаном “Людвиг” возвращался с первомайской демонстрации, где халтурял в духовом оркестре.

Он успел существенно “принять на грудь” и собирался вздремнуть до вечера, но кто же от дневной работы отказывается!

Этот концерт мы составили из самых известных и позитивных песенок, чтобы соответствовать дате. От Тахира требовалось только тихонько поддерживать ритм, не мешая солистам, но…

В тот день я понял, что хуже пьяного барабанщика может быть только пьяный лауреат джазовых конкурсов, ведь песня “Ландыши” с его подачи превратилась в яростное соло на ударных».

Как Подгородецкий узнал о своих еврейских корнях

Родные Петра Ивановича Подгородецкого скрывали от мальчика родословную. Но талантливый музыкант вычислил правду сам. Когда он в порыве вдохновения сочинил вещь под названием «Фрейлехс», то решил позвонить матери. Исполнив песню на рояле, спросил: «Ну, не может русский человек написать такое за полтора часа?!» Только тогда Виктория Ивановна призналась: есть, есть еврейские гены.

Как чадо Чачи чуть не появилось на свет во время рок-шоу

Основатель «Наива» Александр «ЧАЧА» ИВАНОВ как-то рассказал мне о том, что его единственное чадо чуть не появилось на свет во время рок-концерта. Небольшой фрагмент того интервью, в котором панк-герой поведал о своей работе в Штатах.

– Первая наша пластинка вышла в Америке.

– В каком году?

– В 1992 году.

– Я насколько понимаю, вы ведь сейчас прямо прилетели из Америки?

– Да, да. Я только что вернулся.

– За кого вы голосовали, кстати?

– Я не голосую. Я – не гражданин.

– Хорошо. Но у вас супруга – гражданин?

– Гражданка, да.

– Гражданка за кого голосовала? Если это не секрет.

– Нет, не секрет. Я полагаю, что она голосовала за Обаму. Она, в общем, симпатизирует демократам. То есть вот, выбирая из двух зол, она выбирает меньшее в лице демократической партии.

– То есть это ваше предположение? Вы не обсуждаете в семье эти вещи?

– Ну, вы знаете, не всегда, не всегда. То есть вот это некие такие вещи, которые меня напрямую не касаются, да. Но я же не могу голосовать за Ромни или за Обаму. И это вопрос не мой. Ну, и как бы, ну, пускай она сама определяется с этим. Мне тут ей посоветовать нечего. Я могу по нашей политике. Вот если она когда-нибудь, моя супруга захочет…

– Нет, от Америки не будем уходить. Потому что меня смущает, что в энциклопедии в сетевой все время как-то светофорит вот эта строчка с вашим местом рождения. То вы в Нью-Йорке родились, то как бы совсем наоборот, в другом полушарии. Вы где на самом деле родились?

– Я родился в Нью-Йорке. Так получилось, мои родители работали…

– Номенклатура, да, были дипломаты, чекисты, торговцы?

– Работали в Америке в это время в посольстве. Поэтому, то есть так получилось, что я родился там.

– А у вас с вашей американской супругой есть дети?

– Да, да.

– И они – американцы тоже соответственно?

– У них двойное гражданство.

– Ну, расскажите про детей тогда.

– Ну, что, дети? Да, дети – наше будущее. Это как бы такая непреложная банальная истина, которая немножко уже надоела. Но, тем не менее, это факт. И в этом смысле, что о них сказать? У меня дочь.

– Музыку уже слушает?

– Но она музыку слушать начала сразу. Если честно, так получилось, что как-то так.

– Нет, но если по Марку Болану, то просто в утробе матери уже начинать слушать надо.

– Жена, кстати, ходила на восьмом с половиной месяце на концерт Sex Pistols в Москве. Это было довольно сложно организовать. У нее огромный живот. Лужники. Толпа народу. Духота, жара. Июнь. Но, короче, все, я думал, что, скорее всего, она родит на концерте. Но нет. Бог миловал.

– Это было бы очень символично, кстати, для дочери рок-музыканта.

– Да, но вот, но вот как бы, да, начала она ее слушать довольно рано эту музыку. Ее зовут Аврора Александровна.

– Аврора она не в честь ди-джея Авроры? Имя-то не самое обычное.

– Она носит такое имя, потому что мы познакомились на корабле, который назывался «Аврора». Но не на легендарном там, революционном. А такой, по Москве плавал. Был такой момент.

– Не в годовщину революции?

– Нет, нет. Это никак не связано, нет. С революцией это не связано. Но, по крайней, напрямую.

– Я еще понимаю, что американские туристы или американка делала на «Авроре». Что там делал Чача Иванов?

– А там был концерт. В это время группа «Ленинград» выступала в Москве. Она была запрещена. Однако они выступали на разных корпоративах. Там, по-моему, как раз небезызвестный вам, да и всем, наверное, нашим телезрителям Чичваркин отмечал какое-то мероприятие. И там мы познакомились, я пришел, потому что я не мог попасть на концерт «Ленинграда». И мне было интересно, о них в это время очень много говорили.

– А «Наив» когда-нибудь где-нибудь запрещали?

– Да. Он запрещен в Белоруссии. Группа «Наив» запрещена в Белоруссии.

– Но а вам-то въезд не запрещен, допустим, в Белоруссию, как гражданину?

– Вы знаете, со мной ходили люди, обсуждали, может ли группа «Радио Чача» играть. Мне казалось, что может. Раз, ну, «Наив» запрещен. Но о «Радио Чача» ничего не написано. Но, когда организаторы начали уточнять, прорабатывать вопрос, они поняли, что, ну, все-таки нежелательно.

– А с кем этот вопрос прорабатывается, с КГБ белорусским?

– Я даже не знаю, я даже думаю.

– Но там есть какой-то реестр?

– Я думаю, скорее всего, это так происходит. Это прорабатывается в голове у человека, который отвечает на этот вопрос. Он сидит и думает, так, а вот «Чачу» надо вести? Нет, наверное, не надо. Скажу, что проработал. Ну, он, действительно, проработал. Он подумал, как следует.

– Понятно. Но если человек не хочет, чтобы потом закрыли его клуб.

– Этот же список он не подтвержден официально никогда.

– Ну, как, собственно, и в Советском Союзе.

Как команда пловцов стала рок-командой

Анатолий Алешин эту историю рассказал Владимиру Марочкину на «Специальном радио» в 2007 году. Про то, как появился на свет коллектив «Ветры Перемен». Итак, слово Алешину:

«Мы были пловцами-брассистами: Саша Чириков, Витя Остренин и я. Мы все учились в авиационном техникуме имени Годовикова и выступали на межведомственных соревнованиях по плаванию за наш техникум. Так и познакомились. Как-то завязался общий разговор, в ходе которого выяснилось, что мы все любим “Битлз”. Вот Саша Чириков и предложил: “А давайте создадим ансамбль! Я тут ноты “Битлз” достал!” И тут же вытащил фотографии переснятых откуда-то нот. Я говорю: “Да я даже на гитаре не умею играть!” – “Но ты же скрипач! Чего тебе стоит?” – “Ну, давай!”. Вот так родилась наша команда. А вначале это была команда пловцов…

Потом Саша привел своего брата Игоря, который хорошо разбирался в технике, сам паял какие-то усилители. Первые гитары, на которых мы играли, были сделаны руками братьев Чириковых. Они делали их у себя дома: пилили, паяли, красили, лады вбивали. Вся квартира у них пропахла нитролаком. Однажды у нас на вечере в техникуме выступала группа с красными чешскими гитарами, вот и они сделали такие же красные гитары. Мы лазили через забор на мебельную фабрику за древесно-стружечной плитой, искали буковые палки для грифов. У них там была свалка, где валялись всякие обрезки. И вот из этих обрезков мы выбирали куски, подходящие по размеру, чтобы из них можно было вырезать гитару. А первые датчики были переделаны из телефонных трубок.

Игорь очень любил музыку, занимался у педагога по классической гитаре, отращивал ногти, чтобы играть на ней. Но у него со слухом было не очень. И мы решили: “Будешь бас-гитаристом! Бас-гитаристу слух не нужен!” Саша Чириков вообще никакого отношения к музыке не имел, поэтому мы ему сказали: “А ты будешь барабанщиком!” А вот Витя Остренин когда-то учился играть на баяне в музыкальной школе, то есть у него был слух, но он был крайне зажатым и стеснительным мальчиком. Заставить его петь на сцене оказалось невозможно. Есть такая порода закрытых людей. Поэтому Витя играл ритм. Все остальное досталось мне: и соло-гитара, и пение. Я был лидером.

Разумеется, мы все любили “Битлз”. Это же был 1967 год! Только что вышли Sgt Pepper’s Lonely Hearts Club Band и Magical Mystery Tour! Это все было так горячо!

Потом Игоря Чирикова мы поменяли на другого басиста, на Сережу Гусева, а барабанщиком мы взяли Володю Горбаченко. Они играли в нашем же техникуме, но в соперничающей группе. А братья Чириковы переместились на другие позиции: Игорь стал радиотехником и звукорежиссером, а Саша – администратором. И оттуда же, из конкурирующей группы, пришел органист Саша Штерман, тоже наш, годовиковский. Этим составом мы выступали около года, а Саша Лерман пришел только в третий состав!

Как правило, мы выступали на вечерах в нашем техникуме и в близлежащих техникумах и школах. Саша Чириков их обходил и предлагал услуги для проведения вечера. Но это бывало не так часто. Может быть, раз или два в месяц.

Коллектив благополучно на тот момент существовал, но после одного из сейшенов в английской спецшколе на Садовом кольце наш приятель Сережа Старостин подошел к Чирикову и рассказал, что его друзья учатся в центральной музыкальной школе, что у них есть группа, которая называется “Виолончелисты”, и там есть парень, который очень классно поет! “Ну, приводи своего парня!” – сказал Саша Чириков. Это и был Саша Лерман. И он привел Сашу на репетицию.

Тот сел за пианино и начал петь песни из репертуара “Битлз” и “Роллинг Стоунз”. Мы остолбенели (судьба Саши Штермана была решена в тот же момент). А Лерман говорит: “А у меня еще и басист есть хороший, его зовут Миша Кекшоев”. Короче, следующую халтуру мы играли уже в новом составе. Из прежнего состава “Ветров Перемен” остались только я и барабанщик, клавишником теперь был Саша Лерман, а басистом – Миша Кекшоев.

У меня была мечта, чтобы трехголосие звучало, как у “Битлз”, и когда в группу пришли Лерман с Кекшоевым, эта мечта осуществилась. В этом составе мы исполняли песни Саши Лермана, такие, например, как “Зеленый дол” или “Лестница”. У нас было великолепное трехголосие, на тот момент одно из лучших в Москве. Собственно, и с моим уходом эти традиции продолжились, потому что Лерман взял в группу консерваторских ребят.

В 1968 году мне пришла пора идти в армию. Моя армия и прервала мою работу в этом коллективе. Там не обошлось, конечно, без интриг: “Алешину все равно в армию идти, давай его уже сейчас заменим!” Отработали мы лето в кафе “Времена года”, и до меня дошли слухи, что, поскольку мне через месяц уходить в армию, ребята хотят обновить состав. Я думаю, что такая идея шла от Саши Чирикова. Но Саша Лерман ее поддержал, что оставило на наших отношениях очень нехороший налет.

Интересно, что “Лестница” кочевала с Сашей по всем коллективам, где бы он ни работал. А появилась она при мне. В кафе “Времена года” мы как раз пели эти две песни – “Лестницу” и “Зеленый дол”. Это был 1968 год. Но это – сухая ветка. Продолжения-то никакого не последовало. Ведь с тех пор прошло уже сорок лет – кто-нибудь подхватил это?

Саша Лерман – безумно талантливый человек. И Сережа Дюжиков, и Юра Валов. Но они оказались в яме, которая образуется между тем, с чего все началось, и тем, во что все это переросло впоследствии. Для Советского Союза это переросло в “Веселые Ребята” и “Самоцветы” – то есть во вполне профессиональную струю постбитловской музыки, которая этнически была совершенно наша, привязанная к этой почве, любимая нашими людьми. А Саша остался в той яме. Впрочем, когда я говорю о Саше Лермане, я одним этим словом обозначаю целое поколение: и Юру Валова, и Сережу Дюжикова, и многих других. Мы все любили и “Битлз”, и “Роллинг Стоунз”, и Джимми Хендрикса, мы все начинали в том времени, но мы пошли дальше, а они остались в прошлом. Потому Саша и Юра, видимо, и уехали в Америку в 1975 году. Они пытались найти там нужный контекст.

“Веселые Ребята” и “Поющие Гитары” – вот это была живая ветвь. Правда, Саша Лерман и иже с ним называли это “совком”. И я называл это “совок”. Но это и должно было быть “совком”! Поскольку невозможно искусственно скрестить американский рок-н-ролл и русскую народную песню. Это напоминает, как Мичурин делал антоновку. То, что делал Саша Лерман, весь этот “биг-бит по-русски” – мичуринская антоновка, клюква развесистая! С таким мнением вы не сталкивались никогда? И время показало, что были правы “Веселые Ребята” и “Поющие Гитары”, а не Саша Лерман, потому что выбираем-то не мы. Вот если бы мы выбирали, а выбирает народ. Он и ставит либо точку, либо запятую: продолжение следует… Представь себе, в каких условиях мы жили в Советском Союзе? Тотальное

коммунистическое правление! И то, что рок-движение вылилось в совершенно самостоятельную музыкальную форму, такую, как ВИА, – это чудо! Народ приспособился сам, приспособил под себя эту музыку, и она выжила, причем имела колоссальную популярность и даже обеспечивала духовные потребности нескольких поколений советских людей. И родила своих героев!»

Как Градский слова придумывал и заступался за вождей ГКЧП

Самое известное из «градского новояза» – презрительное «журналюга». Как это было, помню. Весна 1993-го, участники ГКЧП только что освобождены. Мы втроем (Градский и я с женой) приехали на съемки «Пресс-клуба» с Градским, куда меня пригласили редактора популярнейшей в начале 90-х программы. Там журналисты «допрашивали» гэкачипистов. И в какой-то момент последний премьер СССР Валентин Павлов не выдержал, нападки его достали. Потому что накануне в «МК» опубликовал выдумку Саши Минкина: премьер-министр Советского Союза торговал на улицах Стокгольма знаменитыми командирскими (наградными) часами, чтобы добыть деньги на опохмел.

Я стоя у самого входа (сесть наша троица отказалась, мы заскочили просто отметиться как бы), наблюдал за перепалкой: провокатор Минкин сидел буквально в метре от экс-премьера.

После того как один из коллег бросил недавно освобожденным узникам “Вы – дерьмо!”, Шенин и Павлов встали и «покинули здание». И тут в полемику вступил Градский, заявив: хам-журналист должен извиниться перед гостями «Пресс-клуба». Тогда впервые и прозвучало это «журналюги». Кира Александровна Прошутинская тогда парировала и стала величать дерзкого спорщика не иначе как «певец Градский», акцентируя его некомпетентность в политических разборках: мол, его миссия петь, а не спорить. Однако при монтаже его реплику все-таки не купировала: профессиональное чутье подсказало, что живой пластический момент украсит эфир.

Юный Дима Быков тогда рассердился. После эфира ведущие СМИ напали на АБГ. Александр Аронов, Лева Новоженов и другие причитали: «отец советского рок-н-ролла» «пал», «потерял», «утратил». Но! Но Градскому тогда оборвали телефон все, поздравляя с «выступлением».

И дело было не в любви к ГКЧП, за представителей которого Градский тогда вступился, а в импульсивной искренности человека, который отреагировал на ситуацию естественным для себя образом,

не задумываясь о том, как и что нужно сказать. Сам АБГ пояснял: «Телевизионная группа договорилась с Павловым и его соратниками, что они придут на разговор. Но вместо этого было открытое хамство… Еще я заметил, что меня постоянно снимают, хотя я расположился в самом конце зала и не собирался ничего говорить… Я понял, что происходит все это безобразие без моего участия, а при монтаже получится, что я заодно с “журналюгами”, которые нападают на людей. Поэтому я открыто высказал все, что думаю. В зале было несколько людей, которые думали так же, как я. В “МК” же написали: “Авторитет так трудно завоевывается, а теряется за пять минут”. Но это они так думают. На самом же деле среди людей, которые понимают, что такое нормальные человеческие отношения, я только укрепился как человек с авторитетом. Со стороны Киры был прекрасный журналистский ход. Она оставила все как есть, сохранив остроту конфликта и резкий тон. Прошло уже столько лет, а об этом все вспоминают».

Между прочим, АБГ очень потом сошелся с парой Малкин/Прошутинская: у них дачи рядом в Новоглаголево (позднее, осенью 1994 года, мы все накупили там участков – мой был между гектаром Саши Толмацкого и территорией Градского; недалеко строились Крис Кельми и основатель Moroz Records Александр Морозов).

А еще АБГ придумал словечко «совок». Он говорил: «Мы с Юрой Шахназаровым выпивали в песочнице. У меня вместо стакана был детский совок за 23 копейки. Затем я написал песенку». Из тех, что не прижились, помню «башлевик» и «целкомудренность».

Любопытно, что «совок» со временем приобрел несколько иную коннотацию. Как-то к 13 января кинематографист Елена Райская сыронизировала у себя в блоге:

«В Новый год по СТАРОМУ стилю хочется пожелать всем НЕМОЛОДЫМ, но все еще мыслящим людям – избавиться от застарелой совковой привычки регулярно засирать свою собственную страну. Понятно, что так оно было принято во времена нашей тоскливой молодости: засрать Совок (тайно или явно) считалось доблестью. Ненавидеть его – было правилом честного человека. Хула совковой власти полагалась высшим мужеством. Но теперь-то это атавизм, ребята-старики. Это не модно совсем, не тренд. Это то, что делает вас, мои ровесники, отрезанным ломтем. Очнитесь. СССР давно нет. Усатый не правит. ГУЛАГ закрыт. Совок давно пал. Здесь – Россия. Совсем другая страна, ей-богу. Интересная, сложная, странная, но, б… ь, зуб даю, это не Совок! Выходите из подполья. Возвращайтесь к жизни».

К сожалению, околополитические экзерсисы многих наших рок-кумиров доказывают, что занятия музыкой притупляют некоторые из рецепторов: и не могут они проникнуться тезисом Райской, по-прежнему ощущают контекст брежневской эпохи, когда цементировалась их слава. Короче, перефразировав древний тезис, можно констатировать: из совка можно эмигрировать, но порой не получается искоренить из своей души.

Есть, конечно, и обратная сторона, емко и точно сконцентрированная в строчках песни «Наутилус Помпилиус», ставшей «гимном неформальных прозападных движений эпохи Перестройки»; это «Последнее письмо» (известной фанатам Бутусова/Умецкого как «Гудбай, Америка»).

Александр Кушнир в своих знаменитых мемуарах «100 магнитоальбомов советского рока» писал:

«Работа над альбомом начиналась поздно ночью, после того, как вся необходимая аппаратура была собрана, а соседи Димы Воробьева по пятиэтажной хрущевке уже спали глубоким сном. Однокомнатная квартира Воробьева была разделена на две части. Портостудия, клавиши, ревербератор и остальная аппаратура находились в комнате, а кухня была превращена в дискуссионный клуб и распивочную.

“Выходить из дома было некогда, поэтому все происходило нон-стопом, – вспоминает Порохня. – Спали вповалку по-спартански, прямо на полу. Когда, проголодавшись, мы с Тариком поинтересовались у Умецкого, нет ли чего поесть, он радостно извлек из-под кухонного стола ящик портвейна – спецпитание за

спецвредность”.

“Это было рубилово на выживание, – говорит Умецкий. – Действительно, в то время мы часто искали утешение в портвейне. Но именно остатки юношеского задора позволили нам этот альбом сделать. Несмотря на то что к концу записи мы уничтожили невероятное количество спиртного и превратили квартиру в полный бардак, работа шла достаточно четко”.

Технология записи “Невидимки” по степени изобретательности оставляла далеко позади не только Полковника с Тропилло, но и Кулибина с братьями Черепановыми. Поскольку денег на покупку второй металлической пленки не было, имевшаяся была разрезана на две сорокапятиминутные части.

На первую часть писалась болванка: в заповедной “Ямахе” включался ритм-бокс, Бутусов нажимал на немногочисленные кнопки, Комаров, пытаясь не забыть гармонии, играл свои партии, а Умецкий с энтузиазмом рубился на басу. Затем на болванку накладывались со второй кассеты гитара Бутусова и пропущенный через ревербератор вокал.

Необходимо отметить, что это был первый альбом “Наутилуса”, на котором Бутусов наконец-то определился с собственным вокальным стилем. Нервная заунывность, низкие тембры и мрачные интонации придавали песням необходимую эмоциональную окраску. Бутусов привнес в “Наутилус” не только настроение, но и нечто такое, что отличает неученого гения от образованных посредственностей. И сердца даже самых отчаянных скептиков дрогнули.

…Музыкально “Невидимка” покоился на трех китах увлечения акустическим Led Zeppelin, энергетикой ленинградских групп и стилистикой Police, альбом которых Synchronicity Бутусов услышал незадолго до записи. Соответственно, большая часть “Невидимки” получилась эклектичной: несколько нововолновых рок-н-роллов (“Маленький подвиг”, “Буги с косой”, “В который раз я вижу R’N’R”), босса-нова (“Гудбай, Америка”), а также мистические и абсурдистские произведения (“Свидание”, “Мифическая столовая”, “Превращение”).

“Славу тогда сильно тянуло в ска и в ленинградские дела, а я к Питеру относился спокойно, – вспоминает Умецкий. – Моя позиция заключалась в следующем: “Не можешь играть сложно – играй просто. Главное – чтобы были энергия и драйв»”.

В итоге упор был сделан на упрощенную ритм-секцию, которая, несмотря на отсутствие живых барабанов, должна была нести мрачную энергетику, ритм и в конце концов добивать слушателя. Спустя пару лет подобная ориентация на несложный ритмический рисунок начала прослеживаться у группы “Кино”. Драматургия будущего альбома состояла из двух частей: “Как я стал невидимкой” и “Я невидимка”.

“Это был плод моего больного воображения, – вспоминает Бутусов. – Я человек хоть и не умеющий делать концепцию, но все время к этому стремящийся. Возможно, тогда мы чисто интуитивно пытались подобным образом нагнать пафоса”.

… Ближе к концу записи эпицентр жизни в “веселой квартирке” стал плавно перемещаться из “студии” в “закусочную”. Началась весна. С лыжной прогулки вернулся Дима Воробьев с женой. Увидел заваленную пустыми бутылками квартиру, но ругаться не стал. Взяв кинокамеру, будущий директор ТПО художественных фильмов Свердловской киностудии отснял на 8-миллиметровую пленку фрагменты последних дней работы. Теоретически эта пленка сохранилась где-то на антресолях московской квартиры Умецкого. По свидетельству его супруги Алены Аникиной, “они там сидят в шерстяных носках по колено и что-то мычат. Ужасно смешно”. Финал записи “Невидимки” и впрямь проходил неправдоподобно весело. Отмечать завершение недоделанного альбома музыканты и звукооператоры начали еще до записи “Гудбай, Америка”. По воспоминаниям Бутусова, первоначально эту композицию записывать вообще не планировалось: “Мы ее не отрепетировали, поскольку она игралась в реггей и для этого нам надо было

разучивать какие-то инструментальные ходы. Потом решили попробовать записаться на шару. Там, мол, посмотрим. К тому же Порохня сказал: “Отличная песня получается. Почему бы и нет? Давайте попробуем”. И мы ее состряпали тут же – прямо на ходу”.

“Все происходило под хиханьки-хаханьки, – вспоминает Порохня. – По-моему, мы с Тариком в “Гудбай, Америка” даже подпевали. Все было настолько бодро и в кайф, что попросту не с чем сравнивать. Это единственный альбом, который так писался – я потом еще много записей видел”.

“На последней репетиции мы перепробовали несколько вариантов “Америки” – до тех пор, пока Комаров случайно не включил ритм bossa-nova, – вспоминает Умецкий. – Кнопки с reggae на Yamaha PS-55, кажется, не было вообще. И вдруг мы увидели, как все просто играется и получается само собой… Может быть, немного сладковато и попсово, но очень мелодично”.

Записав “Гудбай, Америка”, музыканты и не предполагали, что как бы между прочим создали гимн своего поколения. Того самого поколения, которое понимало, что что-то из этой жизни безвозвратно уходит, но не всегда понимало, что именно. “Америка” резко выделялась на фоне остальных песен, смысл которых был вполне очевиден, но почти непередаваем словами. Много мистики и минора, страха перед неизвестностью, навязчивых мыслей о смерти, декадентского пессимизма, порой переходящего в самооплакивание. Щемящее ощущение взгляда из-под воды, когда сдвинуты пропорции, нарушены масштабы, а очертания размыты…»

Да, верно замечено: очертания были размыты.

«Мне стали слишком малы
твои тертые джинсы
нас так долго учили
любить твои запретные плоды».

Ровно через тридцать лет после записи «Прощального письма», в 2015 году публицист Олег Одинцовский у себя в дневнике поставил диагноз этим настроениям, которые всем нам были знакомы, а многих рокеров не «отпустили» по сию пору, они по-прежнему очарованы Западом и не видят расклада:

«Главное, что произошло у нас и в нас самих, – это глубокое разочарование в Европе, прежде всего. Как в культурном, цивилизационном, метафизическом, если угодно, явлении. Разумеется, для того, чтобы разочароваться, надо сначала очароваться. И это было. Ведь многие искренне верили, что ТЕ – на голову выше нас, высококультурные сверхчеловеки (в пределах московского Садового кольца многие верят до сих пор). Так бывает, когда думаешь о ком-то, как о тонкой и одухотворенной личности, а выясняется, что он руководствуется примитивными животными инстинктами: пожрать, спариться, отпихнуть самца-конкурента. Так и тут: вместо культуры, справедливости и ценностей мы увидели тупой геополитический инстинкт. Четверть века не хотели в это поверить, но нас практически заставили силой. Теперь, когда они там в очередной раз пыжатся, выдумывают новые санкции, по инерции считая себя моральными авторитетами, за дружбу с которыми должен биться каждый, – мы смотрим на них с грустью, как на опустившегося человека, в которого еще недавно верили, как в самих себя.

Нет, наше отношение к Пизанской и Эйфелевой башням, к мюнхенскому и пражскому пиву ничуть не изменилось. Но Европа перестала быть чем-то сакральным, потусторонним, чем были колбасные евровитрины для первых советских и постсоветских туристов. Не потому, что там что-то изменилось – стали хуже дороги или машины. И не потому также, что мы сами возомнили о себе: себя мы порой не любим и не уважаем еще больше, чем европейцев. Треп либералов – “ну да, ну да, мы, типа, такие духовные, что гадим в подъездах, а они, развратно-загнивающие, моют улицы шампунем” – все это ни о чем. Не то, не то.

Мы не стали лучше, они не стали хуже. Просто мы увидели их без розовых очков. Такими, какие они

есть. Не прынцами из сказок и не небожителями, а обычными людьми со своими комплексами, тараканами в головах и скелетами в шкафах. Мы ведь правда поверили, что “холодная война” закончилась, что не будет этого примитивного: “эти должны быть за нас, Россия без Украины – не империя, а здесь мы переворотик сварганим и своего человечка посадим, советничков ему подкинем; здесь бы провокацию покруче – самолетик там или еще какую маршрутку, и из всех независимых медиастволов залпом врежем, и новые санкции придумаем – побольнее, поизворотливее, с оттяжечкой”.

С горечью мы смотрим на всю эту низкопробную суету тех, кого еще недавно уважали, считали примерами для себя, некой идеальной целью, к которой надо бы и нам стремиться, – и ощущаем, что той недосягаемо высокой Европы, с которой нас связывали прежние идеалы общей веры и Просвещения, уже, видимо, не будет. А будет то холодный и расчетливый враг, включающий убитых русских в Донецке в свои калькуляции, то напыщенный бонвиван и сноб, считающий всех прочих расово (демократически, технологически, ценностно – не суть: для него это одно и то же) неполноценными, то занудный ментор, который вечно лезет в чужие дела и в итоге делает другим только хуже, то банальный Плюшкин, который все подряд – страны, ценности, ресурсы, мигрантов – тащит в свою пыльную кучу и никак не может остановиться.

Произошло самое худшее из того, что могло произойти для “наших европейских партнеров”: нам стало практически все равно, что они о нас думают. Хотя мы действительно так устроены, что порой ревностно относимся к тому, как нас видят другие, – и за доброе слово можем последнюю рубаху отдать. И они тоже, в свою очередь, привыкли, что перед ними все заискивают, пренепременно стараясь понравиться и услышать похвалу из их уст.

До недавнего времени это совпадало. А теперь вдруг перестало – чего они еще не поняли. И все еще по инерции считают, что уже очень скоро мы будем стремиться любой ценой восстановить свой имидж в их глазах, вернуть инвестиционное и всякое прочее доверие, заискивать, чтобы нас опять похлопали по плечу: “я, я – кароши рюсски мальтшик, дас ист дайн кредит-конфетка под маленьки процент, богати европейски дядя опять добри”.

Но нам это уже неинтересно. Мы будем, конечно, стараться убрать всю эту напряженность, вернуть нормальную торговлю, снять остроту в сфере безопасности – но для нас это будет уже с другой Европой. Не с партнером, не с потенциальным союзником вследствие конвергенции и прочей интеграции, а с чужим своекорыстным субъектом, который всегда прятал свою грубую геополитическую лапу в лайковую перчатку высоких ценностей.

И это вовсе не так плохо. Трезвым в любом случае лучше быть, чем под кайфом необоснованного очарования по отношению к чужому. И все же, наверное, мы будем грустить по Европе – пусть нереальной и выдуманной нами – которую мы потеряли…

Они думают то же самое о нас: мы разочаровали, не стали “европейской демократической нацией”, типа, поляками и т. п. Однако почему я считаю, что вина на них? Дело именно в теме безопасности. Для России она традиционно ключевая. Наша страна никогда не была какой-нибудь Румынией – к кому бы из больших залезть под зонтик?

В 2008-м году Д.А.М., самый приемлемый для них президент РФ, предложил – давайте строить общую архитектуру безопасности. Нынешняя не работает (см. Грузию). Давайте делать даже общую ЕвроПРО – от всяких там иранско-корейских угроз (ну коли вы говорите, что ваша ПРО не против нас). И они его грубо послали. Вообще не заметили все то. Сказали – у нас есть НАТО, его будем расширять – скоро там будут Грузия и Украина. Россия идет на фиг, ее интересы учитывать не будем, ее страхи – ее проблемы. А мы продолжим “двигать демократию”, сиречь вкладывать в прозападные (по странному совпадению – антироссийские) перевороты по периметру России. Пока у России не будет иного выбора, как

капитулировать и принять наши условия. Это была их большая ошибка. Украина, Крым – следствия. Как и их нынешние разочарования в России…

А лучшее в Европе мы помним и ценим. Просто оно там пока не находится во власти. И это надо четко принять: никакие наши симпатии к альпийским официанткам и венецианским гондолам не отменят того факта, что сейчас Европой правят персонажи, во-первых, несамостоятельные, во-вторых, враждебно к нам настроенные. Но никто не говорит, что так будет вечно. Надо всячески поддерживать дружеские нам силы. И убеждать всех вменяемых людей там – нет никакой русской угрозы (ну кроме нашествия туристов с деньгами)».

Пользователь с красноречивым ником Russian Washington прокомментировал тогда тезисы Одинцовского:

«У нас уже это было. Помните песню “Гудбай, Америка"? Как нас долго учили любить ее запретные плоды? И вот наконец-то мы их и вкусили. И вкус этот у многих вызвал отвращение. Поэтому мы говорим “Гудбай” не самим американцам или европам, а тем американцам или европам которые мы сами же для себя и выдумали и где мы не будем никогда. Потому что их нет. Эта Neverleand. Отрезвление, или как говорили классики, “детская болезнь”, которой надо было переболеть чтобы появился иммунитет на всю жизнь. А сейчас мы выздоравливаем».

Да, система координат сменилась существенно за последние десятилетия. Но! Но повторю еще раз: рок-музыканты, увы, в большинстве своем так и остались в плену штампов брежневской эпохи. Ну да ладно.

Как рок-ветеран Алибасов боролся с мифом о гомосексуальности группы «На-на»

С Бари Алибасовым трудно беседовать о пресловутых творческих планах: его все время тянет в его рок-прошлое.

– Скажи мне, пожалуйста, я вот с Женей Фридляндом беседовал и понял, что все эти ваши разборки со встречными исками – это на самом деле какая-то у вас договоренность, мне кажется, коварная.

– Ну, не договоренность. Но, конечно, в этом есть какая-то определенная доля пиара. Ну безусловно. Люди по-разному ведь понимают слово «пиар». Одно дело пиар для того, чтобы сделать чисто популярным. Дело в том, что ведь в советское время была возможность артисту быть известным, потому что на это был направлен весь механизм, Союз писателей, Союз кинематографистов, Союз литераторов, Союз пропаганды актеров.

– Ну, о чем ты говоришь? Когда были вещи, которые совершенно не пиарились. Рок-группа «Интеграл». Она была популярна без всяких союзов.

– Да, и это поразительно, что нас никуда не пускали, но залы были всегда переполненными. Вот работали 20–25 концертов в городе, и все аншлаги. Но, собственно говоря, это я так полагаю, все-таки это, как обычно слава идет впереди, за счет того, что мы играли музыку, которая была запрещена в стране. А ведь в щелочку вообще заглянуть всегда интересно, да? Что там? Ведь никто не видишь, а ты видишь. Это была единственная рок-группа в Советском Союзе гастролирующая.

– «Интеграл»? Единственная?

– Не было вообще ни одной другой, тогда были вокально-инструментальные ансамбли и все. А у нас все это: дым, взрывы, рок, цирковые трюки, колоритные костюмы, свет, необычный стереофонический звук, пиротехника, 42 микрофона на сцене, три ударные установки, пластика исполнителей: лысый клавишник Игорь Сандлер метался по сцене, у других этого ничего не было: выходили парни все в одинаковых пиджаках. Одинаковые. ВИА. Помнишь ВИА?

– Ну, да, помню. Ну, смотри: Бари Алибасова знают не как музыканта из «Интеграла», а как продюсера

группы «На-на». И все это в общем-то уже история. А мы давай про будущее поговорим. Что Бари Алибасов будет делать в ближайшие 50 лет?

– Ну, во□первых, я столько жить не собираюсь, но хочу. Но очень редко. Чаще всего не хочу. Потому что все-таки 66 лет дают о себе знать иногда. А потом 66 лет, а сколько выпито?

– Вот не продолжай. Выпито и все. Не надо. Ну, скажи…

– Поэтому я и так уже пережил. Средняя продолжительность жизни у нас в стране 59 лет, я уже лишнее живу. Не имею права. У кого-то отнял.

– Но это бонус называется. Когда лишнее – это бонус.

– И поэтому на 50 лет я не прогнозирую. А, в общем, у меня есть какие-то идеи, которые я хотел бы реализовать в области эволюционной биологии, мне очень интересна тема.

– Ну, слушай, ну, давай серьезно. Мы уже сказали, что мы не будем пиариться.

– Я серьезно. Меня интересует тема эволюционной биологии, меня интересует тема сингулярности в астрофизике. Но, в общем, очень много меня тем интересует, о которых никто не подозревает. Причем в свое время я даже создал потрясающий инструмент, который перевернет планету.

– Ты опять про прошлое.

– Нет, не про прошлое. Это моя жизнь уже сегодняшняя. Элементарные визуальные образы, из которых может состоять мировая библиотека. И из этих элементарных визуальных образов можно создавать все, что угодно. Любые чудеса. И в общем, это в миллиарды раз круче, чем YouTube, вот, чем я занимаюсь.

– Зачем ты это делаешь?

– Ты знаешь, вот был один пацан, которого мы все знаем. Звали его Сократ.

– Ну, я слышал о таком пацане, да.

– Вот зачем он это все делал? Ты объясни. Вот он ходил на базар там, за ним бегала жена. Вопила, дай хоть кусок хлеба, дома дети нищие. А ты по базарам шляешься и достаешь народ. Он доигрался до того, что народ собственный, афиняне, заставили его выпить яд.

– Я третий раз говорю, ты опять в прошлое.

– Нет, так он зачем это? Ты задаешь вопрос, зачем это? И откуда я знаю. Мне это нравится.

– Дело в том, что Бари Алибасов – это торговая марка. Которая ассоциируется исключительно с шоу-бизнесом. Поэтому, когда я спрашиваю, чем ты будешь заниматься, я жду каких-нибудь рассказов, может быть, фантазий твоих из шоу-бизнеса.

– Я занимаюсь очень многим. Мне интересно, ну, все. Почему рушится экономика Южной Европы? А здесь очевидная связь между религией ортодоксальной и современной религией, более современной, протестантской. Совершенно другая система мышления, да. Вот сегодня рушится экономика Кипра, Греции и так далее.

– Про экономику с Бари Алибасовым неинтересно. С Бари Алибасовым интересно про шоу-бизнес. Вот мы, допустим, разговаривали с Фридляндом насчет голубой темы в шоу-бизнесе.

– А что тебя так волнует эта голубая тема? Почему нас всех волнуют латентные педы, гомосексуалы, что ли, все вокруг?

– А потому что считается, что в шоу-бизнесе нельзя преуспеть, если ты традиционной сексуальной

ориентации. Фридлянд вот это дело опровергает.

– Да ну чушь какая-то! Вообще чушь. В шоу-бизнесе нельзя, в нашем шоу-бизнесе можно. Может быть все, что угодно. Любой изворот, выверт и любой вывих. Если говорить о, скажем, все-таки реальной жизни, то, конечно, нужны талантливые артисты, нужны талантливые исполнители. Это было в 90-х годах, когда все тащили на сцену своих детей, кривых, косых, глухих вообще, горбатых. Я однажды видел клип. Какая-то пела косая девочка, видимо дочь какого-то богатого человека. Даже в клипе, записанном в студии, она страшно не строила. Вокал был настолько неисправим, что даже аппаратура не могла исправить. Сейчас такого нет.

– Я понял твой месседж, потому что ребят в «На-на» ты отбирал явно не только по вокальным данным, но и еще по фактуре.

– Ну, конечно. Во-первых, они актеры были. Во-вторых, это личности. Да, «На-на» – это театр. И представить себе театр без личности невозможно. Потому что он должен что-то выйти и отдать зрителям. А если он пустой, как он отдаст? Голос там потрясающий, что ли? Или что? Или пустые глаза? На это публика не ведется. Поэтому в первую очередь, как в любом театре, актер должен быть наполнен чем-то, чем он может поделиться. Такими чувствами и эмоциями, которые, собственно переживать может зал. Вот и все, вот все, что такое «На-на».

– А скажи, пожалуйста, ну, если уж мы просто эту тему упомянули, тебя никогда не беспокоило, что тебя обвиняли в том, что ты ребят подбирал через постель? Ну, такие же, вот ты знаешь, в шоу-бизнесе разговоры про всех. То есть я понимаю, что ребят-то реально парило. Потому что им было обидно.

– Ничего не парило. Их парила только сцена, их парили зрители, их парил успех, их парило, когда они что-то не так делали и чувствовали, что там концерт просаживается или проваливается. Ну, был какой-то период, когда нас это все нервировало, да, задевало, трогало, обижало. Потом я сказал категорически: не читаем ни газет, ни телевизор не смотрим, ни новости. И все, для нас это была какая-то жизнь, которую мы даже не знали, не знали, что там про нас пишут, что говорят. Нам было абсолютно все равно. И, скажем, что касается голубой темы, то, в общем, это была настоящая конкуренция. В свое время создавалась группа «Иванушки International». Там был Санька Шульгин и второй Санька, Горожанкин. Они были совладельцами компании «Рек Рекордс», которая запускала на рынок несколько соисполнителей. Там была Валерия, по-моему.

– Ну, Валерия – она супругой была в ту пору Шульгина.

– Да, да. Значит, «Иванушки International» и «Блестящие», по-моему, что-то такое, да. И они запускали эти несколько проектов на рынок. А нам за альбом «Прикинь, да?!» эта компания «Рек Рекордс» заплатила 450 тысяч долларов! Естественно, «Иванушки» были прямыми нашими конкурентами. И Горожанкин запускал их в эфир массированно. А нас травили. Даже дети какие-то сидели и комментировали (там детский какой-то у них был «Диск-канал» и они обсуждали наш клип). И я же вижу, я ведь сам режиссер, я вижу, как этих детей научили говорить. «Наверное, они голубые», «бездарные Буратино», «фанерщики», «подстилки Алибасова».

И потом я в «Акулах пера» сказал фразу, что для любого актера, тем более для артиста молодежной музыки, лучше быть голубым, чем женатым. Потому что, ну, представляешь, да, ведь в советское время никто из актеров не пиарил свою личную жизнь. Потому что, если он играет в кино героя-любовника, ну, кто ему поверит, когда узнают, что у него куча детей, жен. И так далее. Я эту фразу сказал относительно особенно молодежной музыки, молодежной музиндустрии. Что девочка любая пойдет за мальчиком. Важно, чтобы он не был женатым. Пусть он будет голубой. Она думает, что исправит. Они вырезали отдельно эту фразу. И Александр Горожанкин ее в качестве рекламы «Акул пера» давал 19 раз в час.

– Ну, хорошо, молодец. Саша – профессионал.

– Молодец, молодец. А я говорю, ну, я тоже так считаю, что, ну, ладно, голубые. Пусть думают, что голубые. Лишь бы не женатые. А они на самом деле были женаты. У них были семьи. У них были жены и дети.

Как Алибасов «Москву» обоссал

Эту историю имеет смысл воспроизвести словами самого героя (Бари Каримович Алибасов делился байкой не только со знакомыми журналистами, но и с посетителями фан-сайта группы «На-на»):

«Во второй половине 70-х на эстрадном небосклоне СССР ярко вспыхнули очень необычные звезды. Скорее даже, сверхзвезды – танцевальный дуэт Татьяна Лейбель и Владимир Никольский из Москонцерта, Валерий Леонтьев из горьковской филармонии и группа “Интеграл” из филармонии Саратова.

Гастролировали в те времена по 5—10 дней в городе, а в Сочи даже недели по две. Вся эта великолепная тройка неожиданно слетелась в Сочи. Остановились гастролеры в лучшей по тем временам гостинице “Москва”.

Каждый вечер после концерта собирались в моем номере “люкс” из двух спален, гостиной и туалета. Татьяну Лейбель купали в ванной из шампанского, для этого надо было купить как минимум ящиков 30 “Абрау Дюрсо”. Шампанским обеспечивал любовник Галины Брежневой – дочери Генерального Секретаря.

В один из вечеров в номер врываются 6 милиционеров и предъявляют какие-то невнятные претензии. Сначала мы так и не поняли, о чем они говорят, какой-то балкон, какая-то моча. Потом сюжет начал проясняться, оказывается, кто-то с балкона спальни поссал с моего 10-го этажа, как они вычислили по струе, залив фасада произошел из моего гостиничного номера.

Мне эта версия показалась неправдоподобной, о чем я сообщил уважаемым милиционерам. Дело в том, что туалет находился рядом с комнатой, где мы, московские гастролеры, наслаждались шампанским. От шампанского до туалета было не больше 3–4 шагов, а до балкона нужно было пройти через гостиную, спальню и лишь потом дать струю. Но по фасаду все равно не получилось бы, для этого нужен брандспойт.

“Менты” оказались несговорчивыми и потребовали, чтобы Леонтьев и Алибасов “проследовали с ними” до ближайшего отделения милиции. Делать нечего, мы с Валерой проследовали сначала в милицейский джип, в котором уже сидело 4 служителя правопорядка. Мы сели практически к ним на колени.

В отделении милиции прямо у входа нас встречал начальник отделения и человек 12 милиционеров. Я пытался открыть рот и возмутиться по поводу того, что ни я, ни Леонтьев непричастны к струе. Начальник неожиданно широко растопырил руки, заржал и сквозь смех произнес: “Ребята, спасибо за то, что приехали. Мы очень хотим, чтобы вы с нами выпили шампанского, мы очень рады видеть вас в Сочи. Будьте добры, оставьте, пожалуйста, нашим милиционерам автографы”.

Назад в гостиницу нас сопровождал эскорт из 4 машин.

На следующий год в этом же составе мы устроили драку в ресторане, но это уже другая история».

Как появился «Блюз Шанхай»

Оставлю здесь фрагмент диалога со своим тезкой Маргулисом.

– Кстати, я почему-то считал, что твоя история – твоя история, а Валера Сюткин совершенно, как мне казалось, другой жанр. И вот я от него узнаю, что, во-первых, ему Макаревич в свое время делал предложение поиграть в «Машине Времени», а во-вторых, что вы с ним, оказывается, были соседями, собутыльниками, друзьями и вообще компаньонами по жизни.

– Но а ты знаешь, мы остаемся друзьями.

– Ну, в Крылатском где-то, он сказал, соседствовали раньше.

– В Крылатском, да. Знаешь, страшно повезло. Потому что вдруг неожиданно оказалось, что моими соседями являются Валерий Миладович Сюткин и Игорь Станиславович Угольников.

– Ну и как это выяснилось? То есть при каких обстоятельствах?

– Бог его знает как. И сколько мы там жили, лет шесть вместе. И, ну, каждый день пьянки и, нет, не пьянки. Каждый день…

– Общение.

– Каждый день прекрасного общения с благородным напитком, вот, и просто масса каких-то веселых глупостей, которые мы делали. Мы песенки какие-то придумали у «Угла».

– Он мне сказал, Сюткин, что написал тебе «Шанхай-блюз», собственно, визитную карточку на самом деле «Шанхая» твоего как бы. Я этого не знал. Теперь слова обретают иное значение:

Давным-давно
Когда нам было все равно,
Что пить, с кем жить, как быть,
И время проходило хай-фай,
Мы пели блюз Шанхай.
Когда свет, свет побед
Прошлых лет, сказал тебе «Привет»,
Ну что ж, пускай, ты голову не опускай,
И вспомни, вспомни блюз Шанхай.

Соберем старый хор
И возьмем любимый ля-мажор,
Тогда – года – не беда,
А не веришь – ты мне сам подыграй
Все тот же блюз Шанхай.
А потом, за столом
О былом, и о том, и о сем
Мы споем, и нальем, и снова нальем.
Пусть это будет не чай,
Помянем блюз Шанхай.

– Я тебе хочу сказать, мы эту песню придумали, участвуя в какой-то дурацкой совершенно программе. Мы были на гастролях в Ярославле. И играли во Дворце спорта. И гримерки были настолько далеко, что,

пока ты шел к своему выступлению, проходило, по-моему, часа четыре. И мы с Валеркой вышли, чтоб идти до сцены. За пять минут до того, как мы пришли, я придумал концепцию произведения. Валерке сказал, что я бы хотел услышать. Эта песенка посвящена, как ни странно, «Войковской». Коптево, где жила моя бабушка, всегда назывался Шанхаем. И вот именно, знаешь, такая ностальгическая история именно о той пивной, которая там находилась.

– Бабушка по какой линии?

– По отцовской. Вот, я у нее там жил, на Войковской. Вот, так что к Китаю это не имеет никакого отношения. То есть Шанхаем всегда назывались, не к столу будет сказано, все такие помоечные места, Коптево под помойку подходило в то время просто идеально.

POLICE

Как Валерий Сюткин Стаса Михайлова пиарил

С Валерием Сюткиным я познакомился в марте 1985 года. Тогда разудалая компания не вполне формальной и весьма условной молодежи количеством голов человек 15–20 отправилась в Ленинград на премьерный концерт Константина Кинчева в составе группы «Алиса» (третий фестиваль Ленинградского рок-клуба), коего большинство путешествующих знало как москвича Костю Панфилова.

Это был лихой вояж, нетрезвый и безрассудный, и сейчас мне уже не вспомнить всех поименно.

Миша Королев, организовавший тот марш-бросок в Питер, ныне владеет своей студией и снимает мировых знаменитостей для обложек российского глянца. Кто-то стал олигархом-light, кто-то сделал скромную ТВ-карьеру. Кто-то «ушел молодым», заэкспериментировавшись с «веществами», кого-то в 90-е убили «черные риэлторы» (такая судьба настигла клавишника «Машины Времени» Александра «Полковника» Зайцева, ставшего крестным единственного сына Макаревича Ивана). Кто-то эмигрировал (той весной в городе на Неве тусила небезызвестная Джоанна Стингрей со своей младшей сестрой Джуди и неравнодушные американки охотно находили энтузиасток из Штатов, устраивавших фиктивные браки с активистами советской рок-тусовски; сама Джоанна, кстати, вышла за соратника Виктора Цоя Юрия Каспаряна, а после развода с последним – за барабанщика группы «Центр» Александра Васильева, ну а младшая Стингрей вступила в брак с лидером «Центра» Василием Шумовым, который был ровесником Джоанны и во время описываемой поездки как раз отмечал в столице свой четвертьвековой юбилей).

В этой компании народ был пестрый и веселый, но Сюткин был самым позитивным. Таким я его запомнил. Стиль и оптимизм, такая нехитрая формула. До профсцены Сюткин кем только не работал: басистом в армейском ансамбле (срочную служил в г. Спасске-Дальнем, 1976–1978), учеником повара, сторожем, барменом, грузчиком, проводником вагонов зарубежного сообщения. Его веселая команда «Телефон» тогда, в начале 1985-го, только-только выпустила свой последний альбом «Твист-каскад», и ходили разговоры, что проекту скоро кранты: Валерий, по-моему, уже вел переговоры с Юрием Лозой о переходе в команду Юрия Давыдова «Зодчие».

Год спустя опоздавший на тот поезд журналист «МК» Женя Федоров назовет «Зодчих» одной из пяти лучших рок-команд СССР, а еще через год Сюткин вместе с Давыдовым примет участие в записи первой

«общей» песни «Замыкая круг». И тот же Федоров оказался единственным немузыкантом, принявшим участие в съемке знаменитого клипа «Замыкая круг», ставшим настоящей сенсацией новогодней ТВ-ночи.

Трек, между прочим, пришлось перезаписывать отдельно из-за дотошности Александра Градского, которому угодить непросто. Мария Могилевская во время фотосессии и телесъемки поставила Федорова в верхний ряд с правого края, на место как раз Давыдова, которого не совсем удачно коллеги отправили из Останкино за выпивкой, что должна была украсить стол Сергея Минаева, где и отмечалось все это «замыкательнокруглое».

Впрочем, к Сюткину это отношение имеет по касательной. После знакомства в скоростном поезде Москва – Ленинград виделись мы крайне редко, раз в несколько лет, и поэтому я рад был удостовериться: формула метаморфоз не претерпела. Все тот же жизнеутверждающий оптимизм и чувство юмора, все та же стильная элегантность каждого жеста, а главное – каждого движения души.

В одном из интервью Валерий вспоминал про то далекое время:

«В 1980-х, когда случились первые концерты западных рок-музыкантов, я видел, как взрослые дядьки просто плакали от осознания невозможности происходящего. В 1960-е годы скорее можно было на Луну полететь, чем организовать в СССР рок-концерт. И всплеск рока был обусловлен именно тем, что это были закрытые направления. В 1974-м я прорывался на концерт группы Blackout, двое суток ходил отмечаться, чтобы послушать гитариста Тадеуша Налепу из Польши. Можете представить себе, чтобы я в те годы отдал ради того, чтобы услышать вживую Стинга, Джонса или Эрика Клэптона? Между тем мне довелось выступить на одной сцене со Стингом… я пел вместе с Томом Джонсом… Том обнял меня: “Спасибо, сынок!” Если бы тридцать лет назад кто-нибудь сказал, что я услышу эти слова от своего кумира, я бы не смог в это поверить… А Брайан Ферри… Мой друг Олег Тиньков праздновал на Байкале 20-летие совместной жизни со своей женой Риной, и я был у него в качестве гостя, а выступал Брайан Ферри. А еще на вечере был ансамбль народных инструментов. Они немножко моих песен знали и немножко отечественной и зарубежной классики. Немножко – это часа полтора. Брайан сказал мне в глаза, что давно не видел человека с такой энергией. Это человек, которого я знал, когда он еще в Roxy Music пел! Рок-музыка – это просто красивая лампочка. Но свет этой лампочки делал тебя необыкновенно сексуально привлекательным. Тогда, в 1980-х, это казалось таким важным – в те времена я еще ухаживал за девушками».

Сейчас в его жизни самая главная девушка – Виола. Вернее, их две. Обе носят одно и то же имя. О них (и не только) мы и побеседовали. От первого брака у Сюткина дочь Елена, от второго – сын Максим. А вот в третьем родилась девочка, которую родитель назвал в честь жены Виолой. Про супругу Сюткин говорит: «Виолу я люблю на молекулярном уровне, на уровне запаха, звука, осязания. Ее врожденная

недоступность, иногда прохладная отчужденность, порой категоричность стимулируют мой интерес. А также безупречный стиль, красота и достоинство. Собственно говоря, сначала я влюбился в достоинство, потому что меня, короля российского рок-н-ролла, она взяла и отшила».

Ну, про дочь мы с ним и беседовали в эфире:

– А вот что слушает, допустим, Виола Сюткина, какую музычку? Папу-то слушает она?

– Папу слушает дозированно. Папа сделал все возможное, чтобы в ее гаджете был полный набор, ну, во-первых, я не могу сказать, что там The Beatles весь, но The Beatles one есть, то есть по крайней мере, я имею в виду этот альбом, в который входят все главные их синглы, занявшие первые строчки. Ты не представляешь, какую большую работу мы с женой провели, пока она запомнила норвежскую группу A-ha. Мы обычно делаем так. Играет что-то красивое, я говорю, это кто? Дочь говорит, это, допустим, Simply Red. Молодец. Этого она сразу, нашего рыжего товарища запомнила. А вот почему-то голос Мортена не определяла. Она говорит, я не знаю, это, может быть, Duran? Я говорю, какой Duran? Duran тоже хорошая группа, достойная. Но мне кажется, что у вокалиста группы A-ha Мортона Харкета уж такой узнаваемый голос.

– Ты знаешь, я только Take On Me знаю, вот этот их хит.

– Ты что, у них такие мелодии красивые. Это норвежская музыка. За что мне нравится: есть абсолютно ярко выраженный, пусть даже этнический, привкус у них. У них такая все-таки музыка скандинавская, холодная. Хотя и на английском. Она изящно холодная, неспешная, скажем так. Ну, она, естественно, слушает и Тимати из наших, R'n'B… Замечательный парень, кстати, я тебе хочу сказать, коммуникабельный, не величайший композитор пусть даже, но крепкий…

– Говорят, что удачный бизнесмен. Во всяком случае, мне он говорил, что он бизнесмен прежде всего и дилер.

– А так и есть, да. Но при этом это правильное позиционирование. Мне очень импонирует Эмин Агаларов.

– Тоже бизнесмен, кстати.

– Тоже, казалось бы, зачем человеку петь, многие задают этот вопрос. А потому что не может не петь. И это замечательно. И он очень, во-первых, воспитанный и образованный, здесь спасибо родителям. А, во-вторых, Эмин очень открыт. Я вообще люблю людей, которые улыбаются навстречу. Вот всеми обсуждаемый Стас Михайлов. Я был приглашен на его день рождения. Мы идем с женой фактически к незнакомому человеку: на тот момент мы несколько раз виделись на других тусовках, но вот так не общались за жизнь. Единственное, что Стас мне успел сказать: «когда я был юным» и давно, (я постарше все-таки на десять с лишним лет), «я ваши кассеты продавал» (группы «Телефон». – *Е.Д.*), и так смеялся…

– Подожди. Ты старше Михайлова?!

– Ну да, на 11 лет.

– Вы выглядите как отец и сын, причем ты – сын. Михайлов такой серьезный, солидный мужчина, а ты такой мальчик весь из себя/

– Нет, ну я бы не сказал. Если ближе посмотришь, у него молодые глаза. У него просто стать, ну, обязывает, поскольку поклонницы все-таки. Знаешь, что меня удивило. Он настолько щепетильно галантный…

– Ну еще бы, женская аудитория обязывает.

– На дне рождения своем. Каждый человек говорит тост про него, Стас подходил сам, каждого спросил, вкусно ли, хорошо ли, и не потому, что ему нужно что-то от этих людей, просто такой вот не злой человек.

– Ну, вот, оказывается, в чем секрет успеха. А все говорят, что в расстегнутой рубашке.

– А у меня вообще главный критерий, знаешь, Жень, честно? Человек должен быть не злой. Ведь жизнь коротка, и прощать надо учиться быстро. И принимать, вот то, что ты говоришь, «ну что вы, это не для меня, я эстет, творчество». Если он завоевал популярность такую, так значит не зря: не бывает дыма без огня. В нем обязательно какая-то должна быть изюминка. И вот когда я сейчас пообщался с Михайловым, могу сказать: она в нем есть. Он не эгоцентрик, на себе любимом не концентрируется… Когда я первые песни его услышал и увидел его в кадре, мне показалось, это смесь такого проповедника умелого и… А это не шоу-бизнес. Он такой и есть.

– По-моему, ты совмещаешь как-то свою основную деятельность и работу пиар-агентом у Стаса Михайлова. Просто такой монолог выдал! А то ведь в интернетах наших бытует шутка: «Ты на Стаса

Михайлова пойдешь?» «Да как же я на него пойду – у меня и лицензии-то нет». А ты вот что-нибудь спой из Стаса Михайлова. Ты знаешь хоть одну его песню?

– Ну конечно, знаю.

– А исполни.

– Но я не смогу в нее вложить столько мужского сострадания, потому что у меня все равно будет иронично. (поет) «Но это для тебя рассветы (я ее сейчас Виоле пою), и закаты, для тебя». У меня, кстати, тоже есть песня «Для тебя», потому что вначале идет «Без тебя не завяжу я галстук и бриться не стану. Без тебя пойду неверным галсом. И врежусь в рифы без тебя. Без тебя я так бы и остался обычным хулиганом. Без тебя я б так не улыбался, как улыбаюсь для тебя». Такая у меня есть.

– Конечно, стилистически очень напоминает те работы, которые, может быть, даже некоторым твоим поклонникам не известны, группа «Телефон» была такая, где очень такие хулиганские (в хорошем смысле) были тексты и очень заводные мелодии. Почему она не рванула тогда?

– Как?

– Ну так. Потому что она не стала такой значимой, каким стал Сюткин solo, скажем, она не стала крупным игроком на сцене.

– Ну, это начало 80-х.

– Ее слушали, ведь выходили же магнитоальбомы.

– Момент. Ну, во□первых, в 80-х это сегмент кассетной культуры. Я стал профессионалом в 1982-м году, и то по стечению обстоятельств, потому что для того, чтобы стать профессионалом, нужно было иметь среднеспециальное образование, то есть муз. училище окончить. Я его закончил заочно. А мы играли в Долгопрудном, там любили это дело. Там, кстати, все, ровесники, если можно сказать, выступали. Ну потому что Градский, Макаревич, Костя Никольский – это первая половина 50-х по рождению, мы же – вторая половина. Мы – это прежде всего Коля Расторгуев, Мазай – начало 60-х, Женя Хавтан, Гарик Сукачев, вот, «Альянс» – замечательная команда, Игорь Журавлев.

– А я, знаешь, такое для себя объяснение видел, что очень были все увлечены тогда социальным роком. И «Телефон» – это было вот больше стеб, ну, это более легкое такое. Там же не было какой-то серьезки, вот какой-то революционности.

– Во-первых, надо объективно сказать, от природы я не композитор, который выдает хиты. У меня все через вот это место. Надо много анализировать, смотреть как-то. И я не конструирую никогда песни. Все мои главные шлягеры были выданы, как будто меня к провайдеру подключили, и вот они просто выскакивают. А потом ты можешь пыжиться, что-то делать, а нет. Как награда за труды приходит. Вот, я сформулировал сейчас. А у больших маэстро иначе, хотя бы взять моего товарища по «Браво» Женю Хавтана, он композитор, потому что у него такие мелодии, которые, мне кажется, что их вообще Цфасман написал, а не мой ровесник, или Варламов. То есть вот «Король оранжевое лето», песня…

– А это Хавтана?

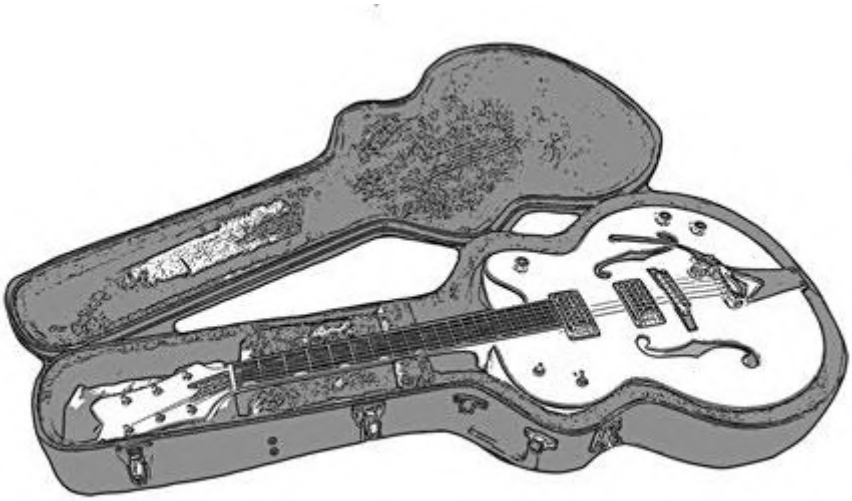
– Это музыка Хавтана на стихи Вадима Степанцова.

– А я, к стыду своему, думал – твоя, она настолько ассоциируется с Валерой Сюткиным, что я, честно говоря.

– Нет, она ассоциируется с «Браво». Я вообще деликатный парень. Мне ничего перетягивать не надо. Я сделал пятилетку, да (с 1990 по 1995 год в составе «Браво». – *Е.Д.*). Мне вообще кажется, что артиста большого делает энное количество шлягеров. Один хит все-таки большим человеком артиста не делает.

Если чего-то спел, и его всю жизнь с ним ассоциируют. А здесь мне приятно, когда начинают ерничать в мою сторону».

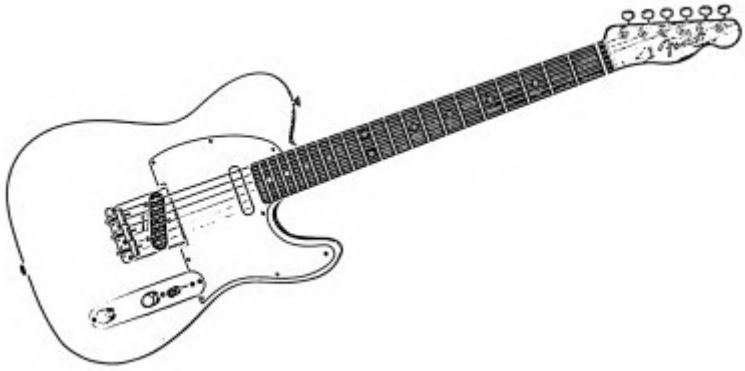
Как Градскому по голове настучали



В легендарной рок-кузнице ДК «Энергетик» был еще и хореографический кружок, а в подвале располагалась репетиционная база «Машины Времени», «Цветов» и «Скоморохов». У нас было составлено расписание: кто когда репетирует. Мы приходили раньше всех, потому что были школьниками. Как уроки заканчивались, так мы шли на репетицию. А куратором этих репетиций была юная Надежда Оспанова.

Во время показа моделей в ДК Градский расположился в первом ряду и нещадно троллил девиц, комментируя их проходки и особо – стройность ног. Ведущая несколько раз просила рок-хулигана тормознуть. В какой-то момент Оспанова, чувствующая свою ответственность за всех рокеров, репетировавших в «Энергетике», не выдержала и огрела Александра Великого толстенным томом, который почему-то оказался у нее в руках: «Да замолчишь ты когда-нибудь или нет?!»

Как «Чиж» Сергею Галанину песню подарил



Зная, с каким трудом Сергей Галанин работает над песнями, осмелюсь предположить, что с более примечательным энтузиазмом музыкант работал бы, например, ТВ-ведущим… И об этом тоже мы с ним говорили.

– Скажи, а вообще было стыдно за что-то из? Понятно, что у каждого человека в жизни чего-то бывает, за что ему было стыдно. Если мы про творчество говорим, когда-то приходилось прогибаться, что-то из репертуара выпиливать?

– А сложный вопрос. Но сейчас немножко есть претензии к каким-то ранним песням. Я их просто не играю. Не то, чтобы стыдно. Но я понимаю, что в то время было такое настроение. И на самом деле лучше бы я это все играл просто для друзей, которые знают меня, каким я бываю. А на широкую публику, может быть, некоторые песни не стоило и записывать. Я совсем с недавнего времени стал вести себя как взрослый мальчик. И стал думать, какие песни войдут в пластинку, какие нет. Потому что раньше я просто все подряд: вот сегодня такое состояние, вот, нате, слушайте. И вот такой юношеский максимализм.

– Говорят, у тебя какая-то песня есть, которая заточена изначально на дуэт с рок-женщиной какой-нибудь.

– Ну, как, конкретные песни, которые я специально бы для дуэта с женщиной, – не записывал. Но есть пара вещей. Я, кстати, сейчас не смогу сыграть. Вот это надо было тебе меня предупредить по поводу этого вопроса. Есть хорошая песня. Я помню, как она называется. И она уже записана, без вокала. Она вот лежит в инструментальном своем разнообразии, с применением даже фортепьяно. Она лежит пока в загашнике. Песня называется «Когда деревья были большими». Такая красивая песня. У-у, сейчас не рискну ее играть. Но вот хотелось бы ее записать.

– Хорошо, но а кого ты вообще мыслишь себе в пару?

– Все девушки на виду. Их не так много. И надо просто как-то может быть, решиться.

– Ну, кто? Бритни Спирс? На виду.

– Не, ну… С Настей Полевой мы пели. На «Нечетном воине» у Шуры «Би-2». На третьем «Нечетном воине». Кстати, с Настей эта бы песня тоже замечательно бы прозвучала. Вот я просто уверен. То есть здесь должна быть такая натура, которая не боится вот этой романтики, которая останется.

– Но она такая, честная. Она без этих, без розовых соплей. Она вот такая, как и должна быть.

– Я не знаю, я пока стесняюсь. Песен о любви я всегда опасался. Они самые сложные.

– Может быть, ты поэтому мастер дуэта? Ты все время как бы желаешь делегировать ответственность партнеру, у тебя дуэтов очень много.

– Кстати, песня «Привык, забыл и потерял», которую я спел уже у тебя в эфире, – это дуэт с Андреем Сапуновым. Я сейчас пел.

– По-сапуновски.

– Старался, да, по-сапуновски, конечно, не получается. Но я помню все Андрюшкины интонации такие красивейшие. И мы с ним и на концерте ее исполняли. Я очень рад этому. Вообще, дуэты вещь такая, с одной стороны, сложная, потому что не хочется никогда использовать дружбу, товарищеские отношения. С другой стороны, людям нравится, если это получается. А, когда ты приглашаешь к сотрудничеству людей, ну, как говорится, крутых в своем деле. Ну, ты понимаешь, о чем я говорю, да? То есть настоящих, настоящих людей, как вот Женька Маргулис, как Чиж, как Гарик. То есть, это, там большой очень список. Вот на последней пластинке есть дуэт с Лешей Романовым, со Славой Бутусовым.

– Скляр, кстати, на минуточку.

– С Александром Феликсовичем мы спели песню на стихи Владимира Семеновича Высоцкого.

– Он вспоминал. Был в эфире тоже, рассказывал.

– Да, вот 10 лет назад это произошло. И мы иногда с Сашей, когда что-то вместе играем, мы даже ее поем.

– Слушай, но ты вообще ведь с текстами работаешь, ты сам, как про себя говоришь, текстовик. А при этом последнее время у тебя какие-то совершенно случайные люди в качестве авторов текстов появляются. Я насколько понимаю, ты тоже через сеть находишь авторов?

– Бывает по-разному. Вот песня как раз опять же «Привык, забыл и потерял» родилась от четверостишия, подаренного мне в Одессе замечательным парнем, есаулом. Мы тоже нашлись с ним недавно в сети. Он говорит, ты меня помнишь? Это я четыре строчки тогда тебе подарил. Он тогда подарил их и Чижу. Мы с Сергеем вспоминали. Серега говорит, я так и, в общем, не смог ничего написать дельного. Я говорю, а у меня вот вроде получилось. Я добавил к четырем строчкам еще свои 12. Короче… Иногда присылают. И, если это ложится на мое ощущение собственное, – есть песня; бывает, кстати, так и с девушками, которые присылают. Вот с «Детским сердцем» так произошло. Это из Киева девушка прислала стихи, Алена Елетина или Ковальчук. Я там никак не могу понять, какие правильные фамилии, какие замужние. Вот. Еще сейчас одна девушка, Юлия Юффи, она тоже вот, в сетях как-то мы разговорились. Она

мне прислала несколько текстов.

– То есть тебе в Facebook'е спокойно можно стучаться в личку и предлагать?

– В принципе да. Или в почту. У меня там почта висит. Но самое главное, чтобы здесь просто меня что-то зацепило. И я не всегда что-то доделываю. Иногда что-то и так ложится. Но, как показывает практика, все-таки есть какие-то свои взгляды. И целиком никогда не получается вот его на себя, так сказать, спроецировать. Поэтому я что-то добавляю. И, ну, что-то получается из этого.

Как Кинчев не позволил дочери стать «девушкой с обложки»

Начну издалека. Очень издалека. Во второй половине нулевых я работал в Издательском доме Родионова, который принадлежал самому экстравагантному и яркому из российских олигархов – Сергей-Сергеичу Родионову.

В 2003 году меня в ИДР пригласил Саша Перов, с которым мы работали в МК в 80-х. Александр руководил у Родионова редакционной стратегией Дома после того, как неосмотрительно передал еженедельник «Профиль» своему заму по кличке «Змей». Перов предложил мне возглавить журнал «Карьера», который находился в плачевном состоянии.

Где-то через год я подписал в свет обложку, на которой были изображены Путин и Ходорковский. Мы в том номере всем сестрам раздали по серьгам. Через неделю после выхода меня от должности освободили. И я знаю почему. Читатель, сука, хочет ясности. Его раздражает, если в очевидном и масштабном конфликте четко не проинкрустирована сторона баррикады. Ты за или против? Ответ «да мне пох» не засчитывается. Самое любопытное, что ярые адепты той или иной доктрины легко разворачиваются на 180 градусов (хотя в России все же приемлема норма градусов в 40). Например, те, кто, отхлебнув сорокаградусного нектара свободы, поклонялся Борис-Николаичу на августовских баррикадах у Белого дома, через пару лет нетрезво скандировали «Эльцин – иуда!». Они не заморачиваются размышлизмами насчет того, откуда растут ноги, и потому все время в точке этого роста и оказываются. Вспоминается хрестоматийный почти ответ Виктора Цоя на пассионарный клич Кости Кинчева «Мы – вместе!»: «Все говорят, что мы в месте, но никто не знает, в каком». Потребитель печатного слова предпочитает эксплицитно проговоренную авторскую позицию. Причем желательно, чтобы она совпадала с читательской. Тогда автора любят. Если она противоположна, но яростно прописана, сочинившего уважают. Проблемы начинаются там, где намечается предательский полет над схваткой: социум не толерантен к нейтралитету. «Вы секс-меньшинство или секс-большинство?» «Я – сексуальное одиночество». Позиция, опасная для каждого, имеющего голос в сакраментальной нашей «медийке» и не

желающего при этом голос этот отдавать какой-нибудь из конфликтующих сторон. А других (в смысле сторон) быть не может. И пожелавшего воздержаться при голосовании дружно трахают. Причем со всех сторон.

Как вообще вести дискуссию, если она сводится к выкрикам людей-лозунгов, у которых аппарат мозга потерял гибкость и не умащивается «шуткой юмора»? Удивительно, что виртуальная среда, вместо того чтобы облегчать конфликты путем их всестороннего анализа, только поляризует совершенно глухие друг к другу стороны. И в ней уже совсем не остается места адептам здравого смысла.

Меня после скандала с портретами Путина и Ходорковского как бы «повысили» – назначили на придуманный специально под это дело пост директора по развитию ИДР. И я получил кабинет с тремя секретаршами и пересел на служебный Porsche Cayenne черного цвета. Но полностью лишился возможности выбирать персонажей для обложек. На несколько лет.

Затем Родионов даровал мне титул исполнительного директора, хотя всем ИД я по факту не

руководил: журналы «Домовой», «Она» и XXL на самом деле существовали автономно. Я курировал деловую группу: «Профиль», «Карьера», «Компания» (последним рулил и в качестве главреда) и пару так называемых «мужских» журналов: лицензионный FHM и придуманный самим Родионовым Moulin Rouge.

Ну и обложки я стал вновь придумывать. И вот как-то беседовал с Александрой Амановой, женой Кости Кинчева. Саша, наверное, Панфилова по паспорту, как и ее блистательный супруг. Просто я помню ее еще женой моего МК-коллеги, фотокорра Жени Аманова, и как-то все товарищи той поры и зовут ее Амановой. Она, вместе с вдовой Башлачева Настей Рахлиной, весьма успешно практиковала журналистские экзерсисы.

По мне, конечно, таким эффектным красавицам надо на ТВ работать, но Саше нравилось складывать слова во фразы. Короче, не помню, по какому поводу мы тогда общались, предполагаю – относительно ее журналистских опытов, однако слово за слово родилась идея снять ее дочь для обложки журнала FHM. То, что та, унаследовав родительские гены, обворожительна и привлекательна – не обсуждалось, но вот любит ли ее камера – предстояло выяснить. Равно как и ее готовность обнажиться перед камерой.

Договорились, что по-любому она не будет фигурировать как Кинчева и/или Панфилова, придумали ей псевдоним (по-моему, даже она сама предложила какой-то вариант). Пробы снимали прямо у меня в кабинете на Большой Андроньевской, 17. Фотограф сказал сразу: 100 % подходящая фактура, облогу можно сделать шикарную.

Отсняли ее в студии. Не помню, дошло ли в результате дело до верстки материала. Вмешался звездный отец. Костя позвонил мне и попросил все это дело торпедировать. Объяснил, что его воинственная «Армия» воспримет такой ход крайне негативно: дщери их величественного вождя не место

на глянцевых страницах, тем более в эротическом контексте.

Рокеры, да и вообще все артисты, крайне зависимы от настроения своих фанатов, с этим приходится считаться. Меня в той истории удивило то, что Кинчев не разрулил скандал по-семейному, просто поговорив со своими девушками, ну да ладно.

До сих пор, между прочим, жалею, что не сохранил для истории фотографии, но, как и обещал Косте, все, даже исходники, уничтожил.

И еще. Просто по стечению обстоятельств. Когда работал весной 2015 года над этой рукописью, наткнулся в Facebook'е Саши Панфиловой на их с Костей фотку, где он прихватил ее за красивую шею. Подпись: «Мертвой хваткой. Он меня так по магазинам водит, дабы не отклонялась от курса». Это я к тому, что в комментах к фото Виктория Розина написала: «Я вспоминаю "не больше ста!" спросонья». И чуть ниже по просьбе Александры пояснила, что собственно имела в виду: «Мы были с Жекой у вас на даче, собирались не помню куда (в Лугу? В Н?), мы собрались, Костя спит, ты на цыпочках зашла взять деньги, К. четко произнес: "Не больше ста!" Повернулся на бок и захрапел дальше. Потом, правда, уверял, что имел в виду не деньги, а мою скорость на дороге, но мы не поверили».

Да. Кинчев такой. Все девушки в семье – дисциплинированны.

Как Игорь Скляр собачины отведал

Финал одной из наших бесед с Игорем Скляром был выстроен на вопросе из французской игры. Вопросе про еду.

– Пробовали ли вы мясо животного, которого не принято есть? Какого?

– К сожалению, когда я работал в Северной Корее… Да, вы знаете, что одно из деликатесных блюд в Корее – это собачатина. Корейцы знали о том, что я ни в какую не ем собаку, вообще не ем. Ну, во-первых,

а) будучи собачником, б) будучи Собакой по гороскопу (я как бы родился в год Собаки). Они это знали. И тем не менее однажды на выезде на природу всем нашим дипломатическим составом они мне подсунули кусок собачатины. А внешне это был типа шашлык. И мне пришлось именно попробовать это мясо. Оно сладковатого вкуса. Я потом понял, что это не свинина и не говядина, и выплюнул. Так что я знаю вкус собачатины. Я выплюнул, на них посмотрел очень свирепо. Но дело было сделано.

– Если верить Шевчуку, то «человечье мясо сладко на вкус», это его песня «Революция». Я считаю, пусть не будет революций, если революции будут, то пусть – бескровными. И пусть собак и кошек никто не ест.

Как Юрий Лоза выступление БГ комментировал

В декабре 2014 года Юрий Лоза написал в своем дневнике (воспроизвожу с разрешения автора):

«Артемий Троицкий разместил в сетях информацию: “Вчера на концерте в Москве Борис Гребенщиков сказал: “Война закончится, как только мы выключим телевизор. Нам ебут мозг. Но наше дело – позволять им это или нет”.

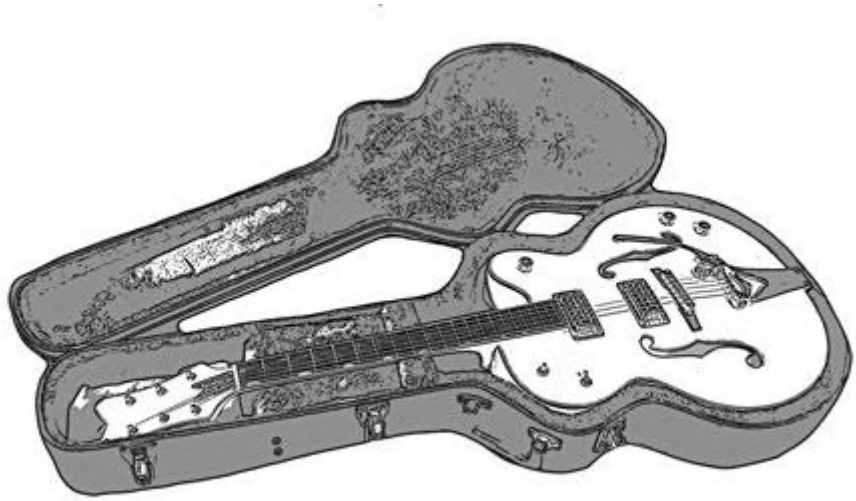
И понеслось: куча лайков и перепостов, обсуждение и цитирование, попытки вышить слова “Большого Гуру” золотыми нитками на либеральных знаменах и стремление выдать их за руководство к действию. Мало того, эту ахинею тут же привел на своей странице в фейсбуке ведущий телеканала “Дождь"! Хотя, уж ему-то никак не пристало призывать к отключению телевизора, ведь со слов “многомудрого” Бориса-свет-Борисыча получается, что канал “Дождь” тоже участвует в манипуляциях с мозгом телезрителей!

А потом в прениях этот телеведущий вообще заявил, что “любое слово БГ адресовано во Вселенную"! Но тогда тем более глупо цитировать то, что людям не предназначалось, – пусть вселенная сама разбирается, что с этой белибердой дальше делать!

Да и почему я должен отключить телевизор, если только что по “Культуре” шел чудный концерт Брамса, сейчас на одном из каналов показывают прикольных африканских сурикатов, а через три часа будет мой любимый футбол?

Отвечаю, – никакая война не закончится, даже если мы отключим вместе с телевизором радио, телефон, Интернет и микроволновку. За долгую историю человечества данный тезис был неоднократно подтвержден, ведь раньше этих устройств не существовало, а войны шли с известным постоянством, как реальные, так и информационные. Думаю, сто́ит перестать слушать разных псевдофилософов, которые вбрасывают в мир “кривые” недодуманные сентенции, зная, что какая-то часть экзальтированных почитателей сама наполнит их смыслом. А заодно спросить – кто и чей мозг осеменяет, господа хорошие?»

Как «Машина Времени» распалась



6 февраля 2015 года мне позвонил глава канала «Россия 24» Евгений Бекасов и предложил прокомментировать новость о распаде «Машины»: новость эта с подачи канала Russia Today была в Top Five хитов дня. Началось все с утренней (7:36) публикации в украинских «Вестях». Во избежание спекуляций воспроизведу ее дословно:

«На днях стало известно, что группа “Машина Времени” потеряла все концерты в России за исключением единственного пока не отмененного шоу в Москве. “Группа свои выступления не отменяла, от них отказались прокатчики после звонков сверху и новых приглашений нет”, – сказал менеджер “Машины” Антон Чернин. Правда, и в Украину группа пока не приедет – тур Макаревича по четырем городам нашей страны в начале марта будет сольным. На наш вопрос, почему “Машина” не едет к нам с туром, Антон ответил: “Музыканты сами никуда не ездят, только по приглашениям. Инициатива исходит от приглашающей стороны. В Украину почему-то зовут только Андрея Вадимовича лично, но не группу”. Но главное, что сейчас в “Машине”, по его словам, идет раскол: “Андрей Державин и директор группы Владимир Сапунов подписали письмо в поддержку операции по Крыму и поддерживают путинскую сторону. А у Александра Кутикова (который разделяет позицию Макаревича и поддерживает Украину) сейчас проблемы, его концерты в России отменяют или просто перестали звонить те, кто раньше приглашал”. Несмотря на массовые отмены концертов “Машины Времени”, серьезного материального кризиса музыканты пока не испытывают. По словам Чернина, Кутиков сейчас занимается сольным проектом и продюсированием других артистов, в том числе и сольных проектов Макаревича. Державин выступает в ретро-солянках со своим “Сталкером” из старой программы. Кроме этого, он пишет много музыки для кино. “А вот чем занимается Ефремов (барабанщик), я не знаю, сольных проектов у него нет. Игорь Хомич, который пришел на смену Маргулису, – сессионный музыкант, а поскольку “Машина Времени” сейчас не работает в студии, то он играет сейчас с другими коллективами”, – рассказал Чернин».

Приоткрою не ахти какой секрет. Вечером этого дня у «машинистов» было запланировано очередное выступление на Рублевке, ну из так называемых «корпоративов».

С Антоном Черниным мы работаем в одном холдинге, он – на радио Moscow FM, я – на канале «Москва 24». Он известен как прессек «Браво», «Воскресенья» и Андрея Макаревича, но официально

группу «МВ» не представлял (на тот момент, во всяком случае). В любом случае про «распад» в его заявлении не было ни слова, а «раскол» никогда не был предметом трений внутри коллектива, не говоря уже о том, что дело было давнишнее, я об этой «новости» упоминал в книге: которая вышла в… апреле 2014 года!

Почему из его интервью украинскому СМИ разгорелся сыр-бор, было не вполне понятно. Тем не менее я сразу же позвонил Макаревичу, который нервно прокомментировал все это дело чем-то вроде «Как они заебали! Бред, конечно!». Зная, что Бекасов это мега-профи, требующий проверки информации по всем параметрам (я работал у него, когда он рулил каналом «Москва 24»), набрал-таки и Державину. Андрей флегматично пробросил, что о «распаде» слышит от меня, а в «интернеты» сегодня не ходил. Кутиков так вообще рассердился, заявив, что это попытка «подорвать единство группы».

Ну я, естественно, как и обещал, перезвонил Бекасову и рассказал, что скандал носит характер искусственный, а Russia Today просто подставились, заменив «раскол» на «распад». В результате «Россия 24» не вписалась в эту историю, а записанное ими с Черниным блицинтервью отэфирено не было.

В принципе, никакого злого умысла не вижу. Хотя музыкантам видятся медиазаговоры. Кстати, сам Чернин в интервью «России 24» (которое, напомню, в эфир не попало ввиду очевидной надуманности псевдоповода) признал:

«В данном случае, я думаю, что это просто глупость сделанная. То есть я не думаю, что у телеканала RT есть прямая инструкция брать и “гнобить” “Машину Времени”. Я думаю, что неопытные редакторы решили просто взять и добавить перчика».

Таких «глупостей сделанных» много вокруг «МВ» после того, как лидер группы вписался в активную, скажем так, общественную деятельность.

В июле 2014 года растиражировано было лжеинтервью Макаревича «Крым не наш». Украинский ресурс X-Novosti вложил в уста музыканта заявления типа:

«Не было никакого воссоединения. Была банальная оккупация чужой территории. Воссоединение – это добровольный акт, а в Крыму было насилие над Украиной. Зверское, лицемерное насилие над страной, которая пытается вырваться из лап русской цивилизации. Да и цивилизация ли это, тоже вопрос. По мне нет. Это просто территория, много веков диктующая своим соседям, как надо жить. А соседи не хотят жить как мы. Ну не хотят и все тут. Они хотят жить, как Бельгия, Франция и Швеция. У России нет авторитета, чтобы убедить своих соседей жить с ней в одном государстве. Из инструментов – только насилие… Я скорее не доверяю никаким референдумам, проведенным под дулами автоматов. Так не бывает. Этому ужаснулся весь цивилизованный мир. Так нельзя себя вести в приличном обществе. Мы еще раз показали миру – нам нельзя доверять… Даже если в Крыму планировались базы НАТО, то ничего страшного я в этом не вижу. Наш флот должен был уйти. Украинское государство имело право на такое решение. Это ваше дело, кого вы пускаете пожить в свою квартиру, а кого нет. Соседей это не должно волновать».

Это грамотный и провокационный микс из реальных заявлений АВМ и «штрихов», добавленных журналистами.

7 июля возмущенный Александр Скляр написал у себя в Facebook’е:

«Зверское, лицемерное насилие над страной, которая пытается вырваться из лап русской цивилизации, да и цивилизация ли это, тоже вопрос, по мне нет – Андрей Макаревич. Приехали…»

Даже не стану приводить комменты, все и так ясно. Жаль, что Скляр не позвонил товарищу, чтобы узнать, что правда, что вымысел. Я позвонил.

А вот уже в январе 2015 года другой украинский сайт, Joinfo делает еще один вброс:

«Как известно, в своем “хите” “Давай закурим, товарищ, по одной” певец Гарик Сукачев и актер Иван Охлобыстин очередной раз облили грязью украинских бойцов. Откровенные сторонники боевиков Донбасса именовали в своей песне украинских солдат не иначе как “киевскими сатанистами”. В то же время известный российский музыкант Андрей Макаревич, просмотрев ролик, отметил: “Никогда не устану удивляться, с какой скоростью мерзавцы находят общий язык с мерзавцами. Им ничего не надо друг другу объяснять!” Эти слова музыкант написал через несколько часов после того, как резонансное видео с Охлобыстиным и Сукачевым было помещено на YouTube. Ранее уже отмечалось, что эти российские деятели культуры поддержали жителей Донбасса новой песней. Свое музыкальное послание они адресовали “новороссам”, “которых обстреливают войска киевских сатанистов в Праздник Крещения Господня”. Композицию Охлобыстин и Сукачев исполнили в дуэте».

Понимая, что при всей полярности позиций ни Макаревич, ни Скляр никогда не опустились бы до такого рода оскорблений, я послал ссылку на эту «новость» Макаревичу. Он ответил:

«Забавно, что высказывание про мерзавцев я опубликовал в СНОБЕ, ни слова ни о Гарике, ни о Скляре там нет, и имел я в виду совсем другое. Воистину безгранична человеческая фантазия. Можешь это опубликовать где угодно. Еще периодически встречаю строки, будто я где-то перед кем-то за что-то извинялся. Перед кем? За что? Тоже бред. Очень обяжешь меня, если это распространишь. Достали фейки».

Самым впечатляющим из фейков, на мой взгляд, было создание твит-аккаунта @andrew_makar, в котором от имени создателя «МВ» методично небольшими дозами впрыскивался яд. Подлинный адрес Макаревчиа в Твиттере: @makarevichav.

А в конце октября 2014 года некто Антон Губарев написал твит, разлетевшийся по Сети со скоростью степного пожара: «Группа Машина Времени во главе с Евгением Маргулисом (без Макара)» якобы выступит перед ополченцами Донбасса. Учитывая, что уход Евгения Шулимовича летом 2012 года был довольно болезненным ходом (хотя обе стороны и не готовы признать масштаб разрыва), эта провокация была крайне неприятным сюрпризом.

Я категорически не разделяю позицию Макаревича/Кутикова по Крыму, но обязан признать, что им слова в самых значимых СМИ не дают.

* * *

«То, что Диана Арбенина и Андрей Макаревич под жестким медиабаном, – очевидно. Неочевидны лишь резоны, по которым этих двоих вывели за рамки ТВ-экранов. Ну выступила Арбенина в Киеве, извинилась там за всех тех, кто не поддержал майдан; ладно, поступок вполне объяснимый – конъюнктурный, хотя и неизящный, но все же скорее неразумный, нежели подлый. Однако та же Кристина Орбакайте позднее поехала в тот же город и заявления делала аналогичные. Да и весь пугачевский клан достаточно антипутински настроен. Тем не менее Арбениной досталось, а Орбакайте как бы не заметили.

Или Макаревич. Да, делал заявления относительно Крыма. Но опять же, допустим, Сергей Лазарев гораздо радикальнее высказывался относительно того, что для него “Крым был, есть и будет украинским”. А Лазарева федеральные каналы привечают в полный рост. Меладзе так вообще известен как убежденный идеолог “подогрева Майдана”, и все это явно идет ему на пользу в контексте ТВ-приглашений.

Неужели все дело лишь в том, что Арбенина и Макаревич залитованы как “друзья хунты” после небезызвестных НТВ-вбросов? Или им не простили потому, что они рок играют, а не попсу? Не понимаю. Логики не вижу. Какие-то двойные стандарты. С оппонентами надо полемизировать, а не отправлять их в глухой бан».

Такую запись я сделал у себя в Facebook’е; комментов сотни были, приведу (в хронологическом порядке) самые существенные (на мой взгляд, конечно):

Андрей Заблудовский, группа «Секрет»:

«Разницу между определением “примадонна” и определением “рок-герой” не видишь?»

Дмитрий Журавлев, Empire Of Music Management:

«Возможно, в Макаревиче и в Арбениной видят лидеров пассионариев из пассионарной рок-среды, а в попсовом пугачевском выводке таких энергий нет – тупо коммерческая конъюнктура, не оказывающая влияния ни на курс партии, ни на настроения в массах».

Герман Клименко, директор и владелец компании Liveinternet:

«Это как с олигархами. Можно было всех завалить, но смысл? Выбрали МБХ (Ходорковского. – *Е.Д.*) и всем в пример 10 лет на вертеле поджаривали. Как расслабится кто, так сразу огоньку подбавят под костерок, жирок зашкворчит, и все сразу налоги платить начинают гораздо лучше. Дело в примере. Выбрали их… Я думаю, что число желающих посетить Киев российских артистов или высказаться на эту тему резко упало. Нет же универсальных рецептов управления. Мы все разные. Каждый руководитель выстраивает отношения с управляемой паствой под себя. Есть те, кто любит коммуницировать, общаться и выслушивать. Есть руководители авторитарные. Это ж реальность».

Александр Кутиков, «Машина Времени»:

«Выбрали их потому, что они интеллектуально-состоятельные люди и для многих являются авторитетными… И на их примере грозят пальчиком всем остальным: “уж ежели этих мы можем растоптать, то с вами сделаем то, что вам и не снилось”… Другое время сейчас, другая административно-управленческая система. Другой уровень интеллекта в руководстве. Много чего другого!»

Максим Фрейман, Региональный Дилинговый Центр:

«Полемизируют всегда вровень. Для полемики обязательно на старте должно быть взаимоуважение. Видимо, здесь нет именно “взаимо”. А вот почему нет – вот тут уже можно высказывать соображения. Только какой смысл? Полемики нет и хуже уже не надо. И еще – полемизировать уместно до принятия решения – когда есть возможность по-честному подкорректировать формулировку, время принятия решения. А когда решение принято – все, полемике нет места. Это знает любой, кто руководил в жизни больше, чем тремя людьми, да, кто хотя бы армию не откосил».

Александр Кутиков:

«Максим, сегодняшние руководители государства считают полемику с представителями интеллигенции ниже своего достоинства. Только они, обличенные властью, знают, как, куда, с кем и для чего. Ориентир на большинство в вопросах выбора пути чаще всего приводит к краху, а не к победам. Поживем! Посмотрим!»

Olga Zaushitsyna, Business Connection:

«А может, ее и нет тут, логики? Вот на кой орган Союз журналистов выступил против Пореченкова? Ясно же, что он прав и каска ни при чем. Где логика? Просто это реальная борьба бульдогов под ковром. Логику здесь искать напрасно».

Антон Чернин, пресс-секретарь Андрея Макаревича:

«Черт бы с ним, с медиабаном – это проблема медиа. Хуже другое: “Машине Времени” в обозримом будущем ЗАПРЕЩЕНЫ все концерты в России за пределами Москвы. У Арбениной ситуация, насколько я знаю, та же. Причем организаторы уже даже перестали врать про плохие продажи – концерты запрещают еще ДО поступления билетов в кассы».

Olga Zaushitsyna:

«Антон, откуда инфа, что ЗАПРЕЩЕНЫ? На основании чего? Вы видели документ? Так не бывает».

Андрей Правдин, музыкант:

«Не знаю, в чем запрет на М. и А. Но и пугачевского клана не наблюдаю на ТВ. Может, не те каналы смотрю? Меладзе, Лазарев и т. д., – а их мнение важно для аудитории? Аудитория их вообще нуждается в каком-либо мнении? У этой аудитории есть запрос на мыслительные процессы? Вообще их всех (и Меладзе, и Кристину, и Лазарева) нужно в игнор везде за такие высказывания… Вообще думаю, что логики тут нет, и делается все не в соответствии с некой госпрограммой, а делается все стихийно. На каждом уровне проявляется некая самодеятельность. И это плохо. Для таких случаев совсем не плохо иметь продуманное решение на уровне правительства – что бы все знали, что и как. В той же Америке-США лояльность к стране и правительству играет большую роль во многом… в том числе и при принятии на работу, например. А уж продажи и рейтинги зависят непосредственно от патриотичности исполнителя, актера и проч.».

Максим Фрейман:

«Александр Кутиков! Вы совершенно правы в том, что сейчас разговаривать с творческой интеллигенцией власти не готовы. И несмотря на то, что я вырос на ваших и Макаревича песнях, – сегодня я, как человек, поруководивший немного в своей не очень долгой жизни, скорее нахожусь на стороне властей. Да, риски есть ошибиться. Спасибо вам за ваше творчество – не тени шутки. Но когда говорят пушки – музы молчат. То есть не слушают и – не потому что не любят или не уважают, а потому что просто некогда, и есть дела поважнее. Вот как только стихнет канонада – вот сразу послушаем, честное слово!».

Юрий Лоза, певец:

«Диане Арбениной чего обижаться?»

Андрей Правдин:

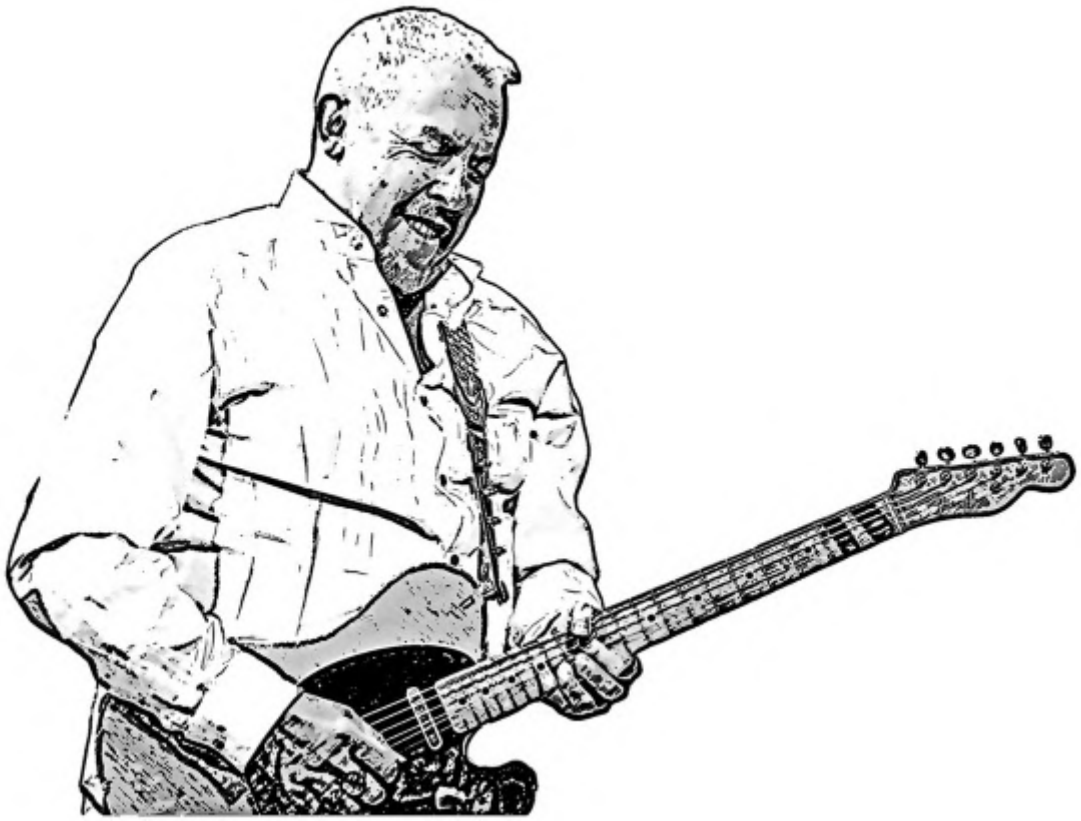
«Ходил пить кофий, а тут такой бой. Думаю все проще – где-то кто-то “сцыканул” и решил Макаревича с его дворовыми местечковыми “пестнями” не прокручивать, а где-то билеты не продались, а где-то Макаревич сам отменил из-за чего-нибудь. А потом раздули пиар-кампанию, как телеканал “Дождь” про запреты (а сами бабло не платили кому надо). То же и у Арбениной».

Павел Акимов, вокалист:

«Здесь надо разделять! Есть псевдомузыкальные пустышки, на которых и не стоит обращать внимание. А есть люди, позиционирующие себя музыкантами, и они, конечно, заметнее. Арбенина хитро сыграла, как будто не пустышка, но только идиот причислит ее к музыкантам!»

Антон Чернин:

«Отмена концерта – удар по карману артиста, естественно. Любопытно, что в случае с “Машиной” основной удар приходится даже не по Макаревичу (у которого есть и сольные концерты в Москве, и авторские отчисления), а по Андрею Державину и директору группы Владимиру Сапунову, которые… поддержали позицию Путина по Крыму! То есть получается, что все, кто отменяет концерты МВ, а также все, кто поддерживает эти отмены, типа Андрея Правдина и Ольги Заушицыной, тем самым лишают куска хлеба патриотически настроенных музыкантов! И ладно бы хлеба – Сапунов тяжело болен и много лет передвигается в инвалидной коляске… Что это – головотяпство или антипутинский заговор внешне лояльных людей! На чью мельницу льют воду так называемые “выразители народной воли”? Куда смотрят местные органы ФСБ – или и они уже поражены оранжевой бациллой, не дающей выступать настоящим патриотам? Вот вопрос, на который должна ответить власть – сделать выводы и принять к затаившимся змеенышам меры по всей строгости мирного времени!»



Olga Zaushitsyna:

«Макаревич строит из себя миротворца и пострадавшего от режима, а парень, брызнувший на его концерте перец из балончика, друзья которого погибли в ополчении на Донбассе, сидит в СИЗО. Никто не умер, не пострадал, и тем не менее, человек в тюрьме. А А.В. на свободе, несмотря на бандеровские лозунги и призывы к свержению законной власти в России. Так где “преследования” – не пойму?»

Natalia Krechetova:

«Все просто. Макаревич разошелся во взглядах со значительной частью своей собственной аудитории и получил что получил. Как политик, промахнувшийся с политическим заявлением и оставшийся без соратников. Но кто когда-нибудь читал блог Орбакайте? Кому интересно, что она говорит? Кто это слышал? Кого это волнует?»

Александра Ливанская, Арт-видео студия «Дом»:

«Видела интервью Лазарева на украинском ТВ. Видела, как он поддакивал красотке-ведущей. Зрелище отвратительное! Такое унижение! Лазарев был очень жалок. Но они, видимо, этого не понимают. Все, что эти люди делали на Украине, не имеет никакого отношения ни к искусству, ни к року, ни к политике. Это просто бизнес. Все на продажу! Потому и жалкие они такие! Ох, не ожидала от Арбениной! Какие-то глупые извинения… Думаю: все очень просто. У Лазарева есть какие-то серьезные покровители. Потому и молчат СМИ о глупых и убогих рассуждениях Лазарева по поводу Крыма».

Михаил Панюков, «Экспресс-газета»:

«Давайте уж начистоту! Кристина Орбакайте всегда была дурой набитой. Вспомним ее выступление после убийства Листьева, что вот – всех талантливых людей убивают – Высоцкого, Влада… Лазарева тоже

как бы всерьез не воспринимают – сладкий пидорок с хорошим голосом, ну мяукнул что-то невпопад, сам до полусмерти перепугался, чего с ним связываться. А Макаревич без дураков моральный авторитет, величина, легенда, многие восприняли его поведение как личное предательство. Он безусловно совершил самую большую ошибку в своей жизни. Самую горькую, о чем пожалеет не раз и не два. Арбенина как бы умная, как бы для продвинутых, а значит за базаром надо следить. А вообще взрослые люди должны понимать, что взрослые решения имеют взрослые последствия. Мученикам ныть не пристало. Тем более сытым, здоровым и благополучным».

В качестве авторского PS к приведенным репликам. Во всех этих ФБ-баталиях вокруг украинских событий более всего удручает тотальное, потрясающее непонимание анамнеза. То есть элементарное cui prodest? не работает. Огорчает, конечно, такое скудоумие. Я не говорю о профессиональных мерзавцах, которые все понимают и просто делают свое дело; я – об относительно хороших людях (журналистах, музыкантах, актерах, etc.), которые, поддаваясь эмоциям, не готовы «включать голову». Ну совсем. Живут советскими штампами, все у них расписано как в голливудском сценарии. Жаль. Пламя войны их спалит, вместе с теми, кто в отчаянии смотрит (и видит!) «как горящая нефть хлещет с этажа на этаж» ©.

Как Маргулис из «Машины» ушел, или «Синдром Йоко Оно»

О причинах ухода Евгения Маргулиса из легендарной группы я беседовал со многими «машинистами», но здесь воспроизведу лишь фрагмент диалога с основным действующим лицом скандала.

– А вот команда, с которой ты работаешь, скажи, пожалуйста, это в твоей системе координат – рок-группа?

– Нет. Ну, я как бы никогда себя не считал рок-музыкантом. Я, наверное, просто музыкант, который любит композиции и песни, окрашенные в блюзовые тона. Хотя я не могу назвать себя чисто блюзовым музыкантом. Я просто музыкант.

– Понятно. То есть сейчас вообще все поклонники Маргулиса задумались, потому что, в общем, Маргулис – это все-таки рок-музыкант, ну, во всяком случае, для людей моего поколения.

– Нет, я рок-музыкантом был, когда играл в группе «Аракс».

– А в группе «Машина Времени»?

– Ну, нет, это кантри-группа. Ну о чем ты говоришь, какой там рок.

– «Машина Времени» – кантри?

– Абсолютнейшее кантри. Вспомни по песенкам. До мажор, всегда та-та-та-та-тай-ра-та-тай-та.

– Нет, просто у Стаса Намина, у него…

– Стас – это рок. «Мы желаем счастья вам» – это рок. Богатырская наша сила.

– … Не надо иронизировать. Намин сказал, что, вот, допустим, «Аквариум» – это не рок-группа, потому что там только Борис Гребенщиков и любые приглашенные люди, а вот «Машина Времени», допустим, это рок-группа, потому что состав более-менее постоянный, ну, плюс/минус Маргулис и клавишники. Поэтому, в этом смысле ответь: ты привыкаешь к музыкантам, с которыми ты работаешь, или тебе человеческий фактор не столь важен, сколь профессиональный, чтоб инструменты звучали так, как надо.

– С гитаристом Мишкой Клягиным я играю уже 17 лет вместе. С барабанщиком Женей Липединым я играю тоже лет 12. То есть мы как-то так притерлись. Они прекрасные музыканты, умеющие делать все, что угодно. Вот я говорю, что музыка, она, ну, не подвержена никаким стилям. Либо хорошая, либо плохая.

– Ну, ответь на телефон, ответь, если тебе звонят.

– /Отвечает на звонок/

– Это то, что я называю «живой пластический момент». Кстати, про живой пластический момент. Вспомнил, что такой эпизод был у меня, когда я с Наминым общался, мне как раз позвонил Саша Кутиков. И в разговоре с Кутиковым был интересный очень эпизод. Ведь никто на самом деле не знает, почему в 2012 году Маргулис ушел из «Машины Времени». Из кантри-группы «Машина Времени». И Кутиков мне рассказал, что это произошло на репетиции.

– Нет, я на репетиции сказал, что ухожу. Но решение у меня зрело очень давно. Я как бы долго

готовился к этому моменту. Я-то свалил бы раньше, но момента не было.

– Потому что ведь существует, да, такой термин, как «синдром Йоко Оно». Имеется в виду, когда супруга музыканта оказывает влияние на решение, в том числе и вот по уходу из группы.

– «Почему я не пошел на войну? Меня мама не пустила».

– Нет, нет, нет, не совсем так. Я не буду говорить, кто из твоих бывших коллег конкретно, но мне сказали, что это вот как бы супруга серьезно в этом смысле повлияла. Это правда?

– Да нет. Нет, я всегда подобные решения принимаю сам.

– Не советуясь?

– Тут нет, тут нет.

– Хорошо. А в чем ты советуешься с супругой?

– Ты знаешь, я на ней проверяю песни. Я на ней проверяю какие-то свои стишки. А по поводу вот таких глобальных решений, конечно, это мое личное, это мое личное, да.

– Не жалеешь никогда о глобальных решениях? Их было несколько в твоей жизни.

– Ты знаешь, нет.

– Я не только про 2012 год говорю. Бывали какие-то решения, про которые ты постфактум думал, что надо было бы что-то сделать по-другому?

– Не, я, я всегда думаю над этим. И опять же для того, чтоб делать что-то новое, нужно все-таки заканчивать со старым. «Машина Времени» – замечательный коллектив, который мне много дал, многому научил. Но в какой-то момент я понял, что мне хватает всего того, что есть, а новое от них мне уже ничего не надо. Просто надоело.

– Понимаю, что для тебя не самый комфортный вопрос. Но ведь некоторые из поклонников «Машины» решили, что это вот в определенном смысле измена, то, что Маргулис ушел. Ты об этом не думал, когда принимал решение?

– Ты знаешь, нет, нет. Ну, к сожалению, команды как таковой уже на тот момент-то не было.

– Все, можешь не продолжать уже. Это ответ. Собственно, да, все.

– То есть это такая вялотекущая агония.

– Хорошо. Вялотекущая агония кантри-группы.

PS. Насчет позиционирования «Машины» довелось мне слышать разные мнения. Воспроизведу здесь пассаж Максима Дунаевского, который я выслушать выслушал, но согласиться на все 100 с тезисами знатного композитора не возьмусь. Я попросил Максима оценить с его, композиторской точки зрения

триаду Градский, Гребенщиков, Макаревич. «Вы очень так вот смешали в одну кучу совершенно разных людей». «Вы и разведите их по разным углам», – парировал я. Итак, слово Дунаевскому:

«Вот я думаю, что эти все три человека, они не принадлежат этому направлению. Они просто сами по себе. Вот те же “Битлз”, принадлежат ли они к року, как их причисляли раньше? Или к массовой песне популярной? Это рок-музыка? Думаю, что нет. Их сила в том, что они преодолели все это. Что они первые употребили в своем творчестве струнные инструменты, струнный квартет. Они к этому вышли. Они вышли вообще к музыке. Поэтому очень трудно сказать.

Макаревич, мне кажется, это тоже… Может быть, когда они сидели в подвале и их никто не знал, может быть, они рок и играли. Но то, что они сейчас делают, это, конечно, не рок. Ну, это хорошие, добротные стихи Макаревича или кого-то еще из ребят… Мне кажется, это очень добротная, хорошая так называемая авторская песня.

То, что Гребенщиков, на мой взгляд, это вообще никогда не было роком. Это тоже какой-то особый жанр. Талантливый человек, несомненно. Что-то очень такое, знаете, сам себе. Очень лирически через какую-то свою призму воспринимающий действительность. Творчество это? Творчество. Но назвать это роком, ну, какой к черту рок? Это его индивидуальная такая вот музыка. Хотите – принимайте, хотите – не принимайте. Дело зрителя. Талантливый человек. Это, кстати, доказывает еще одну вещь. Ведь музыка и стихи у него очень непростые. Ведь очень они витиеватые все. А народ принял.

Значит, можно народу давать не только два притопа, три прихлопа, опять не будем употреблять те имена всуе, о которых мы уже немножко говорили (речь о Елене Ваенге и Стасе Михайлове. – *Е.Д.*). Значит, можно давать какую-то более изысканную часть музыки? Можно.

Значит, про третьего человека, которого вы назвали, Градский, он в основном все-таки исполнитель. Хотя, если бы он сидел сейчас здесь с нами, он бы брызгал слюной и говорил, что он композитор. Конечно, композитор, сочиняет музыку и очень неплохую. И всю жизнь сочинял. И кино писал. И оперы писал. И мюзиклы писал. Он все делал. Но, тем не менее, он прежде всего потрясающий певец был и остается им, лично для меня. Я не умаляю его достоинств творческих, но это совсем другое дело. Поэтому он не рокер, опять же. Пел ли он рок? Пел. Но пел и не рок тоже. Александру Пахмутову тоже пел, понимаете? И в Большом театре пел. Так что это очень разные вещи.

Но, на мой взгляд, русского рока, такого понятия нет. Это люди все творческие, добившиеся определенного успеха, кто меньше, кто больше. Кто стал жутко популярным, кто им не стал. Но такого понятия нет».

Как Маргулис кошку «Макаркой» назвал

Кстати, процитированная выше беседа с Маргулисом началась, как и большинство диалогов в моем проекте «Правда 24», с представления кошки. Цитирую по эфирной распечатке.

– У нас есть традиция, если ты помнишь.

– Да, помню о традиции.

– Ну да, мы приютских кошек пристраиваем зрителям нашей программы, а гости придумывают им клички.

– Я уже придумал. Мальчик?

– Нет. А мы можем, кстати, мальчиковое имя дать этой девочке, это будет…

– Давай назовем Макарка.

– А, кстати, вполне себе, да, вполне.

– А девочка Макарка может быть?

– Почему нет?

– Ну, она может быть Макарена.

– Нет, Макарка, я считаю, чудесно совершенно для девочки звание. «Игра в правду», этим мы финишируем.

– Это что?

– Это новая у нас традиция. То есть кошка – это наша традиция номер один. А это – еще одна. Здесь вопросы не мои. Эти вопросы уже придумали какие-то французские люди. Какие-то наши люди перевели их на русский. Четырех цветов здесь разные группы вопросов: откровенные, на подумать, неловкие и свободные вопросы. Ты выбираешь фишку.

– Какой-то удивительный разводняк в передаче.

– Последний вопрос из нашей колоды: «Вы завидуете своим более богатым друзьям»?

– Не-а.

– Нет такого? А есть более богатые друзья?

– Навалом.

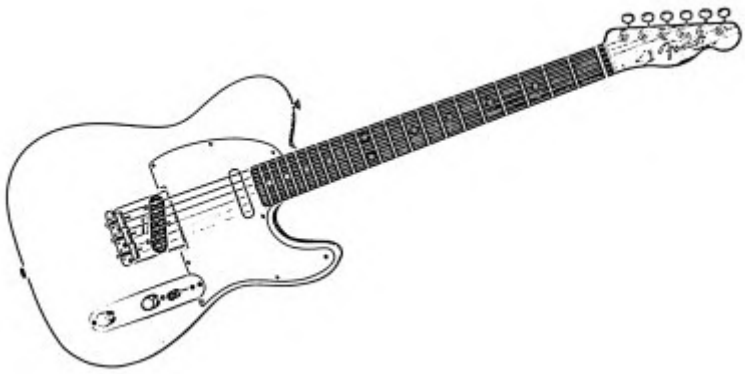
– Угу. А почему? Материальное вообще не имеет значения? Ведь, смотри, Градский говорит, что деньги, они дают свободу.

– Это да. Количество денег – это количество геморроя.

– Это просто такая вот «афоризма» от Маргулиса. Количество денег – количество геморроя.

PS. После эфира я пошел провожать великого/культового и подарил-таки ему книгу «Времени машины», хотя не уверен, что ему понравится это издание о «кантри-группе», имидж и звучание коей он в известном смысле сформировал, а на обложке – его нет. Но так сложилось. Автор выбирает слова, а художник – обложки. Будучи художником в душе и по образу мысли, Евгений, надеюсь, меня поймет. А у кошки Макарки судьба сложилась: хозяев она после передачи нашла-таки.

Как мы с Матецким Градского обсуждали



Вопрос об отношении «отца советского рок-н-ролла» АБГ к деньгам мы с Владимиром Матецким обсуждали на радио MediaMetrics в программе «Мимонот» с Олегом Дружбинским. Матецкий стал первым гостем нового проекта:

«Дело в том, что, когда в Советский Союз начала проникать музыка The Beatles и прочих западных групп, мне было лет 12, как раз самый активный возраст для восприятия. И надо особенно отметить, что волна, которая накрыла нас всех – людей моего поколения, – состояла не только, а иногда и не столько из музыкальной составляющей. Так что то, что вы видите сейчас, – это также и отголоски того “волшебного времени”. Это воздействие было очень сильным, и меня, можно сказать, прибила и понесла эта битловская волна.

Я, например, стал усиленно учить английский язык, причем сам, по своей инициативе. Я учился в знаменитой 57-й школе. Английский там существовал, но не в таком объеме. А меня интересовало все – и слова песен в первую очередь. Вот это любопытство, которое, слава богу, осталось со мной и по сей день, меня, собственно говоря, по жизни тащит. Не сочтите за пафос, но мне интересна жизнь во всех ее проявлениях. Мне интересны и вещи, и люди, и песни, и картины, и почтовые марки, и гитары, и так далее. Хорошо это или плохо? Для профессиональных занятий это непросто, я скажу так. Но я не буду говорить – это плохо или хорошо. Это непросто, скажем так, потому что получается, что человек как бы «растекается по древу». Но музыка все же остается по-прежнему главным делом моей жизни.

<…>

Траектория одна и та же у многих рокеров моего поколения. У меня это выглядело примерно так: московская семья, приличная. Гоголевский бульвар – место проживания. Школа 57. Художественная школа во Дворце пионеров на Ленинских горах – я любил рисовать и закончил ее. Физматшкола при Бауманском институте параллельно – и мне это тоже очень нравилось. Ну и главное – с раннего возраста занятия с педагогом по фортепиано: это была ученица Гнесиной Софья Моисеевна Карпиловская, о которой у меня потрясающие воспоминания.

С музыкой получилось так – когда сложились вместе занятия классикой и “битлами”, то все встало на свои места и я сразу понял, что буду этим заниматься. В каком виде? У меня и мысли не было, что я буду писать песни. В общем, как ни у кого тогда, ни у кого из тех, кого эта волна тоже накрыла, мыслей о том, что этим можно зарабатывать, не было. Никто, уверяю вас, никто в тот момент это все не предвидел. Да и кто мог это предвидеть, если сами The Beatles, когда их спрашивали: “Когда лопнет пузырь?”, отвечали: “Года два-три, ну, максимум, четыре мы еще поиграем”.

<…>

Возвращаясь к тем дням, когда пришла эта музыка, хочу сказать: она для меня пришла не только в виде самой музыки, но и, одновременно, с английским языком, с модой, с прическами, с этим громким звуком гитар, с желанием быть на сцене.

Тут начинаются некие общие места, и Женечка Додолев это все знает прекрасно: как начиналось формирование бесчисленных рок-групп, покупка инструментов, которые невозможно было просто пойти и купить, потому что это было либо очень дорого, либо просто нельзя достать. Ну и бесконечные репетиции. Забегая вперед скажу, что это удивительно, но когда мне уже гораздо позже довелось общаться с настоящими “фигурантами” рок-движения, такими как Мик Джаггер, Пол Маккартни, то выяснилось, что они проходили абсолютно аналогичную траекторию, только их “накрывали” артисты предыдущей волны. Маккартни просто сходил с ума от Литл Ричарда и также понял в определенный момент, что должен петь как он. А Джаггер переписывал на свой Grundig пластинки американских блюзовых артистов и изучал их вокальные интонации.

И было в Англии невозможно купить бас-гитару и басовые струны! Я Сэра Пола спрашиваю: “Как это так, не было в Англии?” Он говорит: “Американские стоили жутко дорого, как машина, вообще”. Все одно и то же! А тут недавно Клифф Ричард в интервью вспоминал: “Я купил Хэнку Марвину, гитаристу The Shadows, американскую гитару Fender Stratocaster. Я ее купил за свои деньги!” Большое событие было, даже для него.

А я помню, как купил усилитель Fender басовый (это было уже позже, в 70-е), и ко мне поздно вечером, ночью, приехал Юра Антонов: приехал смотреть этот усилитель. Я ему по телефону говорю: “Все, пришел усилитель!” “Сейчас к тебе приеду”. И он сразу приехал. Хорошо этот момент помню – стоит посреди комнаты сверкающий усилитель, блестит, пахнет, лампочка красная горит. Радости было!..

<…>

Вообще-то, мне здорово повезло: я лично знаю многих людей, которые являются мировыми знаменитостями в области рок-музыки. Общаясь с ними, понимаю, что все проходили мы примерно одни и те же циклы, испытывали одни и те же ощущения. Один знакомый американский певец и композитор рассказывал мне: “Я ехал как-то с мамой-папой на машине, и вдруг The Beatles по радио, песня I Want To Hold Your Hand звучит. И все – я понял, что должен быть там, где эта музыка”. В одну секунду человек это осознает.

<…>

Кто-то играет, что-то изображает, кто-то – правду говорит. Это я к тому, что разные есть люди и разные истории. Вот я, например, сразу вспоминаю одного известного нашего музыканта, на которого я смотрю всегда с огромным пиететом, симпатией, но и, в то же время, с каким-то удивлением: он все время играет… Он отвечает: “А вы знаете, мне это всегда сверху приходит”. И он имеет полное право так отвечать, и это может быть правдой! Но только он играет, и я ему не верю: просто в его песнях видны куски из каких-то западных песен… На самом деле you never know, говоря по-русски, ты никогда не знаешь. Зацепкой может быть любая история: вот я смотрю на ваш стол – ребристый, местами не чистый… И вдруг появляется какая-то мелодия: “Ребри-и-и-стый, местами не чи-и-и-стый…” И вдруг все поехало, ожило, зазвучало, стало выпуклым. Не понятно, что триггерировало, запустило это движение. Чем не магия?…

<…>

Вдохновение существует, конечно же, его никто не отменял! Но вот вам еще один интересный угол взгляда на эту тему: есть английское слово whatever. “Что бы ни” – по-русски переводится так. Поясню: творческим стимулом может быть что угодно. Расскажу вам одну историю, тем более я просто уверен, что среди ваших слушателей наверняка есть люди, кому интересны истории про песни и их авторов. Так вот,

откройте Интернет и найдите имя Дайан Уоррен. И вы увидите, что Дайан Уоррен автор, которая сочинила огромное количество хитовых песен. Я с ней знаком, мы с ней тоже обсуждали вопросы вдохновения и заказухи. Так вот, она сочиняет песни только стоя, только на не включенной электрогитаре и только в своем офисе, причем тут же рядом работают люди.

<…>

Она не пишет ноты. Я сейчас говорю о нашем с ней общении, которое было довольно давно, в 90-е. Я ее спросил: “Почему в офисе?”, она говорит: “Мне так нравится”. Что это, ремесленничество? Или наоборот, вдохновение? Я не могу дать ответ! Жень, вот ты скажи, что это такое? Это психоз?»

* * *

И вот здесь, собственно, я и задал интересующий меня вопрос:

«Я вообще не понимаю, как может прийти в голову мелодия, потому что это что-то божественное. Поэтому когда твой (и мой) товарищ Градский говорит, что это все фигня, что это работа: ты сел и, условно говоря, “высрал”. Он говорит: “Мне бы приносили каждый день столько, я бы вообще музыкой не занимался”. Он говорит это в эфире, не в приватном разговоре. Может быть, ради эпатажа. Я его считаю гением, а он себя позиционирует ремесленником, человеком, которому надо сделать, выстругать…».

Ответ Матецкого:

«Я тебя перебью, извини: а может, он просто устал в этот момент? Или немного кокетничал? Ты сейчас дал экспресс-анализ его поведения, все это прекрасно видишь. Просто точки не хочешь расставлять, как я понимаю.

Послушай, это его жизнь. Он – успешный артист, и нам с тобой комментировать его modus operandi, скажем так, не корректно, потому что он наш товарищ. Но ты правильно сказал – он и гений, и актер, который постоянно играет.

Он удивительная личность. Когда меня спрашивают про Градского, я всегда говорю: “А вы можете себе представить, как бы вам было нелегко жить, когда вы бы вдруг поняли, что вас Господь наградил невероятным талантом? Вы вдруг получили чемодан без ручки в виде этого удивительного голоса!” Саше действительно было непросто. Я с ним знаком с шестьдесят девятого года, и мы порой играли совместные концерты, я тогда был бас-гитаристом в группе “Удачное приобретение”. Мы тут как-то с ним вспоминали наши выступления на сейшенах. Кстати, у всех музыкантов того поколения сейчас пошла невероятная ностальгия по “золотым временам”. Стали вспоминать – он помнит партии баса каких-то песен, которые мы играли. Я не помню, а он помнит! А я помню, что он в микрофон говорил, слово в слово. Так общая картина и складывается.

Он замечательный человек, интересный, начитанный. Но ему было очень непросто с этим вокальным талантом всю его жизнь. Представляешь, каково человеку было слушать какие-нибудь жалкие потуги на академическое пение? Хорошо, когда это было от кого-то серого, незаметного. А когда кто-то якобы значимый, осыпанный всякими званиями и привилегиями, изображал пение, то Градскому было очень тяжело молчать. Вот он порой и не сдерживался…

<…>

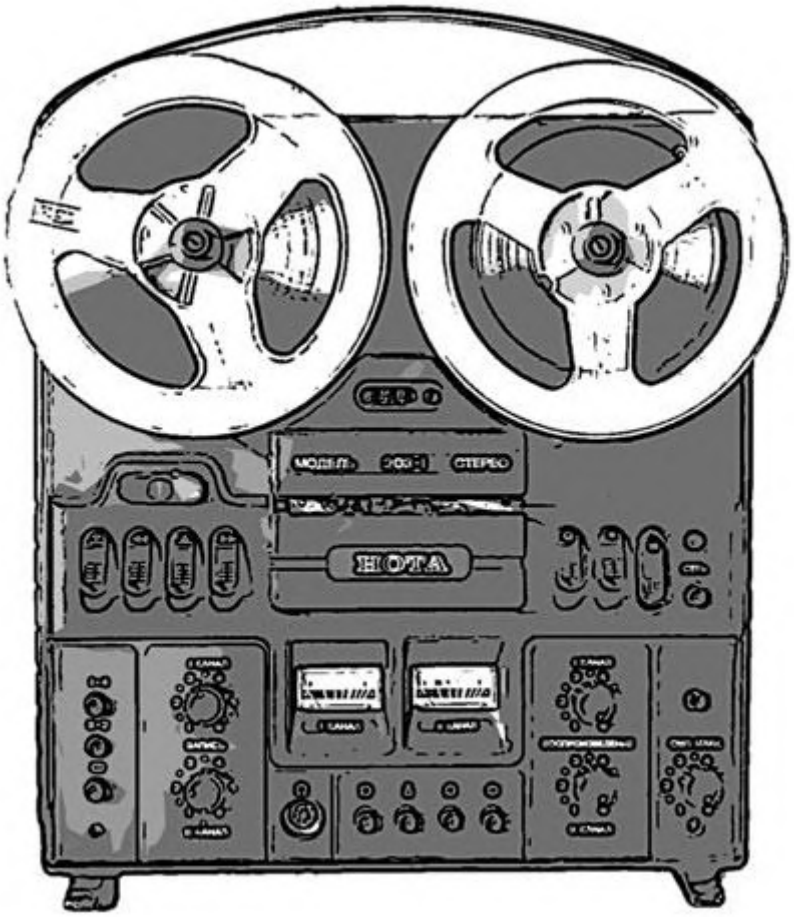
Старые песни начинают жить своей жизнью: их кто-то поет, они попадаются где-то в эфире, в телевизоре. В этом есть кайф, но есть и элемент некайфа, потому что ко мне, например, прибита табличка: “Матецкий – автор песни «Лаванда»”.

И в этом нет ничего плохого! Но только я еще автор многих других песен, тоже популярных, ничуть не

меньше “Лаванды”. Но народ меня накрепко ассоциирует с Ротару.

Автор и правда зачастую является неким субъектом творческих флюидов, неким их провайдером. Не очень я завернул? А порой deadline, то бишь срок какой-то, вносит креативную составляющую. Человеку говорят: “А ну-ка, давай к этому числу песню положи на стол хитовую!” Кого-то эта фраза придавливает, и ему тяжело, а кого-то “раз!” – и мобилизует. Меня скорее мобилизует. Так вот, “Лаванда” – это вещь по заказу и к определенному сроку.

Трудно сочинять оригинальные мелодии сегодня. И с каждым днем становится все труднее! И не потому, что авторы перебрали все возможные сочетания из этих все тех же семи нот: просто в популярной музыке уже столько всего сказано… Наверное, именно по этой причине популярное искусство сегодня нарочито компилятивно. И эта постмодернистская эстетика касается не только музыки. Помните: “Рабинович, возьмите “До”.– “До”.– “Плагиат”. Есть ощущение, что все уже было. Покажите мне любую вещь, и я скажу, на что это похоже. Эти часы, этот штатив, эта картинка, эти песни – и так далее. Другое дело, что художник, когда он ХУДОЖНИК, прикасаясь к чему-то, собирает некую вещь, которая даже если и состоит из кусков, которые просматриваются, все равно становится оригинальным произведением».



Послесловие: рок-кумиры

В любом успешном «поющем» самое главное – его персональный тембр, то, чем он завладел своей аудиторией, то, чем подчинил ее и заставил себя любить. Ведь людей со слухом и голосом гораздо больше, чем людей преуспевших в шоу-бизнесе.

Только рок-музыканты составляют исключение. В их случае волшебство тембра точно не самое главное – любой рокер и без голоса таковым числится, поэтому магия вокала мало чего добавляла к ТВ-беседе. Однако, перечитывая свои разговоры с поющими, я отчетливо вижу, что мое впечатление от сказанного становится иным, когда я вижу текст глазами, но не слышу его звучания. Глас поющего – его оружие.

С каким бы иным профессионалом я ни общался, тот в процессе разговора не воздействовал на меня тем, в чем преуспел по жизни. Режиссер не выстраивает нашу беседу по своему сценарию, художник не рисует свой ответ, фигуристка не отвечает на вопросы тройным тулупом, актер, может, и играет, но не на уровне того, что может изобразить в руках матерого постановщика. А поющий звучит. Оттого и впечатление от прочитанного иное.

Вспоминая свои ощущения, понимаю, что голос Иосифа Кобзона настраивал на Масштаб. Попсовики старшего поколения – Антонов, Буйнов – маскулинны, и разговор с ними был, условно говоря, «мужской». Те, что младше, много женственней звучат. Впрочем… С другой стороны, поющие девушки – само очарование. В процессе беседы все кажутся такими милыми, а в тексте нежданно зримы становятся забавные нюансы, которые на экране проскальзывали незаметно. И видишь, что одна – смышленая, а другая вовсе нет. Но голос все скрадывал.

Мужское/женское, умное/не-очень-умное, живое/искусственное – все эти категории гораздо лучше просматриваются именно в тексте беседы, нежели в ее звучании, поэтому нигде я так резко не чувствовал разницы между «во время» и «после» как в случае телебеседования с поющими. Многие читали о манящих Сиренах. Но все ли мы отдаем себе отчета в силе голоса? Который всегда работает при общении. Но сильнее многократно – в случае «поющих».

«Так себе поет этот Паваротти». «Вы были на его концерте?» «Нет, мне сосед напел». Аналогично работают во всем мире СМИ. Все дело в подаче, нюансах интерпретации. Всегда так было. Советский агитпроп был в этом смысле неподражаем. Что обстебывалось самими же бойцами агитпропа. Шутили, что если бы генсек Брежнев проиграл бы спринтерский забег US-президенту Рейгану, то наши газеты отписали: Леонид Ильич «занял второе место», а заокеанский бегун «пришел предпоследним».

Нынешний объем информации таков, что всю ее не усвоить. Вот и получается, что знания о мире, почерпнутые из «медийки», являются – нет, не полуфабрикатом: мороженую котлетку все же жаришь сам, – а пищей, любовно сдобренной чьей-то слюной. Кстати, ученые утверждают, что кормление пережеванной пищей есть акт любви, и отголоском этого ритуала является столь знакомый каждому банальный в губы поцелуй. Но! В сфере информации эта любовь издания/ТВ-канала/радиостанции/сетевого ресурса к своему читателю является скорее циничным насилием, нежели изысканной лаской. И порой возникает реальное ощущение, что тебя «имеют в мозг», как это описано в фильме «Побег из Вегаса», где титан шоу-бизнеса интересуется у своего сотрудника: «Тебя трахали в мозг? Нет? Так вот, я тебя сейчас трахаю! Прямо в мозжечок!»

На что подчиненный неуверенно отшучивается: «Только, пожалуйста, в презервативе: у меня мысли грязные».

Я старался не трахать мозг своим визави. И, надеюсь, им не позволил загрузить себя.

* * *

Постепенно уходит в прошлое рок-культура перестроечной поры, самое самобытное и яркое явление отечественной музыкальной жизни. Которое, конечно же, следует отнести к разряду явлений идеологических. Потому что для своих поклонников рок-иконы были не просто любимыми исполнителями, но вождями, являясь носителями жизненной программы, которую грубо можно описать как отказ от прелести мещанского быта и полная свобода от системы, если понимать под последней совокупность поведенческих норм, коим необходимо следовать, чтобы добиться социального успеха.

Как правило, рокеры сами писали тексты и музыку, они же генерировали философию жизни, наличие которой принципиально отличало их от эстрадных звезд. В соответствии со своим отношением к жизни рок-лидеры строили биографию, обрастая армией единомышленников. Поэтому взаимоотношения музыкантов рок-групп базировались, как правило, не на профессиональном интересе, а на единомыслии.

С самого начала рок-движения 80-х поклонники ждали от своих кумиров соответствия тому характеру, который был прорисован в текстах. Достаточно сложно создать гармоничный образ личности, который бы прослеживался в каждом поступке. Еще сложнее таким родиться. Тем ценнее для нас были рок-лидеры, каждый из которых имел свой особый имидж. Самыми яркими представителями рок-культуры 80-х были Гребенщиков («Аквариум»), Цой («Кино»), Кинчев («Алиса»), триумвират Бутусова, Кормильцева и Умецкого («Наутилус»), Шевчук («ДДТ»).

Гребенщиков, хронологически первый, создал свое абстрактно-ассоциативное пространство, в котором многие его поклонники узнали собственное мироощущение. Его песни пропитаны абсолютно всей информацией, которую он за свою жизнь получил извне. Там мы находим останки всей литературы, им прочитанной, философских систем, с которыми он успел ознакомиться. Именно хаос мыслей, ассоциаций и представлений создает вкупе некоторый особый мир с соответствующей программой жизни. Центром этого мира является сам БГ, немного не от мира сего, или производящий такое впечатление, свободный и независимый, отказавшийся от традиционной биографии, не состоявшийся в результате собственного выбора математик, вылетевший из университета за увлечение роком.

Свойственное рок-лидерам вообще и Гребенщикову в частности ощущение правильно избранного жизненного пути изначально гипнотизировало фанов. Так стадо всегда бежит за вожаком, не задумываясь куда бежит, потому что вожак, как им кажется, знает, зачем и куда бежать. В нашем нетривиальном обществе, лишенном каких-либо нравственных ориентиров, это качество особенно ценно. Здесь редки люди, которые знают, как жить, которые сделали свой выбор, не оглядываясь ни на кого вокруг, и идут своим, одним им ведомым путем. Поэтому единственным требованием, которое предъявлялось к рок-лидерам, было полное соответствие выбранному имиджу, т. е. если уж ты претендуешь на то, что ты свободен и независим, то живи так, как ты поешь. Именно поэтому Гребенщиков оказался первым, кто сошел с дистанции.

Про последнюю работу Борис-Борисыча точно написал блистательный воронежский журналист Павел Иевлев:

«Прослушал новую пластинку Б нашего Г под названием “Соль”. Ну шо вам таки сказать? Мэтр стабилен в качестве, и если вам в принципе нравится БГ, то новый альбом ничуть не хуже прежних – пара действительно хороших песен и еще десяток треков музыкальных соплей по виртуальному винилу. Но что хотелось бы отметить – падает, падает концентрация текста на минуту звучания. БГ, конечно, всегда славился заунывными трехминутными вступлениями каких-нибудь памирских дудок из прямой кишки яка

или плетенных из лыка гудков, длинными проигрышами и бесконечными кодами, но теперь чаще всего применяется схема “два куплета по три строчки (первые две строчки повторяются), остальные пять минут звучит ненавязчивая музычка”. Впрочем, может, оно и к лучшему. Все вышесказанное, разумеется, полнейшая дилетантская вкусовщина».

После выхода в Америке пластинки Джоанны Стингрей «Красная волна» всех музыкантов, которые дали ей свои записи, попросили подписать письмо, в котором они должны были отречься от всякого сотрудничества с Джоанной. Подписал его один Гребенщиков. Этот поступок резко опустил его в тусовке. Позже ему предложили уехать в США для записи пластинки, и он дал согласие. В кулуарах говорили, что это предложение не ему сделали первым, но он был единственным, кто согласился петь на английском. Отъезд в Америку, где «не был никогда», пользуясь цитатой «Наутилуса», был воспринят его фанами как некоторое предательство по отношению к своей аудитории. Его заподозрили в том, что он променял любовь народа на западный комфорт, шанс заработать настоящие деньги, возможно мировую славу. И конечно, победителей не судят. Если бы он стал звездой мирового масштаба, возможно, его бы простили, но этого не произошло, а здесь тем временем он потерял все. Имидж его, как доказала жизнь, не соответствовал на самом деле его личности.

Вторым сошел с дистанции «Наутилус Помпилиус», основой которого был союз Бутусова (композитора), Кормильцева (текстовика) и Умецкого (носителя рок-идеи). Доходчивость ресторанных ритмов плюс личное обаяние Бутусова прекрасно сочетались с замысловатой атмосферой подворотни в текстах Кормильцева и философией жизни Умецкого. Группа «Нау» была единственной, которая породила ряд песен на тему эротических проблем, а Бутусов был единственным рок-«героем-любовником», исполнившим рок-песню про рок-любовь «Хочу быть с тобой». В результате межличностных нестыковок коллектив распался и исчезла неповторимая атмосфера «Нау».

Вышедшие почти одновременно пластинки Бутусова и Умецкого наглядно доказали, что за Славой нет философии жизни, а Дима не умеет петь. Совершенно очевидно, что каждому в отдельности им не достичь того, чем они были вместе: имидж оказался разрушенным.

Верным себе и своей судьбе остался Цой («Кино»). Он жил, как пел, и умер, как жил. Ему в какой-то момент его жизни «на долю секунды показалась звезда», он к ней пошел и к ней ушел. Он умер в «солнечный день в ослепительных снах», закончив накануне свой последний альбом, в котором голос его, кажется, уже звучит из другого мира. Он станет легендой вовсе не потому, что рано ушел из жизни, а потому что умер, как предчувствовал, и прожил свою жизнь, как хотел, сам по себе, не зная компромисса. Песни «Кино» – это изложенная телеграфным стилем философия, где среди немногочисленных символов типа «звезда», «город», «ночь», «дождь», «стук» спрятана жизненная программа, согласно которой человеческая жизнь ничтожно коротка по сравнению с вечностью и важно прожить ее верным себе.

Цой всегда будет поддержкой и опорой тем, кто узнал себя в песнях «Время есть, а денег нету», «Мама-анархия», «Пачка сигарет», «Печаль». Он будет идолом тех, кто не хочет быть как все, кто не хочет быть лучше или хуже других, а хочет быть самим собой и сам по себе, а таких может быть много и они могут быть вместе.

Русский рок 80-х не был задуман как фон для развлечений и танцев. Эта, да простят меня профессионалы, музыка скорее для тех минут, когда душою молодому существу хочется подумать о смысле жизни, когда не на кого опереться и не с кем поговорить. Часто шутливая и ироничная, она в любом случае содержит в себе нечто большее, чем приятную мелодию, под которую можно веселиться.

Из всей многочисленной плеяды 80-х остались только два реально действующих вулкана: «ДДТ» и, конечно же, «Алиса».

Шевчук – типа патриот с трудноразличимым налетом славянофильского фанатизма, который утверждает, что любит свою родину, не отрицая, что «она уродина», и призывает всех остальных тоже ее любить.

И Кинчев – красивый, излучающий энергию и веру в свой завтрашний день, который, быть может, и «картонный герой», но он «принял бой». Костя не потерял своей аудитории, его по-прежнему любят за энергию, за бесшабашность, свободу и независимость. В глазах фанатов своей «Армии» Панфилов не стал взрослым, в чем огромная его заслуга. Пока есть он и есть его «армейцы», можно считать, что рок-идея 80-х еще жива, есть еще независимые нигилисты-анархисты, которые хотят быть свободными и готовы рискнуть жить по принципу «быть», а не по принципу «иметь».

На скандальном «Лурке» (этому ресурсу была посвящена одна из моих ТВ-бесед с Валерой Сюткиным) приведена спорная, но любопытная «Классификация рокеров» (речь, само собой, об отечественных):

«Задавшие тон в РР музыкальные коллективы категорически не вписываются в какой-то один жанр, но кое-какой ранжир провести все-таки можно:

Ленинградский рок – высокая степень плагиата, при СССР в Ленинграде достать зарубежную музыку было проще, чем в остальных городах, и зашкаливающее СПГС в текстах и повышенным небыдлизмом вследствие проживания в культурной столице.

Представители: олдскул (80-е) Аквариум, Зоопарк, ДДТ, Алиса, Кино, Автоматические удовлетворители, Пикник, Телевизор, Ноль.

Представители: ньюскул (90-е) Король и Шут, НОМ, Кукрыниксы.

Московская рок-лаборатория – самое разнородное течение РР – ибо начинали его как мажоры с дорогими инструментами, подрабатывающие в ресторанах, так и нищие хикки. Есть и философы (Машина Времени, Воскресенье), есть и стебщики (Ногу свело, Манго-манго). Играют все – от хэви-метала до фолк-рока. Общих признаков, помимо географии, нет.

Представители: Машина Времени, Воскресенье, Звуки Му, Крематорий, Бригада С.

Панки: НАИВ, Пурген.

Митализды: АрияЪ, Черный кофе, Коррозия металла.

Фолк-рок: Мельница, Калевала. От прочих отличаются не только текстами про викингов и славян, но и слегка мужеподобными, но фапабельными вокалистками.

Анархисты: Монгол Шуудан.

Сибирский рок – на суровых сибирских просторах понятие «рок» восприняли по-своему. Сибирский рок 80-х отличали жесткие и закрученные тексты с частым использованием мата и общее тяготение к депрессивной панк-музыке. Мат был элементом поэзии без акцентирования на “смехуечки” а-ля “Сектор газа”. Но массовый слушатель, ввиду своего конформизма, хоть раз что-то слышавший о сибирском роке, искренне полагает, что какая-нибудь Янка Дягилева – это почти то же самое, что и “Красная плесень”.

Представители: Гражданская оборона, Янка Дягилева, Теплая трасса, Калинов мост, Коридор.

Свердловский рок – отличались от других течений меньшей степенью гуруизма и большей степенью плагиата. Пиздюлей от Кровавой Гэбни получали существенно меньше своих коллег из европейской части, соответственно, и пели в основном не о глобальных проблемах, а о всяком-разном личном. Ну, или просто пытались заниматься типа искусством. С развалом Совка и закрытием Свердловского рок-клуба многие яркие представители этой сцены съебались в культурную и не очень культурную столицы нашей родины в

зависимости от личных предпочтений, целей и желаний.

Представители: Наутилус Помпилиус, Сонанс, Чайф, Урфин Джюс, Агата Кристи.

Русский рок оставался столичной забавой, и в других городах (за исключением Свердловска и Западной Сибири) массового движения не получилось. Однако несколько приметных команд и исполнителей провинция миру все-таки подарила.

Представители: Облачный край, Сектор газа, Красная плесень, Александр Башлачев.

Коньковская формация – с гибелью Совка рокеры ВНЕЗАПНО потеряли объект протеста – петь стало не о чем! Однако вчерашние антикоммунисты не растерялись, а переквалифицировались в управдомы имперцев и стали люто, бешено ненавидеть демократию. К делу популяризации движения приложил руку небезызвестный Егор Летов (членский билет НБП за номером 4, так-то!). Центром притяжения тусовки стала Москва (а точнее – район Коньково, и давший название формации) – даже несмотря на то, что многие команды не из Москвы и вообще не из России.

Несмотря на усилия, по результатам деятельности эта тусовка значительно уступает сибирякам из 80-х. Многие открыто называли себя “подражателями Летова”, но, по сути, имели с ним мало общего. Летов, кроме политики, сочинял еще красивые психоделические альбомы – эти же увлекались одной социалкой. Летов специально делал своеобразный звук (за пруфами – в интервью), даже когда добрался до техники – эти хреново записывались по вине нищебродства. В литературе есть такое понятие – “эпигоны”, и оно применимо к части таких коллективов. С уходом лихих девяностых движение почти сошло на нет.

Представители: Александр Непомнящий (Иваново), Адаптация (Казахстан), Красные звезды (Беларусь). Отчасти Соломенные еноты (в их честь формация и названа, но ни по звуку, ни по стилистике этот нерд-панк на ГрОб не похож).

Рокапопс – новое явление в музыке этой страны, появившееся незадолго до начала века. Представлен рядом групп, которые были близки к РР с музыкальной точки зрения, но полностью противоположны в плане текстов и мировозрения. Они не генерировали Протест, не стеснялись использовать для раскрутки зомбоящик, а самое главное, у них – кошмар, как они посмели! – были продюсеры.

Представители: Мумий тролль, Сплин, Би-2, Ляпис Трубецкой, Танцы минус, Звери, Земфира.

Экспериментаторы – напоследок самая малоизвестная, но крайне прогрессивная часть списка. Относятся к “русскому року” лишь формально – в силу национальной привычки называть “роком” все, что не попса. Это могут быть трип-хоп, дарк-эмбиент, нойз, musique concrète, коллажи, импровизации по накурке, экстремальные опыты со звуком и жанрами. “Экстремальные” – в смысле, говнари часто не могут это воспринимать. Как следствие – отсутствие публики при довольно интересной музыкальной начинке. В силу вышеозначенных причин переносятся в отдельную категорию.

Представители: ДК, Стук бамбука в 11 часов, Театр Яда, КооперативништяК, Палево, Коммунизм (сайд-проект Егора Летова)».

* * *

Можно было бы – спортивного интереса ради – поспорить с такой классификацией наших героев, но смысл? Мой коллега Андрей Добров, с которым мы вместе сотрудничали в работе над изданием «Однако» Михаила Леонтьева, не только пишет и является телеведущим, но и играет рок, к тому же начинал в журналистике именно с музыкальной критики; так вот, он как-то у себя в дневнике достаточно точно подметил:

«У нас так много рок-звезд, легенд, гуру и проч. Но где,!@ [хь, русский Джо Кокер? Не Лепс, а Джо

Кокер? Где русский Элвис? Где русские Саймоны с Гарфункелями? Где русские “Клэш”? И прочая фигня? Почему у нас сплошные бобыдиланы? Где русский Том Джонс, Дэвид Боуи, Блонди, Дженис Джоплин? Где … Джим Моррисон русского происхождения? БГ – крут. Ок. Макар – бог. Ооууу. Но это бобыдиланы. Это такая одна струйка, две струйки. Но это не рок-н-ролл. Они потому и считаются крутыми, что нет никого из тех, кого я перечислил выше. Нам кобыла невеста, потому что других нет. Конечно, ответ на свой вопрос я знаю очень хорошо. Весь этот шоу-бизнес, построенный на новорусском принципе – сделай дешево, сруби бабло и беги. Жди новогодних корпоративов и ни хрена не делай. Именно поэтому я не слушаю российскую музыку. Она мне не интересна. Она не рожает. Она фригидна. Именно поэтому для меня нет авторитетов в новорусской музыке – как поп, так и рок».

* * *

Тот факт, что рок-культура в какой-то момент стала массово-популярной, как бы доказал, что большой процент нашего, разных возрастов, населения, в принципе, был бы способен быть свободным.

Тот факт, что не появилось нового поколения русского рока с философией жизни, доказывает, что прежняя аудитория рок-лидеров не выдержала бремени свободы и переметнулась в попсу, т. е. предпочитает развлекаться, а не думать о вечном. А попса, несмотря на процветание, продолжает страдать от жестокого комплекса неполноценности по отношению к рок-лидерам, что вполне естественно.

Каждый попсовик, сделавший карьеру в рамках системы, заплатил за свое место под солнцем изначальной готовностью к прогибам и унижениям, без которых невозможно занять видного места в какой бы то ни было профессиональной среде. Но в систему можно прийти победителем, если достичь общественного признания без ее помощи, что и произошло с рок-лидерами 80-х, ни один из которых не собирался делать музыкальной карьеры.

Невозможно быть в системе и быть свободным, но можно быть свободным от системы. Виктор Цой в одном из интервью на вопрос журналиста, как он, мол, переносил моральное давление тоталитарного застоя, ответил, что даже в концлагере он чувствовал бы себя свободным.

Именно поэтому никто из попсовиков не может быть вождем, в то время как рок-лидеры в каком-то смысле были вождями для своих фанов. Недаром в кулуарной беседе Гребенщиков как-то сказал, что, если, стоя на сцене, он скажет: «На Зимний!», Зимний возьмут.

Поэтому к рок-лидерам изначально предъявлялись иные требования, нежели к эстрадным музыкантам. От них никто не ждал, что они будут чисто петь и записываться на профессиональной аппаратуре. Они могли позволить себе выступать на концертах как умеют, без всякой фонограммы. Не за то их любили, что у них были соловьиные голоса, а за то, что именно они пели.

Помню свою беседу с формальным руководителем культовой программы «Взгляд» Сергеем Ломакиным. На мой пассаж: «Согласись, “Взгляд” эксплуатировал закономерный интерес публики к социальному року», он ответил:

«…И показал массовой публике лучшие команды: ДДТ, “Наутилус Помпилиус”, “Кино”. Это была настоящая гражданская поэзия, и мы пробили этой музыкой брешь в цензурной стене. Параллельно с нами и с нашей помощью на музыкальные площадки страны прорывались подпольные музыканты. На т. н. “большой” планерке в Останкино один из музыкальных редакторов однажды сказал: “Огромное спасибо “Взгляду” за то, что он открыл стране советский рок”. Бутусов, Цой, Шевчук – это литература неравнодушных людей. Именно литература, просто текстами это не назову. И их помнят и слушают по сию пору. Будет ли кого-нибудь через 20 лет интересовать сегодняшняя эстрада? Сомневаюсь. Тогда музыка делала революцию…»

Да, так и было. Но! Но рок-культура, которая существовала в нашей стране до 80-х, как и творчество эстрадников, не была подкреплена жизненной философией. Поэтому никогда не поймет Градский, со своим безупречным вокалом, почему стадионы пели стоя на концертах «Кино». Не поймет Макаревич, чем он принципиально отличается от Гребенщикова. И не узнает Высоцкий, что он на самом деле был первым настоящим рок-философом.

Русский рок 80-х, как и всякая философия жизни, не была изначально предназначена для потребления большинства. Весьма адекватно это описал Макаревич в своих мемуарах «Сам овца»:

«Занимаясь много лет музыкой, я часто замечал с некоторой печалью, что очень немного людей отличают хорошую музыку от плохой. Один мой товарищ, старше меня на пару лет (замечательный, кстати, человек), любил группу “Ласковый май” и все время заводил ее в своей машине, а на мой вопрос, не сошел ли он с ума, отвечал: “А мне нравится!” – и диалог заходил в тупик. Просто в детстве его никто не научил отличать хорошую музыку от плохой. При этом, как ни странно, в других областях все может быть в относительном порядке…

Советская власть записывала в леваки всех уклонявшихся от принципа социалистического реализма, и они уже вызывали сочувствие и симпатию как смелые люди и борцы с режимом. Это был некий фронт, и кто как рисовал, было вроде не самым главным. Квартирные выставки, подпольные мастерские, километровая очередь в павильон “Пчеловодство” – как же меня туда тянуло! Советская власть сдохла, и вдруг стало ясно, что никаких индульгенций в плане искусства борьба с режимом не дает. И что фронт – не един, а есть там художники хорошие, а есть – разные. Это, оказывается, очень тяжело – когда не с кем бороться. Продвинутые, не мысля себя вне борьбы, принялись бороться с формой. (Это проще, чем с советской властью – она не дает сдачи.) Вся эта тусовка вокруг прогрессивного искусства напоминает мне какой-то садик. Там свои правила, свой язык, свои игры и небывалое высокомерие по отношению ко всем, стоящим за оградой. Интересно, что, как только кто-то из садика начинает вдруг интересовать широкую общественность – скажем, его работы появляются на других выставках или вдруг начинают хорошо продаваться, – его тут же с негодованием выпихивают из садика за забор – он стал коммерческий, и я слышу в хоре негодования нотки зависти. То, что при этом художник ни на йоту не изменил своим работам, совершенно неважно – важно, где он с ними оказался. Какая-то в этом есть гадость, ибо видели ли вы художника, который не хочет, чтобы его работы покупали? А если ты действительно этого не хочешь – зачем выставляешься? Выставляйся дома. Очень похожее происходило в середине восьмидесятых в так называемой Московской рок-лаборатории – последней судорожной попытке умирающего комсомола сплясать кадриль с неформальной молодежью. Чтобы попасть в эту рок-лабораторию, надо было быть альтернативным во всех проявлениях и с презрением относиться, скажем, к “Машине Времени” как к зажравшимся и продавшимся ретроградам. Умение петь, играть или сочинять музыку было отнюдь не первостепенной важности вещью. Стоило группе “Браво” обрести популярность, выходящую за рамки этой песочницы, как их дружно облили фекалиями и выгнали из садика – они продались. Оказывается, важно, не что и как поешь, а – с какой поляны. Все-таки страшно интересно – это отголоски классовой борьбы или просто от зависти? Имел я длинный спор с кинорежиссером Сергеем Соловьевым. Речь шла об одном очень ловком молодом человеке, который вдруг взял и стал концептуальным художником, очень удачно попал в красную волну, которая накрыла Америку, умиленную словами Gorbachoff и Perestroyka (и схлынула, кстати, через пару лет, оставив американцев в некотором недоумении.)

Я печалился по тому поводу, что прокатились на этой волне за океан самые ушлые и шумные, убедив на время наивных американцев в том, что они и есть соль русского современного искусства. Они заслонили собой многих действительно хороших художников, которые в это время сидели и рисовали. Соловьев мне отвечал, что победителей не судят и что талант – это не просто нарисовать занимательную картинку, но еще и добиться того, чтобы человечество ее полюбило. Наверно, сегодня дело именно так и обстоит. Но

мне все-таки кажется, что это два каких-то разных таланта. И если первый отсутствует, то самые невероятные проявления второго вызывают у меня разве что чувство неловкости за его обладателя. Победителей, кстати, тоже судят. Их судит Время!».

Да, повторю, русский рок 80-х, как и всякая философия жизни, не была изначально предназначена для потребления большинства. И тот факт, что эта музыка в какой-то момент стала популярной без всякой помощи средств массовой информации, говорит лишь о том, что в нашей стране философски настроенных лиц гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Эта культура была создана теми и для тех, кто не хочет жить по среднему статистическому, кто помнит о вечном и, как пел Петр Мамонов, кто «умеет летать».

Очень точно про контркультуру написал как-то в Facebook'е Андрей Графов:

«Внемли, хипстер. От поколения отцов обращаюсь к тебе.

Мы, неформальная молодежь 90-х, были тебе предтечи. Мы – первое свободное поколение в новой России. Первое и последнее. Ибо ты, хипстер, фуфло, а не поколение. И сейчас я объясню почему.

Вот, к примеру, был у нас журнал. Назывался *Забриски Rider*. Ты хоть понимаешь, причем тут Забриски и откуда взялся Rider? Да нихрена ты не понимаешь… Но это был журнал! Настоящий, бумажный. Там печатались такие материалы, как сейчас говорят, *в интернете не найдешь*. А тогда и интернета не было, прикинь?

У нас было радио. Представь себе: в FM-диапазоне передавали хорошую музыку. Радио *Ракурс*, например; чуть позже *Милицейская волна* (да, мы тоже угорали над названием). Но это радиостанции, которые можно было найти в эфире, покрутив ручку приемника. Когда ты в последний раз крутил ручку хотя бы от чего-нибудь?

Были женщины. Настоящие, живые, без депиляции. Были нежные девушки с фенечками. Были матерые тетки, которые хлебали портвейн из горла. Были боевые подруги, с которыми мы таскались повсюду и доверяли им, как самим себе. А ты доверяешь своей подружке, хипстер? У тебя подружка-то есть?

Герои, у нас были герои! И это не только Гребенщиков, но и такие реально подпольные ребята, как Александр Непомнящий или Веня Д'ркин. И еще *есть тут один парень, он поет голосом Егора натурально, ща включу мафон, я записал, когда мы сидели на кухне*. И нам не нужно было уточнять, какого Егора.

Ты вообще в курсе, что такое настоящая контркультура, хипстер? Контркультура – это когда ты знаешь, что сдохнешь и о тебе никто не узнает. Все прочее это фуфло. Ты хоть что-нибудь подобное чувствовал в своей жизни, хипстер? Ты хотя бы видел людей, которые так чувствовали, так жили? Кого ты вообще видел, хипстер, кроме пусей-райт и художника-павленского?

А мы видели настоящих людей. Мы сами были такими, и это лучшее, что может случиться в молодости.

У нас была преемственность. Мы с обожанием глядели на олдовый пипл из 70-х и 80-х. Они называли нас *пионерами* и бухтели на нас по-стариковски – точно так же, как я сейчас на тебя. Но при этом мы с ними были одной крови, мы чувствовали живую связь. И это было дорогое чувство.

Мы все были заодно: хиппи, панки, толкинисты. Это было общее братство неформалов.

Плохое было тоже. Гопники лютые. Менты оборзевшие. Это сейчас ты, хипстер, любому в нос сунешь айфончик с визгом *я все снимаю, на ютуб потом выложу*. Тогда было малость иначе.

Ты пойми, хипстер, в наше время пипл запросто огребал люлей за внешний вид. За прическу, за джинсы-клеш, за пацифик, за серьгу в ухе. Просто за выражение лица. Теперь пойди, посмотри на себя в

зеркало, подумай: как долго ты бы смог выжить на улицах 90-х.

А мы жили на улицах. Literally. У нас не было Жан-Жака, у нас был Эгладор и Арбат. Да и то, Арбат считался попсой. В лучшем случае – подвалы, вроде клуба Форпост, где надо было еще аскнуть бабла на билет или хотя бы надыбать флаер.

Да, нас тоже не устраивала окружающая реальность. Мы даже, смешно сказать, ругали Эту Страну – совсем как ты теперь. Только, в отличие от тебя, мы реально жили в Этой Стране, среди Этих Людей. Мы не отделяли себя от них, да и не могли бы отделить при всем желании. У нас было общее пространство кармы: одни и те же улицы, одни и те же подъезды. У нас была общая реальность, и реальность эта была жесткая. Но нам и в голову не приходило капризничать и чего-то требовать. Да, у нас было ощущение, что мы *другие*. Но у нас не было этих мажорских понтов, что мы *лучше*. И если многие из нас мечтали *свалить*, то это потому, что нам казалось: *там* совсем другая жизнь, можно сидеть на солнышке, играть рок-н-ролл и не получать по голове. Вот это было важно. Именно это, а не *честные выборы*, *уровень жизни* и *большие карьерные возможности*.

Мы боролись с этой реальностью, как умели. Точнее, мы оборонялись от нее.

Мы курили траву из Казахстана. Мы жрали грибы из Карелии. Мы тырили димедрол из бабушкиной аптечки. ЛСД считался шиком. Вся наша жизнь стоила дешевле, чем одна доза кокаина, которым ты ужираешься в сытую эпоху стабильности.

Лучших из нас сгубил героин. Средних добила водка. Остались те, кто остались: подстриглись, замаскировались, растворились. Ведут мемуары за чашечкой кофе своим детям о вчерашнем дне, а ты без гугла и не сможешь считать, откуда эта цитата, хотя это почти так же попсово, как Арбат.

Но главное, хипстер. Самое главное!

Нас совершенно не интересовала политика. Нас совершенно не интересовали деньги. Нас совершенно не интересовала карьера. Нас совершенно не интересовал социальный престиж. Нам нужна была только Свобода.

И да, мы с трудом помнили отчество у тирана. А всех прочих мы не знали даже по фамилии.

А теперь подумай, сколько имен и фамилий знаешь ты, хипстер. Сколько политиков, общественных деятелей, журналистов и блогеров засирают твой мозг ежедневно. Сколько болтовни ты пропускаешь через себя, искренне полагая, что это важно и нужно.

При этом ты балаболишь про Свободу, оскорбляя тем самым все что было дорого нам. Но жизнь твоя похожа на настоящую Свободу не больше, чем твоя стильная прическа сейчас на наши грязные патлы тогда. И пусть мы давно состригли наш хайр, и пусть хайратники наши истлели в прошлом, и пусть сегодня мы такие же цивильные, как ты, пусть сидим в одной и той же фейсбученьке с одними и теми же айфончиками, но нет, мы с тобой не одной крови.

Вот поэтому мы смотрим на тебя, хипстер, как на говно. Мы были крутые. А ты – нет».

Конец цитаты.

Да. Это все так. Но метаморфозы не только поколенческие.

Еще одна цитата, из песенки «Метро» группы «Високосный Год» (не путать с «Високосным Летом» Александра Ситковецкого и Криса Кельми):

«Это мы придумали Windows,
это мы объявили дефолт,
Нам играют живые “Битлз”
и стареющий Эдриан Пол.

Наши матери в шлемах и латах
бьются в кровь о железную старость.
Наши дети ругаются матом,
нас самих почти не осталось…»

Как замечала медиаидеолог Марина Леско, мы живем в эпоху утраты смыслов. Пора находить неравных в позитиве, а не в негативе. Потому что – процитирую здесь товарища Бисмарка – возможности рождают намерения.

Еще Пьер Бурдье в своей статье о журналистике писал: «Большая часть сенсационного материала, считающегося козырем в борьбе за аудиторию, обречена на то, чтобы пройти мимо внимания зрителей или читателей, и будет замечена только конкурентами, ведь журналисты – это единственные, кто читает все газеты…»

Помню забавный случай с маргинальным писателем Александром Никоновым. Десять лет назад мы с ним экспериментировали с одним бульварно-сатирическим форматом, пытаясь сделать стебную газету, что-то вроде парижского еженедельника Le Canard enchaîné (это одно из старейших, популярнейших и влиятельнейших изданий во Франции), под названием «Московская комсомолка» (которая не имела отношения ни к «МК», ни к «Комсомолке»; контентил газету патологически плодовитый Дима Быков и его коллеги по «Огоньку»). Естественно, Никонов в полный рост представлен был в каждом из двадцати выпусков проекта. Но однажды Саша предложил материал, который я не дерзнул публиковать ввиду того, что издание гарантированно читала не только администрация президента Ельцина, но и его благовоспитанное семейство, нервно реагировавшее на ненорматив. Речь шла об очень смешном обзоре туалетных надписей. Просто забавном, без какого-либо тайного посыла.

Через пару недель после моего отказа Александр, заехавший в штаб-квартиру «Новых Известий» (где с подачи тогдашнего владельца Бориса Березовского и окопалась хулиганистая «Московская комсомолка»), гордо продекларировал:

– «Туалеты» я все-таки опубликовал!

– Ну и что: какова реакция?

– Не знаю, в редакцию пока не заезжал.

Так на голубом глазу и молвил. То есть эффект публикации уже тогда начал измеряться не потоком читательских писем, а лишь отзывами приятелей-сослуживцев. Изменились масштабы кардинально. «И миллион меняют по рублю» (© В. С. Высоцкий).

В культовой комедии Эльдара Рязанова «Дайте жалобную книгу!» (1965) есть примечательный эпизод. По сюжету отстойную кафешку «Одуванчик» возглавила молодая и амбициозная заведующая Татьяна Шумова (Лариса Голубкина). Столь же молодой репортер Юрий Никитин (Олег Борисов), мечтающий ликвидировать недостатки в работе общепитовской точки, сочиняет фельетон. Девушка вопрошает настырного журналюгу (напоминаю – © А. Б. Градский – читай выше):

– Из-за вас мою фамилию теперь склоняет миллион человек?

– Вообще-то тираж нашей газеты – пять миллионов, – гордо отвечает репортер.

И ведь правда: в советское время центральные газеты издавалась такими тиражами. Самих газет-то было не более дюжины при этом. Из ежедневных – «Известия», «Комсомольская правда», «Правда», «Советская Россия», «Социалистическая индустрия», «Труд». Стоили по 2 копейки. Объем, как правило, четыре полосы. Первая занята тупым официозом. На второй – про закрома Родины. Читабельной

информации всего-то сотня строк. Немудрено, что и сами эти строчки и междустрочье изучались подписчиками пристально. И эффект от публикаций всегда был. Заметка могла стать приговором. Репортаж решал судьбу министерства. Фельетон крошил карьеры. Обложка становилась мегасобытием. А корректорских ошибок не было. Из фактических – только идеологически выверенные.

Все-все читали и смотрели. А сейчас не успевают. Наслаждаться душевым потоком и принимать на темечко Ниагару – не одно и то же. И действительно размножение единообразия утомляет потребителя и дорого обходится владельцам. Все, все поменялось. И к лучшему, и к худшему кое-что.

Каким-то непостижимым образом рок-бунтари стали певцами поколения «детей колбасы». Почему так? Да потому что неоднократно упомянутая в этой книге «Америка, где я не буду никогда» (© «Наутилус Помпилиус») ассоциировалась не только со свободой слова, шедеврами Голливуда и запретным рок-н-роллом, но и с дефицитными материальными благами: джинсы донашивали до заплат, в заветные бутылочки из-под кока-колы заливали кофейную бурду и выставляли это «бАгатство» на почетную полку в престижной финской «стенке», а смотреть на привезенный из Штатов Сашей Градским лимузин (у коего – о, боги! – зеркала управлялись электроникой) съезжались на улицу Марии Ульяновой со всей державы.

Однако я помню и знаю: та эпоха, когда «песни протеста» наравне с Высоцким и Галичем тиражировались почти подпольно, подарила отечественной богеме несравненное ни с одним легальным наркотиком чувство драйва и слово «пионер» соотносилось не с организацией имени Ленина Владимир-Ильича, но с первооткрывателями неведанного. Уходящая натура, утраченные иллюзии – времена, когда некоторые вещи были абсолютными символами.

Библиография

Додолев Е. Аквариум // Смена № 1448, сентябрь 1987 года.

Додолев Е. Начальник «Камчатки» // Московский комсомолец от 25 марта 1988 года.

Додолев Е. «Наутилус» или «Pompilius»? // Смена № 1461, апрель 1988 года.

Додолев Е. Секрет // Смена № 1460, сентябрь 1988 года.

Додолев Е., Николаева Э. Техника телебезопасности // Совершенно секретно № 2, июль 1989 года.

Додолев Е. Папаша Кобзон и его мафия // Новый Взгляд № 01 от 15 января 1992 года.

Додолев Е. Слово // Новый Взгляд № 1 от 12 февраля 1992 года.

Ванденко А. Непоколебимая // Новый Взгляд № 05 от 30 января 1993 года.

Леско М. О кумирах 80-х // МузОБОЗ № 01 от 20 января 1995 года.

Додолев Е., Николаева Э. Пятая гАдовщина // Новый Взгляд № 22, 5 августа 1996 года.

Додолев Е. Странные люди эти телевизионщики // Московская комсомолкА № 13 от 12 марта 2001 года.

Додолев Е. Трудности перевода // Однако № 22 (38) от 13 июня 2010 года.

Додолев Е. Свободные художники // Однако № 28 (44) от 25 июля 2010 года.

Додолев Е. Я слишком дорожу своим мнением, чтобы делиться им с кем попало // Однако № 33 (49), сентябрь 2010 года.

Додолев Е. Дихотомия-2010 // Музыкальная правда № 20 от 17 сентября 2010 года.

Додолев Е. Двадцать лет без «Взгляда»// Комсомольская правда от 27 декабря 2010 года.

Додолев Е. Чем Никас Сафронов похож на испанца Сальвадора Дали? // Комсомольская правда, от 8 апреля 2011 года.

Бастенер Ж. Цой во плоти // Музыкальная правда № 11 (753) от 17 июня 2011 года.

Додолев Е. Большой и маленькие // Медведь № 6 (151) июнь 2011 года.

Додолев Е. Лицедеятели культуры // МК от 30 сентября 2011 года.

Додолев Е. Принцессы не какают // Однако № 43 (107) от 13 декабря 2011 года.

Додолев Е. Анонимность интернета как терапия психопатологий// Однако № 03 (112) от 21 февраля 2012 года.

Додолев Е. Алла Первая // Московский комсомолец от 13 апреля 2012 года.

Михайлина Е. Евгений Додолев о бурной молодости Эрнста и Макаревича // Атмосфера № 09 (125), сентябрь 2012 года.

Додолев Е. Леонид Ярмольник в прямом эфире канала «Москва 24» // Музыкальная правда № 17 от 05 октября 2012 года.

Додолев Е. Евгений Маргулис в прямом эфире канала «Москва 24» // Музыкальная правда № 18 от 19 октября 2012 года.

Додолев Е. Головой в бетон? // Однако № 52 от 25 декабря 2012 года.

Додолев Е. Размер $$$ не имеет значения? // Музыкальная правда № 02 от 01 февраля 2013 года.

Додолев Е. Наргиз // Музыкальная правда № 21 от 6 декабря 2013 года.

Додолев Е. Борис Гребенщиков не любит The Muse и не слушает сборники The Beatles // Музыкальная правда № 10 от 21 июня 2013 года.

Додолев Е. Неюбилейный настрой Макаревича // Музыкальная правда № 22 от 20 декабря 2013 года.

Додолев Е. Андрей Державин, сталкер-машинист // Музыкальная правда № 02 от 24 января 2014 года.

Додолев Е. Главный наркотик // Музыкальная правда № 02 (811) от 5 февраля 2014 года.

Додолев Е. Строитель «Калинова моста» Ревякин // Музыкальная правда № 04 (813) от 21 февраля 2014 года.

Додолев Е. Человек традиции // Музыкальная правда № 08 от 18 апреля 2014 года.

Додолев Е. Иванушка-вербач // Музыкальная правда № 13 (822) от 4 июля 2014 года.

Макаревич А. Однажды в Греции я попросил кофе и счет // Горец от 21 июля 2014 года.

Додолев Е. В поисках Эльдорадо // Музыкальная правда № 16 (825) от 15 августа 2014 года.

Додолев Е. Александр Великий // Story № 10 (74), октябрь 2014 года.

Додолев Е. Достояние всех республик // Музыкальная правда № 20 (829) от 24 октября 2014 года.

Додолев Е. «Москвич» от джазмена Сюткина // Музыкальная правда № 20 (829) от 24 октября 2014 года.

Додолев Е. Настоящий совершенно рокер // Музыкальная правда № 21 (830) от 7 ноября 2014 года.

Додолев Е. На круги своя // Музыкальная правда № 22 (831) от 21 ноября 2014 года.

Додолев Е. Нота «ми-ми-ми» // Новый Взгляд № 12 (492) от 4 декабря 2014 года.

Додолев Е. Кризисный менеджер Кутиков // Музыкальная правда № 23 (832) от 5 декабря 2014 года.

Додолев Е. Апофегей // Новый Взгляд № 01 (493) от 14 января 2015 года.

Додолев Е. Рок-н-ролл в эпоху дефицита // Story № 01 (77), январь – февраль 2015 года.

Кушанашвили О. Одинаково скверно // Музыкальная правда № 03 (836) от 6 февраля 2015 года.

Градский А. Что произошло // Музыкальная правда № 04 (837) от 20 февраля 2015 года.

Додолев Е. Чекист Степанцов // Музыкальная правда № 06 (839) от 20 марта 2015 года.

Додолев Е. Крису Кельми 60 // Музыкальная правда № 08 (841) от 17 апреля 2015 года.

Додолев Е. Кингстоны Дунаевского // Музыкальная правда № 09 (842) от 15 мая 2015 года.

Додолев Е. Где та шпана? // Story № 07 (82), июль 2015 года.

Додолев Е. Фридлянд не сдается // Музыкальная правда № 16 (849) от 21 августа 2015 года.

Додолев Е. Последний герой // Story № 09 (84), сентябрь 2015 года.

Додолев Е. Матецкий «Мимонот» // Музыкальная правда № 24 (857) от 18 декабря 2015 года.

Додолев Е. Владислав Листьев: был или не был? // Новый Взгляд № 1 от 15 января 2016 года.

Додолев Е. Как «Гоблин» Растеряева сделал // Музыкальная правда № 01 (858) от 29 января 2016 года.

Додолев Е. Михаил Ефремов // Story № 04, апрель 2016 года.